

Виталий МЕЛЕНТЬЕВ

ЧЁРНЫЙ ЦВЕТ

Виталий Мелентьев
Черный свет (сборник)

Издательство «РИМИС»

2012

Мелентьев В. Г.

Черный свет (сборник) / В. Г. Мелентьев — Издательство
«РИМИС», 2012

Закадычные друзья Юрка Бойцов и Вася Голубев – самые обычные школьники, и учатся они в самой обычной школе. Вполне невинные поступки оборачиваются для них невероятными приключениями. Им суждено побывать в непролазных джунглях Амазонки, попробовать, каково на вкус мясо гигантской анаконды. Случайно обнаружив в лесу межпланетный корабль, ребята познакомятся с неведомыми пришельцами из далеких миров. В поисках бивня древнего мамонта героям этой книги предстоит отправиться в... будущее. В фантастическую трилогию входят три повести: «33 марта», «Голубые люди Розовой земли», «Черный свет».

© Мелентьев В. Г., 2012

© Издательство «РИМИС», 2012

Содержание

33 марта	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	18
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Глава седьмая	26
Глава восьмая	29
Глава девятая	33
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	39
Глава двенадцатая	42
Глава тринадцатая	45
Глава четырнадцатая	49
Глава пятнадцатая	54
Глава шестнадцатая	59
Глава семнадцатая	62
Глава восемнадцатая	64
Глава девятнадцатая	70
Глава двадцатая	74
Глава двадцать первая	77
Глава двадцать вторая	80
Глава двадцать третья	83
Глава двадцать четвертая	87
Глава двадцать пятая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виталий Григорьевич Мелентьев
Черный свет

Мелентьев Виталий Григорьевич
1916–1984

33 марта

Глава первая РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Звезды сверкали ослепительно ярко. Окруженные лучистыми венчиками, они казались близкими и теплыми; мороз крепчал, и в воздухе плавал густой колючий туман. Электрические

фонари, фары автомобилей, окна домов тускнели и расплывались желтоватыми пятнами. Под ногами свирепо и раскатисто скрипел снег.

Искусно лавируя в путанице тропок, ученик шестого класса средней школы № 3 Вася Голубев то выходил на освещенное фонарем полукружие, то пропадал в тумане. Свернув в сторону, он перепрыгнул через торчащую из-под снега ограду палисадника, пригнулся, отодвинул в сторону доску забора и перевел дух – перед ним возвышалось четырехэтажное здание средней школы № 1. Вася с тоской посмотрел на такое знакомое, такое родное здание, покоился на пушистые маленькие кедры, которые посадил его пионерский отряд в прошлом году, и побежал вперед.

В теплом вестибюле школы раздался звонок, и почти сейчас же огромное здание наполнилось шумом и громом: в средней школе окончились занятия.

Вася пристроился в уголке около раздевалки, но здесь его заметила худая и вечно злая сторожиха тетя Поля. Она подозрительно посмотрела на Васю и спросила:

– Опять драться пришел?

Вася вытер нос и решил быть миролюбивым и добрым.

– А зачем мне нужно драться? – очень мягко спросил он.

– Этого я не знаю, – сказала тетя Поля и поджала губы. – Но только как ты здесь появляешься – так сейчас же драка.

– Ну уж «и сейчас же»!.. – протянул польщенный Вася.

– Конечно! В прошлую субботу дрался, в том месяце дрался. Сейчас опять?

– А если они сами лезут?

– Они к тебе в школу не ходят.

– Какая вы странная, тетя Поля! – удивленно сказал Вася. – Вы хотели, чтобы и у нас в школе было такое же безобразие?

– Хорошенькое дело! – воскликнула возмущенная тетя Поля. – Если б ты сюда не ходил, никакого безобразия и не было бы.

Васе Голубеву совсем не нравился этот никчемный разговор, тем более что возле вешалки уже закипали страсти. Мальчишки, стремительно врезаясь в очередь, отталкивали девчонок. Кто-то взвизгивал, кто-то кого-то звал, и никто не стоял на месте. Один только Вася, как привязанный, должен был выслушивать тети Полины наставления. Ему следовало бы тоже врезаться в очередь и свести кое-какие давние счета со своими бывшими товарищами, а теперь врагами из шестого «Б».

Но тетя Поля заметно повышала голос:

– Чего ты с ними дерешься? Чего вы не поделили?

Было много причин, по которым Вася не хотел ссориться с тетей Полей, и поэтому он как можно ласковее старался объяснить:

– А что они задаются? Почему так получилось: и для физического кабинета мы все модели делали, и «Умелые руки» все вместе организовывали, а когда нас перевели в новую школу, они всё себе оставили? Разве это правильно? Почему они нам ничего не отдали? Ведь половину класса перевели? Половину! Значит, должны были половину и отдать. А теперь еще и задаются: «В вашей третьей школе только слюнявчики вышивают!» Вы же, тетя Поля, сами знаете. Разве мы работали хуже, чем они? Разве не мы парты чинили? Разве не я пробки вставлял? Меня за что перевели? Говорили: «Вот у Голубева выдумки и фантазии много, он там работу „Умелых рук“ наладит». А что получилось? Инструмент весь у себя оставили, материалов ни крошечки не дали. Это – по правилу? Да еще подзуживают: «Иголки с нитками купили? Вот и вышивайте атомные электростанции». А сами – построили? Даже модель лунохода и ту закончить не смогли! А еще задаются!

Тетя Поля поняла, что попала в затруднительное положение. Она пожевала тонкими губами и, подозрительно заглянув в глаза Васи, неуверенно сказала:

– Все равно драться не резон.

– «Не резон»! Пускай не задаются! Если вы хотите знать, наша школа еще загремит. Еще они к нам на экскурсию будут приходить!

Тетя Поля уже лет десять работала в 1-й школе. Она была уверена, что лучше этой школы нет не только в городе, но, наверно, и в области, и поэтому немного обиделась.

– «На экскурсию»! – передразнила она Васю. – Драчунами любоваться?

В это время совсем рядом завязалась хорошо известная всем школьникам краткая и выразительная беседа:

– Ты чего?

– А ты чего?

– Да я ничего, а вот ты чего?

– А чего ты лезешь? А то вот как дам...

– Был тут один такой смелый, да его в новую школу перевели.

Тетя Поля быстро обернулась. Ленка Шатров и Женька Маслов легонько подталкивали друг друга и приподнимались на цыпочки. Вася немедленно воспользовался изменением обстановки и, юркнув в сторону, точным, отлично отработанным двойным приемом – концом пальцев и ладонью – ударил в плечо Женьку и сбил его с ног. Женька Маслов – бывший Васин товарищ по кружку «Умелые руки», а теперь самый отъявленный враг, упал на проходивших школьников. Они оттолкнули его, и Женька, как мячик, стал переходить из рук в руки.

Полюбовавшись этим зрелищем, Вася пропал в общей сутолоке и вскоре протиснулся к самой вешалке.

Смуглый, подтянутый, в очень опрятном форменном костюме подросток пригладил свои черные, зачесанные на пробор волосы, едва заметно улыбнулся и спросил у Васи:

– Пришел?

– Конечно. Слово – закон! – ответил Вася.

– Ладно, пошли, – тщательно застегивая все пуговицы на пальто, отозвался мальчик.

Они выбрались из толчеи и вышли на улицу. Морозный воздух сразу обжег лица. Ребята подняли воротники теплых пальто и зашагали по затянутому туманом улицам.

Вася первым нарушил молчание и мрачно сказал:

– Завтра или никогда. Понял, Саша?

– Понял.

– Пойдешь? – голос у Васи дрогнул.

Давний товарищ и сосед по квартире Саша Мыльников опять слегка усмехнулся и ответил:

– Я все-таки не совсем понимаю, для чего это нужно?

– Но ты друг?

– Понятно...

– Так неужели ты не понимаешь, что если мы найдем мамонтовый зуб, то к нам будут ходить на экскурсии со всех школ!

– А почему не в музей? – спросил Саша.

– Ну, видишь ли... Ведь с этого мы и начнем создавать свой музей. Школьного музея нет еще ни в одной школе.

– Это ценная мысль, – солидно сказал Саша.

– А ты как думал? – сдерживая гордость, ответил Вася.

– Но я не совсем верю в этот зуб... в то, что нам удастся найти его.

– Ты удивительный человек! – Вася забежал чуть вперед и повернулся к Саше. – Ты никому и ничему не хочешь верить. Ведь сколько раз и твой отец и мой говорили: на старых разрезах, где они выкопали два мамонтовых зуба, остался еще один. Им не хотелось вырубать его из вечной мерзлоты. А мы вырубим! Нам захочется!

– Ну, я понимаю... – Саша остановился. – Ты хочешь, чтобы твоя школа загремела. Но ведь моя школа уже гремит.

– Но ты друг? – остановился Вася, в упор глядя на Сашу.

– Понятно... – уже не так уверенно, как прежде, ответил Саша и задумался.

– Я тебе так скажу! Если мы найдем два мамонтовых зуба, один будет твой, – великодушно и в то же время очень дипломатично сказал Вася. – Так как? Пойдешь со мной?

Саша покосился на него и промолчал.

Конечно, Вася друг, но помогать ему доставать зуб и, значит, давать ему возможность обставить 1-ю школу – дело не простое. Хотя почему, собственно, там не может быть двух зубов? Ведь известно, что в ледяном панцире вечной мерзлоты, покрывающей огромные северные пространства Сибири, находили не только мамонтовые зубы. На столе у Сашиного отца лежит нож для разрезания бумаги, сделанный из мамонтовых клыков – бивней. Это подарок искусных чукотских косторезов. Почему же в старых разрезах, в которых геологи искали какой-то важный минерал, не может быть не только мамонтовых зубов, но и бивней? И Вася и Саша недаром сыновья геологов – они знают, что необыкновенная сибирская земля хранит в себе еще и не такие тайны.

– Ладно, – сказал Саша и решительно двинулся вперед. – Я пойду. Но с условием: если мы найдем что-нибудь, все пополам. Хорошо?

– А если будет только один зуб?

– Гм... Тогда так. В своем музее ты напишешь: «Найден совместно с пионером первой школы». Ладно?

Вася долго молчал. Выхода у него не было. До старых разрезов – километров десять. Идти туда одному страшновато. Да и с кем же идти, если не со старым товарищем? Вместе они переезжали из города в город, когда их отцов, работающих в одной геологоразведочной партии, переводили в новый район. Всегда учились в одной школе и сидели на одной парте. И не их вина, что им пришлось расстаться.

Когда построили новую школу и стали переводить в нее учеников из старой, Сашу оставили, а Васю Голубева перевели. Все, кто знал Васю, не очень удивлялись этому. Он с головой погружался во всякие общественные затеи, был душой совета дружины, отлично рисовал и вечно что-нибудь мастерил: то ультракоротковолновый приемник, то модель паровой машины, то электрическую мясорубку. Понятно, что времени для домашних заданий у него оставалось немного. Но даже и то время, которое все-таки оставалось у него, он использовал для занятий в секции юных боксеров, освоивания лыж, коньков и особых беговых санок, к которым он приспособил парус и они могли катиться по замерзшей реке, как лодка. Словом, преуспевая почти везде, Вася Голубев получал иногда не только тройки, но и, к своему величайшему удивлению, даже двойки. Как они прорывались в тетради, для него оставалось страшной тайной.

Саша Мыльников был человеком спокойным, уравновешенным и не очень спешил выполнять пионерские задания. Возиться со строительством моделей он не любил и собственных изобретений не имел. Но зато он любил спорт и стихи. Однако это не мешало домашним занятиям, и Саша был одним из лучших учеников класса.

Видимо, за все это Сашу очень уважала Васина мама, и с этим, к сожалению, приходилось считаться, потому что, когда Вася собирался уйти из дому в одиночку, это было одно, но когда он предупреждал, что уходит с Сашей, – совсем другое. В первом случае мама обязательно читала долгие и нудные наставления и иногда просто не отпускала. А во втором даже слова не говорила.

Понятно, что, если Саша не согласится с Васиным предложением, нечего и думать о походе за мамонтовым зубом: одного мама все равно не отпустит. Поэтому волей-неволей пришлось соглашаться.

– Хорошо! Напишем: «Найден совместно с пионером первой школы».

- Александром Мыльниковым?
- Александром Мыльниковым, – покорно согласился Вася, стараясь не очень сердиться.
- Ладно. Я пойду.
- Тогда так. Ты берешь топорик и спички. Я возьму лопату и немного керосину, чтобы разжечь костер и растопить мерзлоту. Нужно взять хлеба и консервов.
- Консервы я возьму, – решил Саша. – У нас есть. Когда собираемся?
- В восемь утра ты зайдешь за мной.
- Почему я – за тобой?
- Ну, видишь ли... мама...
- Ага, ну понятно. Значит, всё?
- Всё! И будь спокоен – мамонтов зуб у нас будет!
- Конечно, – почему-то не совсем уверенно сказал Саша.

Глава вторая

ПЕЧАЛЬНОЕ НАЧАЛО

Всякую маму надо знать. Свою маму Вася Голубев знал очень хорошо. Когда он сказал, что собирается на дальние разрезы, она возмутилась:

– Это что еще за глупости? Мороз под тридцать, вот-вот начнутся весенние метели, а он собрался в сопки! Никуда я тебя не пущу!

Вася вздохнул, отвел в сторону свои совершенно чистые, безгрешные глаза и сокрушенно сказал:

– Вот всегда так: одному нельзя. Договорись с Сашкой – опять нельзя. Сиди дома, а все ребята уходят на лыжах.

Он повернулся и пошел к своей кровати, стараясь идти как можно расслабленнее, слегка подрагивая плечами. Могло даже показаться, что он плачет. Мама сейчас же спросила:

– Ты собираешься с Сашей Мыльниковым?

– Конечно!

Мама ушла, и Вася немедленно юркнул в кладовую. Здесь он нашел пустую бутылку, поднатужился и приподнял бидон. Подумав, он опустил бидон, сделал из бумаги воронку – такую, какую делали на уроках химии – и через нее налил керосин. Бутылку он поставил у двери. Потом открыл шкаф, вынул буханку хлеба, отрезал половину и, завернув в газету, тоже положил у двери под старым пальто. Только после этого он прошел за свой столик и раскрыл тетрадь и учебник. В эту минуту вошла мама.

– Ну хорошо, – сказала она уже поспокойней. – Я разрешаю тебе идти на лыжную прогулку, но ты должен сегодня же сделать все уроки и дать мне честное пионерское слово, что не будешь задерживаться.

Вася был совершенно спокоен – он знал, что иначе быть не может, и поэтому даже не очень обрадовался маминым словам.

– Ты же видишь – я уже учу, – даже как будто недовольно ответил он и добавил: – Честное пионерское, я не буду задерживаться.

Он выучил уроки, приготовил лыжи и рюкзак, проверил одежду: на шубе не хватало пуговицы. Очень хотелось спать, но Вася заставил себя пришить пуговицу: всякий уважающий себя спортсмен, а тем более путешественник обязан уметь все делать сам.

Папа всегда говорит: лучше сделать все дома, чем потом мучиться в дороге.

Заснул он гораздо позже обычного и утром едва поднялся. Спросонья пошел зачем-то в кабинет отца, потом вернулся и едва сообразил, что и как нужно надеть.

Вася умылся, и постепенно сон стал проходить. Он позавтракал, положил в рюкзак приготовленные матерью бутерброды, надел шубу. Едва часы пробили восемь, в дверь постучали, и в коридор вошел снаряженный в дальнюю экспедицию Саша Мыльников.

Опасаясь, как бы мама не передумала, Вася юркнул за дверь, но сейчас же вспомнил, что керосин и хлеб он забыл. Саша насмешливо выслушал товарища.

– Растеряха! Подожди.

Он спокойно вошел в коридор, взял из-под пальто бутылку и хлеб и вышел.

– Тоже мне, придумал – прятать хлеб рядом с керосином! Никогда как следует не подумаешь! Ты и по алгебре поэтому отстаешь – не умеешь мыслить.

На улицах еще горели фонари, но туман исчезал. На востоке небо уже тронул рассвет, и оно чуть-чуть зазеленело. Ветер обжигал морозом лица. По снегу прокатился язычок поземки.

Мальчики стали на лыжи и быстро, по уже проложенным лыжням, прошли еще пустынные улицы городка. Справа остались сияющие в темноте корпуса рудника и обогатительной фабрики. Слева холодным синеватым светом лучились скаты стеклянной крыши – огромной

теплицы. К ней от фабрики тянулся теплопровод. Снег над ним вытаял, и темная земля курчавилась легким парком, кое-где виднелись темно-зеленые стрелки травы. Теплица освещалась лампами дневного света – под ними овощи вызревали быстрее.

В небе прошумел самолет, а рядом на шоссе, вдоль которого высились мачты высоковольтной передачи, метались снопы света – в тайгу шли машины.

За шоссе начался подъем, потом спуск – и снова подъем. Мальчики шли молча. Плечи побаливали – рюкзаки тяжелели. Лыжня пропала, и пришлось остановиться. Саша осмотрелся и сказал:

– По-моему, мы взяли левее.

– Почему ты так думаешь?

– Когда я ездил к папе, сопка была левее нас, а теперь она правее.

Они осмотрелись уже внимательней, и Вася предложил сориентироваться по Полярной звезде. Но ни ковшика Большой Медведицы, ни обычно яркой, голубоватой Полярной звезды не было. И тут только ребята заметили, что небо потемнело и стало низким, ветер налетал чаще и злее, вокруг как будто все помрачнело. На сердце стало тревожно. Вася поежился и согласился, что они действительно, кажется, взяли левее.

Мальчики свернули в сторону и вскоре начали новый подъем. Ветер трепал лыжников по-настоящему. По снегу неслась поземка, и седые космы ее то и дело пересекали лыжню. Ребята упрямо шли вперед, на ходу поправляя съезжающие рюкзаки.

Почти на самом перевале небо стало светлеть. Даль прояснилась, показались темная стена тайги и увалы сопки, у подножия которых геологи нашли зуб мамонта. К этим сопкам вело широкое и совершенно ровное плоскогорье. На нем не было ни бугорка, ни впадинки, как на простыне, которую тщательно выгладили огромным и тяжелым утюгом...

Перед спуском на плоскогорье ребята остановились, поправили рюкзаки и проверили лыжные крепления. Вася долго любовался равниной, дальней грядой темных сопки и наконец сказал:

– А ты знаешь, Саша, когда смотришь отсюда, сверху, начинаешь верить, что в наших местах действительно когда-то путешествовали ледники. Ведь это, конечно, они сделали равнину?

– Какую еще равнину? – покровительственно спросил Саша. – Это называется распадок.

– Ну, в географии распадка ты не найдешь, – возразил Вася. – Это равнина, выглаженная ледником. Он спускался вон с тех гор, но наткнулся здесь на гряду сопки и повернул чуть на юг. И потом уж пополз дальше.

– Как ты легко делаешь открытия! – заметил Саша. – Такие сопки, как эти, – ледникам не препятствие. Ты знаешь, что их толщина достигала нескольких километров? Они всё сметали на своем пути. А ты – сопки!

– Ну и что же? Все равно сопки могли помешать им. А почему же эта равнина такая ровная? Конечно, ее протаранили и выутюжили ледники.

Саша промолчал. Он не любил признавать себя побежденным. А Вася продолжал:

– Видишь, ты какой – не знаешь, а говоришь. Вот потому в наших местах и осталась вечная мерзлота, что здесь очень долго ползали ледники.

– Эх ты, открыватель! – протянул Саша. – Разве ледники в этом виноваты? А ты знаешь, что еще никто по-настоящему не знает, почему образовалась эта самая мерзлота? Ты знаешь, что целая четверть земного шара покрыта вечной мерзлотой? И что кое-где она то возникает, то пропадает? В одних местах держится год или два, а в других – тысячелетия? Ну, ты это знаешь?

Вася этого не знал.

– Молчишь? Учиться надо, а ты вечно со всякими затеями лезешь! – назидательно сказал Саша.

Вася невольно посмотрел на него, чтобы не ошибиться: ему показалось, что говорит это не Саша, а мама или классная руководительница. Но так наставительно, скучно и сварливо говорил именно Саша – вечный отличник, совершенно правильный парень, который никогда не ошибается и которому всегда все верят. И это почему-то обидело Васю. Он посопел, потер свой слегка вздернутый, в робких веснушках нос и сердито сказал:

– Ты все выучил! За вечную мерзлоту ставлю вечную пятерку. Но только ты тоже многого не знаешь.

– Чего же я не знаю? – еще не решив, обижаться или принять похвалу как должное, спросил Саша.

– А вот чего ты не знаешь! Мы за чем идем? За мамонтовым зубом. А какое животное мамонт? Ледниковое. Растаяли ледники – исчезли и мамонты. Значит, жили они только там, где были ледники.

– Это еще не доказано, – неуверенно возразил Саша.

– «Не доказано»! Ты вот не знаешь, что у нас найдено тридцать целеньких, замерзших в ледниках мамонтов.

– Ну, уж и тридцать! Так сразу целую мамонтовую ферму и нашли? Ты еще скажи, что их доисторические люди разводили.

– Ты не смейся. Доисторические люди мамонтов не разводили. Нашли их у нас именно в тех местах, где когда-то были ледники, а на их месте образовалась вечная мерзлота.

– Ну вот! То в ледниках нашли, то в вечной мерзлоте. Тебя никак не поймешь.

– Ты не придирайся. Были ледники, а стала вечная мерзлота.

– Ну вот мы с тобой тоже идем над вечной мерзлотой – так что ж, по-твоему, и здесь можно найти замерзшего мамонта?

– А почему нельзя? Ну почему? Ведь зубы мамонтовые находят? А почему не мог здесь какой-нибудь мамонт замерзнуть?

Теперь пришла очередь сопеть Саше. Он потер свой прямой нос, покривил красивые яркие губы, пытаясь улыбнуться как можно независимей, но ответить на Васиные «почему» не мог. Вася это сразу понял и решил закрепить свою победу.

– Так что ты не задавайся своими пятерками! – хитро улыбнулся он. – И давай не спорить. Поехали!

Он оттолкнулся палками и помчался вниз, наискось пересекая склон сопки. Лыжи неслись все быстрее и быстрее, но встречного ветра Вася почти не чувствовал, потому что ему в бок бил все крепнущий юго-восточный ветер.

Вася лихо мчался точно на север. Изредка ему приходилось объезжать снежные наметы и гольцы – большие камни, выступающие на поверхности сопки, исковерканные северными ветрами низкорослые деревца и кусты удивительного растения – багульника. Он растет только на северных и восточных склонах сопки и начинает цвести в любое время, лишь бы была вода и тепло. С лыжных прогулок ребята обязательно привозили домой охапки промерзших, хрупких прутьев багульника и ставили их в воду. Через неделю на прутьях набухали почки, а еще через неделю, обычно ночью, багульникова метла превращалась в пышный, точно окутанный ласковым туманом розовато-фиолетовый букет. Недаром эвенки называют багульник солнечным цветком. Он встречает северное раннее солнце и купается в первых его лучах, а потом, заслоненный с юга склонами сопки и гор, пылает своими красивыми, как утренняя заря, цветами в прохладной и влажной тени.

Чуть не наткнувшись на куст такого багульника, Вася резко наклонился, сжался в комочек, вздымая лыжами вихри снега, промчался мимо. Он даже вспотел от неожиданного напряжения, но, сознавая, что искусно избежал опасности, улыбнулся.

Вдруг он почувствовал, что лыжи потеряли опору и он несется куда-то вниз. На лицо, за воротник и даже за отвороты варежек посыпался колючий, холодный снег. Наконец Вася

стукнулся обо что-то твердое, угловатое, услышал треск сломанных лыж и палок и упал на бок. Он попытался еще встать, но левую ногу пронзила острая боль, и он присел. Его лихорадило, во рту пересохло от страха и неожиданности. Понимая, что он провалился в какую-то яму и повредил ногу, Вася испугался всерьез: теперь-то наверняка ему попадет от матери, а Сашка, конечно, воспользуется его беспомощностью, и зуб мамонта окажется в 1-й школе.

Глава третья В ЯМЕ

Вася барахтался в снегу на дне ямы, куда он попал, всего несколько секунд, но ему показалось, что прошло много времени. Вася очень спешил освободиться от рюкзака и лыжных обломков. Наконец ему удалось с трудом встать на ноги.

– Нужно думать логически. Не надо спешить, – стараясь успокоиться, шептал Вася.

«Думать логически» – любимое отцовское выражение. Рассказывая о своих приключениях во время скитаний с поисковыми партиями на Севере, самые интересные места он начинал так: «Тогда я решил успокоиться и думать логически».

Оказывается, если человек умеет думать логически, то он обязательно найдет выход из любого, самого трудного положения. По крайней мере, отец всегда находил и всегда оказывался победителем.

Вася осмотрелся. Вверху, метрах в двух-трех над Васиной головой, в нависшем над ямой сугробе, виднелось отверстие. Через него лился неверный утренний свет, едва освещая просторную, с выщербленными стенами пещеру. Пахло сыростью, тленом и чем-то очень странным – как будто бы паленой шерстью.

Когда глаза привыкли к темноте, Вася разглядел в стенах пещеры прослойки льда, следы кирки, черные пятна сажи. Видно, когда-то золотоискатели жгли здесь костры, стараясь растопить вечную мерзлоту. Но порода оказалась неподходящей – бедной золотом, и они бросили эту глубокую яму-шурф. Яму занесло снегом, и вот Вася провалился в нее, как в западню.

Вверху зашуршали лыжи и раздался сдавленный от волнения Сашин голос.

– Вася! Вася Голубев! – кричал Саша, как будто на этой заснеженной сопке бегало с десятков Вась и среди них только один – Голубев.

– Здесь я, – нехотя откликнулся Вася, но, подумав, что Саша не услышит его и уедет дальше, испугался и закричал: – Саша! Саша! Я здесь! Я провалился...

Серенькое небо загородила Сашина голова. Когда он убедился, что Вася жив и почти невредим, он рассердился:

– Обязательно с каким-нибудь приключением! Ну как тебя угораздило?

– Ладно, брось, – мрачно ответил Вася. – Помоги лучше выбраться.

Обсудив положение, решили, что двух связанных за ремни лыжных палок будет вполне достаточно, для того чтобы с их помощью выкарабкаться из ямы. Но при первой же попытке ремни оборвались, и Вася грохнулся на больную ногу. Саша связал палки поясным ремнем. Дело пошло лучше. Вася поднялся на полметра, но дело застопорилось. Саша решил помочь и потащил палки на себя, поскользнулся и, сам чуть не угодив в яму, обрушил кучу снега. Вася долго отряхивался, а когда поднял голову, то увидел, что отверстие вверху стало побольше.

Палки связали снова, и Вася дотянулся почти до половины ямы. Саша кряхтел, сопел и, помогая сам себе, приговаривал:

– Так... Еще разочек... Еще... Так...

Оставалось всего несколько сантиметров – и одна палка оказалась бы на поверхности, а половина Васиного пути пройдена. Но Саша слишком увлекся, перехватил палку и приналег на нее, как на рычаг. Палка не выдержала. Раздался треск, и Вася опять кубарем полетел вниз.

Неудача и усталость действовали на обоих удручающе. Они сидели молча – один наверху, другой внизу – и ничего не могли придумать.

– Остается одно, – несмело сказал Саша, – идти за помощью.

– Нет! Ни в коем случае! – испугался Вася.

Это значило, что все узнают о его тайне, о его неудаче. Но это еще куда ни шло... А вот если узнает мама... Нет, надо попробовать еще раз.

Они пробовали несколько раз, пока Вася в сердцах не крикнул:

– Чего ты все время снег сыплешь? И так за воротом полно.

– Ты знаешь, Вася... знаешь, – дрогнувшим голосом ответил Саша, – кажется, начинается метель.

Они опять замолчали. Вася посмотрел вверх. Над ним неслись снежинки. Края ямы как будто сблизились, отверстие стало меньше – снег заметал ее. Дело принимало серьезный оборот, и он решил:

– Ладно, спеши домой. Успеешь?

– Постараюсь, – несмело ответил Саша. – Мы слишком долго возились.

– Все равно нужно спешить.

– Хорошо... Но у меня всего одна палка. Ты это учитывай.

– Ладно. Но ты спеши! И, слушай, оставь мне консервы.

– Да. И топорик. Ты пока что подруби стенки ступеньками. Будет легче вылезать.

– Об этом нужно было думать раньше! – вскипел Вася. – Пятерочник несчастный! Тебе бы только стишки писать... А я вот сиди! Если бы мы сразу подрубили стенки, я бы уже выкарабкался.

– Почему же ты об этом не подумал?

– Ведь топорик-то у тебя...

Саша вздохнул и извиняющимся, примирительным тоном сказал:

– Ну, я пойду... Ты тут не очень волнуйся. Хорошо?

Вася не ответил. Хотя будущее не сулило ему ничего приятного, он решил быть твердым, смелым и стойким.

В яме было холодно и пахло чем-то паленым. Вася поел мороженого хлеба с мороженой колбасой – бутерброды уже успели промерзнуть, консервы он поленился открыть – и заел обед сыпучим, колющимся снегом.

– Рассуждая логически, – вздохнул Вася, – на Северном полюсе и то живут лучше. Там у них и палатки, и радио, даже артисты в гости прилетают. И потом, спальные мешки. Залезешь в них – и спи при любом морозе.

Он выбрал местечко в уголке, свернулся клубочком, подложил под голову рюкзак и решил немного отдохнуть.

Метель завывала сильнее, а дыра темнела и темнела. Снег через нее сыпался реже, и наконец все стихло – метель снова затянула сугробом яму-шурф. Но Вася этого не заметил, как и не вспомнил, что не посоветовал Саше отметить яму снаружи – ведь метель могла замести лыжню. Он не думал об этом, потому что спал.

Очень плохо ложиться спать поздно, даже готовясь к поискам зуба мамонта.

Глава четвертая ТУЗИК

Первое, что услышал Вася Голубев, был рев. То жалобный, то злобный, то умоляющий. Трубный, необычайно громкий рев.

Потом Вася почувствовал, что земля колышется и на лицо сыплются влажные комочки и что вокруг очень тепло, даже жарко; вспотевшее тело сковано такой удивительной истомой, что, кажется, не то что пошевелиться, а даже открыть глаза и то не хватит сил. Оценив все эти ощущения, вспомнив, что там, наверху, над ямой началась метель, он с ужасом подумал: «Замерзаю». Ведь все замерзающие обязательно согревались перед смертью, страшно хотели спать и не могли даже открыть глаз. Об этом он читал много раз.

Но Вася не хотел замерзать. Он собрал все свое мужество, всю силу воли и, стиснув зубы так, что один, коренной, зуб с дуплом даже заныл, заставил себя открыть глаза и попытаться подняться.

Глаза открылись с трудом, как будто ресницы были склеены чем-то липким, тягучим. А когда он все-таки открыл их, то прежде всего удивился. Над ним было подернутое дымкой высокое небо. Края ямы-шурфа осели. Она казалась теперь не такой уж глубокой. И нигде – нив небе, ни на краях ямы, ни в самой яме – никаких признаков снега, или изморози, или хотя бы спутников вечной мерзлоты – ледяных прожилок в стенах.

Стены ямы высохли, на краях росла трава, кусты багульника, и вниз заглядывали пушистые, как гусята, сероватые цветы – махровики. В яму все время врвался сухой, будто от утюга, горячий воздух. С каждым дуновением этого необычайного ветерка Вася ощущал, что в нем крепнут силы.

В это время над ним опять раздался отчаянный рев, и та стена, к которой он лежал прислонившись головой, закачалась. На лицо упала оттаявшая земля. Вася оглянулся и увидел, что справа, в самом углу, топчется огромная, как бревно, волосатая, с костяными наростами на ступне, определенно живая нога. Не помня себя Вася вскочил и отпрыгнул в противоположный конец ямы. Это спасло его, потому что почти сейчас же над ним метнулась темная змея. Прыжок отнял последние силы. Ноги подкашивались, в горле пересохло, сердце стучало медленно и глухо. Вася не выдержал и присел.

Он рассматривал стену, у которой ложился спать, и удивлялся все больше и больше.

Перед ним стоял удивительный, мохнатый слон. Вернее, не весь слон, а только одна его половинка, как у расклеившегося картонного елочного слоненка. Вторая половина и спина скрывались в толще еще не оттаявшей вечной мерзлоты, которая открылась после того, как со стены ямы-шурфа отвалился слой влажной, холодной земли.

Живая половинка слона, которую Вася сначала принял за стену, была не только огромна, но еще и беспокойна. Задняя нога все время ворочалась, бок, поросший густой бурой шерстью, от которой и сейчас все еще пахло паленым, тяжело вздымался. Черный морщинистый хобот то взлетал вверх и становился торчком, то бессильно падал на желтоватый сломанный клык. Даже четырехклассник мог бы сразу определить, что перед Васей стоял оживший, но все еще скованный вечной мерзлотой доисторический житель ледникового периода – мохнатый мамонт.

Разглядывая своего соседа, Вася увидел маленький, свирепо ворочающийся сизовато-карий глаз. Он неотрывно следил за Васей, но вдруг померк и из него скатилась большая желтая слеза. Она скользнула по ресничкам и повисла на грубых волосах. Мамонт плакал. Он опять поднял хобот и затрубил – жалобно, призывно, точно жалуясь на свою удивительную судьбу или выпрашивая помощи и защиты. Васе стало очень жалко этого оттаявшего, ожившего гиганта, который, оказывается, делил с ним все беды плена в холодной яме-шурфе.

Конечно, при других обстоятельствах Вася прежде всего бросился бы помогать попавшему в беду волосатому гиганту. Но, во-первых, Голубев еще не вполне проснулся – мысли путались, ноги в коленках подгибались... Во-вторых, в школе № 3 мамонтов еще не проходили, и как с ними обращаться, Вася не знал. Слоны – те, известно, бывают дикие и ручные. А мамонты? Сунешься помогать, а он подхватит тебя хоботом да так шмякнет, что останется только мокрое место. И, наконец, в-третьих, очень хотелось есть.

«Нет, – решил Вася. – Надо восстановить силы, а потом уж продумать все как следует. Тут случилось такое, что нужно думать и думать...»

Вася осмотрелся и увидел сломанные лыжи и палки, свою лопатку и Сашин топорик, тускло поблескивающую банку консервов. Осторожно, чтобы не попасть под мамонтов хобот, мальчик собрал свое имущество и сломанной лыжей подтащил рюкзак: в нем должен быть хлеб.

Но вместо хлеба в рюкзаке были какие-то мокрые, серые крошки, слегка пахнущие керосином, потому что, хотя бутылка была цела, пробка в ней испортилась.

Все еще ничего не понимая, но уже догадываясь, что с ним произошло что-то невероятное, Вася покорно вздохнул, вскрыл покрытую пятнышками ржавчины консервную банку и стал есть. Консервы были вкусные, слегка солоноватые, и пахли так, словно их только что принесли из магазина. Это успокоило Васю, но он все-таки с горечью вспомнил:

«На Новой Земле нашли консервы, которые пролежали на зимовке почти пятьдесят лет...»

Мысль эта не только не успокоила его, а наоборот – ему стало грустно, и он пожалел себя. Почему именно с ним вечно случаются самые неприятные вещи?

Вася вздохнул еще горше и понял, что даже хорошие консервы без хлеба – не очень приятное кушанье. Удивительное дело, когда он обедал дома, мама вечно покрикивала на него: «Опять без хлеба? Возьми же хлеба, Вася. Ну как можно есть без хлеба?»

Тогда Вася обижался, и хлеб для него был одной сплошной неприятностью. А сейчас... Дорого бы он дал за кусочек хлеба! Да что там – хлеба! Просто за сухарь.

Притихший мамонт шумно вздохнул и пошевелил хоботом. Его дикий глаз неотрывно следил за жующим Васей. По толстым, как щетина, волосам опять поползла желтоватая слеза. И потому что Васе было очень жалко самого себя, он пожалел и мамонта.

– Бедный... Тузик, – невольно сказал он и даже улыбнулся: собачья кличка так не шла к этому волосатому великану, попавшему в плен вечной мерзлоты.

Консервы придали Васе силы, и он, разыскав топорик и лопатку, без труда сделал в оплывшей, мягкой стене ямы ступеньки и вылез на поверхность. Мамонт проводил его взглядом, поднял хобот и затрубил – кажется, из последних сил – жалобно и призывно.

Глава пятая

НЕБЛАГОДАРНАЯ СКОТИНА

По всем правилам, нужно было немедленно возвращаться домой, чтобы узнать, что же с ним случилось и организовать помощь мамонту. Пусть будет нагоняй, даже наказание, но зато он узнает, что с ним произошло. Да и мама перестанет волноваться. Но мамонт трубил так жалобно, что оставлять его в беде показалось Васе нечестным, неприонерским поступком. Нужно было помочь ему вырваться из плена. Вспоминая о доме, о товарищах и, конечно, о теперешней новой и о своей бывшей школе, Вася подумал, что было бы очень здорово вытащить мамонта и привести его в теперешнюю свою школу. Это не то что зуб. Это живой мамонт! Вот уж тогда в их школу повалят экскурсии, пожалуй, не только со всего города! Вот уж тогда школа прогремит!..

Пока Вася мечтал, он все-таки осматривался по сторонам, и его мечты постепенно потухали. Кусты багульника уже явно отцвели – на них всюду разрослись листья. Травы стояли густые, темно-зеленые. В хмуром небе чирикали пичужки и даже как будто звенел жаворонок, хотя Вася твердо знал, что вокруг их городка никогда не бывало жаворонков. Внизу, у самого подножия сопки, на которой стоял Вася, подпрыгивала на камнях река, а весь распадок переливался на теплом ветру, как зеленая вода: он был засеян пшеницей.

На далеких сопках, на тех самых, на которых был обнаружен мамонтов зуб, высились какие-то строения, и не то их крыши, не то огромные зеркала на них все время поблескивали. Именно оттуда непрерывным потоком, ровным и спокойным, тек теплый, сухой воздух, но с таким привкусом, какой бывает только после грозы.

«Почему же теплый ветер дует с севера?» – удивился Вася, но сейчас же подумал о другом: сколько же времени он спал в яме?

Понятно, что сейчас начало лета или конец весны. А он ходил на лыжах в марте. Значит... значит, он проспал не меньше чем три месяца!

Это смутило Васю, но он подумал, что бывали же случаи, когда люди спали летаргическим сном даже несколько лет, а не то что месяцев.

«Вот и будут меня дразнить теперь: спящая красавица».

Но он отмахнулся от этой мысли.

– Надо рассуждать логически, – сказал он вслух. – Когда я провалился, началась метель. Саша мог заблудиться, или меня занесло снегом. Поискали, искали и решили, что я замерз. Значит, дома меня не ждут. А если Саша заблудился и не вернулся домой? Значит, нас обоих считают погибшими? Значит я мертвый?! Но если я спал столько времени на морозе, я должен был замерзнуть. Я не мог не замерзнуть. Но как же я оттаял? Странно! Как это могло случиться?

Конечно, он знал, что, например, лягушку можно оживить даже через несколько лет после того, как она была заморожена. Он читал, что в медицинских клиниках научились оживать людей через несколько часов после того, как они умерли. Да что там – в клиниках! Взять утопленников. Ведь их оживляют уже после того, как они и посинеют, и похолодеют, и сердце у них вовсе не бьется. А замерзших людей? Всякий житель Севера обязательно расскажет, как приводили в чувство людей, которые провели в сугробах по несколько дней без всякого сознания.

Все было правильно, все свидетельствовало о том, что Вася вышел из ямы на вполне законных, строго научных основаниях, и все-таки...

Все-таки человек оживал через несколько часов... ну дней, но уж не месяцев. Оставалась только лягушка. Она одна оживлялась и через несколько лет. Вот и будут дразнить так:

Лягушонок в тине
Болен скарлатиной,
Прилетел к нему грач
И сказал: «Я врач.
Полезай ко мне в рот —
И все пройдет».

В сущности, очень глупые стишки, но когда Сашка появился в школе, переболев скарлатиной, то Вася долгое время дразнил его этими стишками, а Сашка очень сердился. Да и неизвестно еще, какие ехидные стишки сочинит Сашка про Васю, когда он возвратится домой...

Нужно было как следует подумать, прежде чем бежать домой. Кто и как его встретит?

Отец и мать, конечно, обрадуются, что он остался жив, и если будут ругать, так только через некоторое время. Беда в том, что уж теперь его, конечно, не будут отпускать на лыжные прогулки по крайней мере года два или три. Это неприятно, но в конце концов можно будет что-нибудь придумать. А вот ребята... Они вначале будут удивляться и даже, может быть, позавидуют, а потом обязательно припомнят ему, как он не то замерз, не то заснул. Этого не забудут. В этом случае выручить могло только что-то особое, поражающее.

И этим особым, поражающим, конечно, был мамонт, который уже не трубил, а только сипел своим бессильно опущенным хоботом.

В спасении мамонта Вася теперь увидел и собственное спасение. Он испугался, что мамонт так и не выберется из вечной мерзлоты, в которую вмерз его правый бок и большая часть туловища.

«А вдруг мамонт возьмет и умрет?» – заволновался Вася.

Он присел перед мамонтом на корточки:

– Что тебе сейчас больше всего нужно? Может, ты есть хочешь?

Хобот мамонта упал почти к самым ногам Васи и, сдувая пыль, жадно тянулся к траве. Глаз мамонта стал еще темнее, и на нем опять показалась слеза.

– Ясно, – сказал Вася, – ты хочешь есть! Но что ты ешь? В нашей школе не проходили кормления даже домашних животных, а не то что мамонта.

В самом деле, окажись сейчас перед Васей не мамонт, а, например, корова, овца или свинья, он не знал бы толком, как и чем их нужно кормить. И Вася в первый раз пожалел о том, что они не проходили этого в школе.

Но жалея не жалея, а кормить животное нужно. И не только кормить: нужно еще и приручать. Это было просто удивительно! Тринадцатилетний пионер, ученик шестого класса, вдруг оказался в положении доисторического человека, который никогда не приручал животных, а значит, и не знал, как их кормить.

Положение было трудное, но не безнадежное.

Мамонт тянулся к траве. Значит, ему нужна растительная пища. Известно, что животных приручают прежде всего с помощью пищи и хорошего обращения. И если оно правильно себя ведет, его поощряют лишней порцией самого вкусного корма.

Вася по-хозяйски огляделся вокруг и решил, что самым вкусным кормом будет, конечно, молодая пшеница. Разработав план действия, Вася достал со дна ямы все свое имущество – лопатку, топорик, рюкзак с бутылкой керосина, спички и даже обломки палок и лыж. Все могло пригодиться. Потом он снял шубу и шапку, о камень наточил лопатку и топор и начал прежде всего рубить кусты багульника. Первую охапку он положил правее мамонта и строго сказал:

– Тузик, право!

Мамонт жадно потянулся к веткам и отправил их в почти белый, бескровный рот. Ветки захрустели, и Вася, положив на прежнее место новую порцию кустиков, подошел к самому мамонтову уху и несколько раз прокричал:

– Тузик, право! Тузик, право!

Тузик покосился на него и повернул хобот направо, туда, где лежали ветви.

Потом Вася клал ветви слева и кричал: «Тузик, лево!» Потом он сбежал на поле и, перебравшись через реку и начерпав полные валенки воды, положил по снопу пшеницы и справа и слева мамонта и стал кричать:

– Тузик, право! Тузик, лево!

Мамонт оказался из понятливых и если вначале тянулся хоботом не попадая, то потом, когда Вася, осмелев, руками поправил хобот, Тузик свыкся и стал брать пшеницу из той кучи, из которой ему приказывал Вася. Когда урок был почти усвоен, мамонт вдруг перестал слушаться Васю и стал тереться хоботом о его мокрые валенки.

– Да ты, брат, пить хочешь! Ну-с, будем рассуждать логически. Посуды у меня нет. Как же я тебя напою?

Взвесив все свои возможности, Вася выложил остатки консервов прямо на шубу, снял с себя нижнюю теплую рубашку – благо ему становилось все жарче, – взял шапку и рюкзак. Справа, слева и перед самым мамонтом он выкопал три ямки и вымазал их мокрой глиной из шурфа. На реке он набрал воду в банку, в шапку-ушанку, в валенки и намочил рубашку. Банку и шапку он нес в левой руке, а все остальное положил в наполненный водой рюкзак и побежал к мамонту, оставляя за собой мокрую дорожку.

Вылив воду из валенок и шапки, выжав рубашку и рюкзак, он наполнил две ямки и опять занялся дрессировкой. Раз пятнадцать он бегал к реке и за кормом. Мамонт был похож на паровоз: сколько ему ни дай, все съедал; сколько ни таскай воды, все выпивал. Но, видно, «горючее» укрепляло его, и он быстро разводил пары – стал шевелиться, подпрыгивая свободной задней ногой. Но остатки вечной мерзлоты держали его крепко.

Вася так устал, что ему уже не хотелось ни дрессировать, ни бегать. Он присел на шубу, рассеянно доел консервы, сходил к реке, напился воды и, разложив мокрые вещи сушиться, задумался. Через полчаса он поднялся и стал рыть возле мамонта канаву. Оттаивающий грунт поддавался его усилиям, но мешали камни. Вася так увлекся работой, что вначале даже не заметил, что мамонт все время пытается поймать его хоботом. Наконец Тузик ухватил Васю за штаны и легонько потянул на себя.

– Брось! Перестань! Не смей! – закричал Вася и замахал руками.

Мамонт отпустил Васиные штаны, и Васе показалось, что Тузик чуть усмехнулся одним глазом. Впрочем, это ведь могло только показаться – он еще никогда не видел, как мамонты усмеваются. Вася внимательно посмотрел на Тузика, на его хобот, и тут только заметил, что прорытая им траншея очищена от камней и гальки.

Тузик работал! Он сам пришел на помощь Васе, и мальчик до того растрогался понятливостью доисторического пленника, что не выдержал, смело подошел к нему и погладил мамонта по шершавому, в жестких волосиках, хоботу. Тузик тихонько хрюкнул, как поросенок, которому почесали брюшко, и заморгал глазом.

С этой минуты освобождение Тузика пошло быстро. Вася отламывал лопатой куски породы, отковыривал гальку и подсовывал ее под хобот Тузику. Тот отбрасывал породу в сторону. Когда удалось освободить его голову и шею, галька полетела во все стороны. Время от времени мамонт напрягал все свои мускулы, шевелился, и порода сама сваливалась в канавку.

После нескольких часов работы Тузик как-то удивительно крикнул, напрягся особенно сильно и вдруг стал выбираться из ямы. Совершенно обессиленный, Вася сел на траву. Мамонт встал на склоне сопки и, дрожа всем телом, затрубил – победно и радостно. Потом, тяжело топая, побежал по берегу реки. Вася чуть не заплакал от обиды: какая же неблагодарная скотина! Столько возиться с ней, освобождать из плена, кормить, а она взяла и убежала.

– Вот уж действительно доисторическая скотина!

Едва сдерживаясь, чтобы не заплакать от усталости и обиды, Вася отвернулся и ничком лег на траву.

Глава шестая НАЧАЛО ДРУЖБЫ

Вася не то спал, не то дремал, не то просто лежал без мыслей – усталость и огорчения сломили его. Когда он очнулся, весеннее северное солнце висело над дальней грядой сопок, над странными строениями. Он подумал, что успел проспять всю ночь. Правда, ночи в это время года здесь такие короткие, что и заснуть не успеешь. Это даже не ночь, а зеленоватые, прохладные сумерки с одинокими робкими звездами на бледном небе.

Но даже утром Вася не чувствовал холода. Все так же с севера тянул ровный теплый ветерок, напоенный каким-то особым, очень знакомым запахом, как будто где-то рядом пронеслась бурная гроза. Согревая, этот ветерок укреплял силы. Вася потянулся и встал. Рядом поднялась огромная волосатая голова.

Мамонт, оказывается, не убежал. Он вернулся и спал рядом с Васей совсем как собачонка. Недаром Вася назвал его Тузиком. Он, кажется, будет настоящим другом. Вася подошел к Тузику и смело потрепал его за лохматое ухо. Мамонт шумно вздохнул, прищурил глаза и едва заметно зашевелил хоботом.

– Но-но! Не балуй! – прикрикнул Вася и на всякий случай отошел подальше – кто его знает, что замышляет этот доисторический житель.

Мальчик подошел к реке. Здесь он снял рубашку, размялся и стал умываться по пояс освежающей водой. Он кряхтел, сладко охал и подпрыгивал, когда капельки воды скатывались по спине. Вася почти кончил умываться, как вдруг на него обрушилась волна. Он чуть не захлебнулся и, отплевываясь, отскочил в сторону. Рядом стоял мамонт и, хитро щуря маленькие глазки, набирал хоботом воду. Вася от неожиданности не понял, откуда на него свалилась волна, и смотрел то на Тузика, то на небо. Мамонт поднял хобот, надул бока, и на Васю опять полилась могучая прохладная струя воды.

– Брось! Хватит! – закричал Вася и замахал руками. – Как тебе не стыдно! Нашел время обливаться!

Тузик опять опустил хобот в реку. Вася со злости схватил хворостину и хлестнул ею мамонта, даже не подумав, что животное не почувствует этого удара.

Но Тузик вдруг смешно подпрыгнул, мотнул лопоухой головой, как щенок, задумавший поиграть, и бросился в реку. Вася опять замахнулся на него, и мамонт рванулся в сторону. Игра незаметно захватила Васю. Он бегал по берегу, замахиваясь на Тузика, а мамонт, то замирая на месте, то бросаясь в сторону, увертывался от его ударов, смешно помахивая тонким, беспомощным хвостиком с метелочкой на конце. Если Вася застревал в грязи, Тузик успевал окатить его с ног до головы водой и снова бросался в сторону.

Наконец играть надоело. Вася снял брюки и белье, разложил их на траве и, погрозив мамонту кулаком, сказал:

– Ладно, хватит! Иди сюда. Будем сушиться.

Довольно посапывая, Тузик подошел и стал топтаться на месте, раскачивая грязно-бурой головой с беспомощно поникшим хоботом и обломанным клыком. Вся его туша была покрыта густой, въедливой грязью. Вода, стекая, не смывала эту еще доисторическую грязь.

Вася посмотрел на Тузика и подумал, что нужно было бы почистить его как следует. Вася сделал несколько прочных метелок из кустарника, потом подошел к мамонту, ласково похлопал его по боку и начал сдирать грязь метелкой.

Вначале Тузик не обращал внимания на Васю, но потом перестал раскачиваться и искоса следил за его работой.

Метелке мешали засохшие комки земли в густой мамонтовой шерсти. Хорошо бы окунуть Тузика в реку. И Вася скомандовал:

– Вперед, Тузик!

Мамонт покосился на своего маленького командира, посопел и не тронулся с места. Вася рассердился, толкнул его и, хлестнув метелкой, крикнул:

– Вперед, лодырь!

Тузик покорно повернулся и пошел в воду.

– А-а, тебя, оказывается, зовут не Тузик, а лодырь!

Мамонт вскоре понял Васину затею и стал помогать ему: мальчик тер ему бока, а Тузик набирал воду в хобот и смывал грязь. Видно, ему было очень приятно, потому что он похрюкивал и посапывал.

Бока были вымыты. Но спина оставалась грязной. Дотянуться до нее Вася не мог. Он прыгал и крутился, но ничего не мог поделать. Мамонт был больше самого большого слона. Тузик долго смотрел на мальчика, потом, видно, понял, в чем дело, стал на колени и, когда Вася ухватился за шерсть, чтобы влезть мамонту на спину, посадил его хоботом. Мыть Мамонтову спину оказалось не таким уж сложным делом: каждый, кто хоть раз мыл полы, без особого труда справился бы с этой работой.

Наконец мамонт был вымыт. Вася и Тузик вышли из реки и расположились отдохнуть. Но у Тузика было явное преимущество: он стал обгладывать кусты, а потом отправился на пшеничное поле. А Вася сидел и облизывался – есть ему было нечего.

Прогулка с мамонтом затягивалась. Нужно было подумать и о возвращении: какие бы беды ни ожидали дома, но накормить-то Васю все равно накормят, а уж потом будут ругать.

Глава седьмая ВСТРЕЧА У РЕКИ

Солнце было в зените, но теплый ветер по-прежнему ровно, без порывов, дул с севера. Вася собрал свои пожитки, уложил в рюкзак и заставил Тузика стать на колени. Мамонт не только беспрекословно послушался мальчика, но даже сам, без напоминаний, подсадил его хоботом. И Вася скомандовал:

– Вперед!

Весело помахивая головой, пофыркивая, то и дело задирая хобот и принюхиваясь, Тузик шел на взгорок. На шее Тузика была небольшая впадинка, густо заросшая шерстью, – в ней было мягко и тепло. Рюкзак и шубу Вася подложил под спину и путешествовал со всеми удобствами, слегка покачиваясь, как будто ехал не на мамонте, а на лодке или на легковой автомашине.

Со взгорка показались линии электропередач и дальний, блистающий стеклом городок. Он был таким красивым, таким зеленым, что у Васи даже сердце сжалось. Пока он смотрел на город, разыскивая школу, главную улицу с ее большими домами и свой маленький домик, мамонт подошел к шоссе.

Оно сильно изменилось: стало шире, а главное, было покрыто зеленоватой, блестящей, как бутылочное стекло, ровной массой. На его обочине росли деревья, а за ними виднелось второе полотно шоссе – тоже блестящее, серовато-зеленое. Посередине каждое полотно шоссе разделялось широкой светлой полосой. Такие же полосы, только поуже, тянулись и по их краям. Не совсем понимая, что же произошло со знакомым гравийным шоссе, Вася даже не подумал о странных светлых полосах. Он тихонько ударил Тузика по темени, и тот, всхрапывая, двинулся вперед, но сейчас же остановился между двумя полотнами шоссе и стал ломать верхние, самые сочные веточки деревьев. Он так аппетитно чавкал, что Вася чуть не заплакал от острого приступа голода и ударил Тузика сильнее. Но тот только мотнул головой, как будто сгоняя муху.

«Мотнет посильнее – и слетишь кубарем, – подумал Вася. – Придется ждать».

В это время издали донесся ровный тяжелый гул и из-за поворота показалась странная машина. Очень широкая, приземистая, гораздо ниже и гораздо шире даже двадцатипяти-тонных самосвалов, она мчалась с невероятной скоростью. Впереди, в блестящей, прозрачной кабине, сидел шофер. Сзади машины тянулся целый поезд длинных, таких же низеньких и широких прицепов.

Машина была совсем неподалеку от Васи, и он увидел, что лицо у шофера в прозрачной кабине-колпаке вытянулось, глаза округлились, а рот стал таким, каким он бывает у людей лишь тогда, когда они с крайним удивлением произносят: «О-о-о!»

Разглядывая мохнатое доисторическое чудовище, шофер забыл об управлении, и машина на полном ходу мчалась прямо на Тузика. Столкновение представителей двух эпох было неминуемо и грозило Васе порядочными неприятностями. Он съехал и замер, неотрывно следя за бешено мчащейся на него машиной.

Но тут случилось чудо. Едва переднее колесо машины приблизилось к светлой полосе на обочине шоссе всего в нескольких метрах от мамонта и когда ни один шофер уже не смог бы вывернуть руль и избежать столкновения – машина вдруг вильнула так круто, что шофер в прозрачной кабине-колпаке свалился с сиденья. Машина удалилась, наискось пересекая шоссе. Мимо Васи, поскрипывая на повороте, проносились прицепы. Они почти касались земли своими низкими бортами и визжали множеством маленьких блестящих колесиков.

У противоположной обочины машина опять вильнула, точно наскочила на непреодолимое препятствие, выровнялась и помчалась прямо по шоссе, увлекая за собой целый поезд прицепов.

Все произошло так быстро, так неожиданно, что Вася даже не успел изумиться и испугаться как следует.

Мамонт вначале растерянно следил за бешено мчащимся автопоездом, потом вдруг вскинул хобот, дико затрубил и помчался напрямик, смешно вскидывая задние ноги, как теленок, которого наконец выпустили на прогулку. Сорваться со взбрыкивающего теленка – удовольствие маленькое. А вот свалиться с несущегося полным ходом мамонта – настоящее несчастье. Спасаясь от новой опасности, Вася вцепился в его волосатую шкуру, лег на живот, проклиная и Тузика и свою судьбу, которая обязательно должна была сыграть с ним какую-нибудь невеселую шутку.

Тузик мчался, не разбирая дороги, ломая кусты, перепрыгивая через болотца и ручейки. Впереди чернел лес. «Если он и там будет так же взбрыкивать, – подумал Вася, – меня обязательно собьет ветвями».

На самой опушке мамонт приостановил свой бег и быстрым шагом вошел в лес. Нижние ветви хлестали Васю со всех сторон. Приходилось терпеть. Потянуло свежей сыростью, и вскоре показалась река. Мамонт решительно протрубил и пошел к воде. Вася увидел, что от реки в лес бегут три человека – мальчик, девочка и мужчина. Опасаясь, как бы Тузик не натворил чего-нибудь неприятного, Вася отчаянно закричал:

– Стой! Стой, тебе говорят!

Мамонт шел к воде, не слушая своего поводыря. Девочка остановилась и оглянулась. На ней были ярко-красные шаровары и светлое платье, а на голове – цветная тубетейка. Загорелая, с темными живыми глазами, она была бы похожа на узбечку, но волосы на ее лбу и на висках уже выгорели и были совсем светлые. Она посмотрела на Васю, колотившего Тузика по голове, и сочувственно крикнула:

– Не подчиняется, да?

Как назло, Тузик остановился и повел в сторону девочки хоботом.

– Слушай, – крикнул Вася, – ты лучше отойди! Он, понимаешь, еще не совсем прирученный.

– Вот еще! Тебе можно, а мне нельзя! – сказала девочка и тряхнула коротко подстриженной головой. – Ты ему сахару давал?

– Какой тут сахар – это ж мамонт.

– Я вижу, что не слон. У нас в школе слонов уже проходили. Но ведь и мамонты, наверно, любят сахар. Я сейчас принесу, и мы его приручим.

Девочка побежала к приземистой, тупоносой автомашине светло-стального цвета, рядом стояла палатка-навес из материи такого же цвета, как и машина. Вот на этот автомобиль и косился Тузик.

– Слушайте, не нужно! Эй! Тут не до сахара! Я его только начал приручать! – кричал Вася девочке.

Из леса ей тоже кричали:

– Лена! (Это мужской голос.) Ленка! (Это – мальчишеский.) Иди сейчас же сюда! (Это оба голоса вместе.)

Но девочка никого не слушала. Она достала из машины сверток и побежала прямо к мамонту.

– Не ходи ты сюда! – орал Вася. – Я не хочу за тебя отвечать! Он же еще дикий.

– Ну, на диком ты бы не катался, – возразила девочка и блеснула своими темными глазами. – Просто ты думаешь, что все будут ужасно уважать твою храбрость.

Она смело подошла под самый хобот Тузика и протянула ему на ладони несколько кусочков сахара. Мамонт косился то на девочку, то на сахар. Вася сидел ни жив ни мертв – он боялся, что мамонт ушибет девочку, затопчет, – и не решался даже дышать, чтобы не спугнуть животное.

Тузик обнюхал сахар, покосился опять на девочку, забрал сахар и подал его наверх, Васе. Такого доверия Вася не ожидал и, приятно польщенный, похлопал Тузика по мохнатым щекам и милостиво разрешил:

– Ешь, Тузик. Прямо ешь – и всё.

Мамонт услышал знакомое слово «прямо» и не спутал его с другими. Сахар исчез в его пасти. Девочка даже подскочила:

– Слушай, ну это же просто удивительно! Он как дрессированная собака: ничего не берет без разрешения. Как ты его здорово воспитал! Долго возился?

– Да как тебе сказать... – протянул смущенный и польщенный Вася. – Пришлось, конечно, помучиться... Но он – скотина понятливая, хоть и доисторическая.

– Действительно, просто удивительно: доисторическое животное, а такое понятливое! А ты его танцевать не учил?

Вася даже поперхнулся от возмущения. Мамонта – может быть, единственного на всей земле – и вдруг танцевать? Что ж, он будет ходить на задних лапках, как собачонка?

Девочка спрашивала, а сама все скармливала и скармливала сахар, аккуратно поплеывая на каждый кусочек.

Вася недовольно спросил:

– Зачем ты издеваешься над животным? Расплевалась...

– А меня папа учил так собак приручать. Поплюешь – он будет знать мой запах. И животные так быстрее привыкают к человеку.

– М-да, конечно... Рассуждая логически, это правильно... – мямлил Вася. – Но не очень приятно, когда сахар оплеванный. Я его не так приручаю.

– Ну, я же не знала, – скромно и доверчиво сказала девочка и попросила: – А можно, я к тебе сяду? Места там же хватит. Скажи ему, чтобы он подсадил.

Этого еще не доставало! Да и как ему скажешь? Ведь Вася еще не окончательно разработал технику обращения с мамонтом. Но девочка, не дожидаясь его согласия, сразу же стала цепляться за мамонтову шерсть. И Тузик, обнюхав ее хоботом, вдруг склонился на одно колено, как самый благовоспитанный кавалер, и подсадил девочку хоботом. Вот что значит сахар!

Девочка уселась рядом с Васей, поправила тюбетейку и удивленно сказала:

– Ой, какой он высокий! Ты не боишься на нем ездить?

– Ну... как видишь... конечно...

– Ой, правда, мне страшно! – сказала девочка и вдруг пронзительно закричала: – Дедушка! Женька! Он – домашний! На нем пионер ездит! – Она обернулась и быстро спросила: – А ты пионер?

– Ну а как же? – удивился Вася.

– Значит, все правильно. Давай поедem к дедушке. Пришлось подчиниться. Вася, как капитан, дал команду:

– Тузик, право! Еще право! Пошел! Вперед!

Похрустывая остатками сахара, мамонт покорно пошел к лесу.

Глава восьмая ЭЛЕКТРОНКА

Окончательное знакомство состоялось под палаткой-навесом возле машины. Мамонт пошел пастись, а Васе предложили покушать. Отказаться он не посмел. Дело тут не в том, что очень хотелось есть, а просто неудобно. Такие хорошие люди... Откажешься – обидятся.

Дедушка отошел и подозвал к себе Лену и Женьку. Вася так увлекся обыкновенными котлетами, бутербродами с колбасой, яблоками и бананами, что не слышал, как дедушка строжайше предупредил внуков:

– Нив коем случае ни о чем его не спрашивайте – ни откуда он, ни как сюда попал. Я, кажется, знаю этого мальчика. Здесь удивительная тайна. Вы только слушайте, а я сам буду разговаривать.

Новые знакомые подошли к машине и присели вокруг Васи. Он посмотрел на дедушку и подумал, что знает его. Видел где-то... Лицо круглое, румяное, с прожилками, носик вздернутый и задиристый и очень знакомые светлые глаза. Вот видел их где-то, а где и когда – не вспомнишь. А ребята – явно незнакомые.

Чтобы уточнить, где же он видел дедушку, Вася решил вначале узнать все о ребятах. Уплетая бананы, он спросил как можно безразличней:

– А ты из какой школы?

– Я? – спросила Лена. – Я из первой.

– А-а... – протянул Вася и подумал, что он ее не знает по вполне понятной причине: ее, видно, только недавно перевели. – А ты? – спросил он у Женьки.

– Я тоже из первой.

– А из какого класса?

– Из третьего.

– А кто у вас учительница?

– Нина Петровна...

– А-а... – несколько разочарованно протянул Вася. Нина Петровна была самая молодая учительница в школе, только в прошлом году окончившая педучилище. – Это такая... блондинка? Беленькая?

– Да, вся белая. Совсем-совсем седенькая! Ты ее знаешь?

Вася не ответил: с третьеклассником разговор должен быть коротким. Дедушка то и дело поглядывал на Васю и иногда едва заметно покачивал головой, не решаясь начать деловой разговор. Ребята тоже словно в рот воды набрали. И Васе показалось, что молчать неприлично – все-таки он гость и не какой-нибудь, а серьезный.

– Скажите, это что – автомобиль новой марки? Вроде «Волги»?

– Да нет, видишь ли... – замялся дедушка, – он не совсем новый... И потом, это не автомобиль, а электромобиль.

Вася недоверчиво посмотрел на странно знакомого дедушку и решил показать, что и он кое-что понимает:

– Значит, это вроде троллейбуса?

– Не совсем так, – пожал плечами дедушка и добавил: – Да ты ешь, ешь! – А потом посмотрел на машину, что-то вспомнил и крикнул: – Женья! Ты аккумуляторы подключил?

Женька испуганно вздрогнул и покорно полез под машину, потом открыл дверцы, щелкнул чем-то в кузове и наконец вернулся. Судя по тому, как старательно он избегал дедушкиного взгляда, аккумуляторов он не включал. Дедушка это понял. Склеротические прожилки на его щеках стали гуще.

– Когда ты научишься слушаться? Нам сейчас рыбу ловить, а у нас аккумуляторы пустые. Ты об этом подумал?

Женька горестно вздыхал и прятал глаза. Вася считал, что дедушка совершенно прав: готовясь к такому ответственному делу, как рыбная ловля, нужно было все предусмотреть, все продумать. Любая ошибка в этом деле нетерпима. А этот несчастный третьеклассник даже аккумулятора не включил...

«Хотя зачем для рыбалки аккумулятор? – спохватился Вася. – На свет ловить? Так сейчас день... И потом, куда включать?»

Вася перестал жевать и осмотрелся. Ни столбов, ни проводов вокруг не было. Дедушка между тем сердился все больше и разворчался не на шутку:

– Дома, понимаешь ты, не подзарядились, по дороге у линии не остановились на зарядку – вот и будем теперь сидеть!

Вася недоумевал все больше. Ну, если дома не могли «подзарядиться», то где ж теперь сделаешь это?

Он отложил недоеденный банан и обошел тупоносую, похожую на автобус машину, но ничего особенного в ней не заметил. Он погладил ее по тусклому крылу и почувствовал, что краска, которая покрывает крыло, не гладкая, лаковая, какая бывает на обычных машинах, а шершавая, мягко поблескивающая мельчайшими кристалликами. Вот эти-то кристаллики и были первым толчком, породившим первые догадки.

Смущенный и виноватый Женька опять захлопотал у машины.

– Да ладно вам, дедушка!.. – ворчал он. – Солнце светит вовсю, света много, аккумуляторы враз подзарядим. Да ведь и когда мы ехали, они тоже заряжались.

– Не в том дело, что солнце светит, а в том, что ты ничего не помнишь. К делу нужно относиться серьезно. На солнце надейся, а сам не плошай!

Вася прислушивался к этому разговору, и десятки догадок, одна фантастичней другой, мелькали в его голове. Как староста кружка «Умелые руки» он переводил эти свои фантастические догадки в четкие линии технических решений. Но решения требовали проверки. Вася нагнулся и заглянул под кузов машины. Первая из догадок немедленно подтвердилась.

Электромотор, двигавший машину, стоял прямо на задней ведущей оси. Никаких валов и передач. Бронепровода тянулись внутрь машины.

«Понятно, – мысленно решил староста кружка „Умелые руки“ и солидно нахмурил брови. – Это они идут к аккумуляторам».

И когда он понял все, у него замерло сердце точно так же, как оно замирало во время встречи с Тузиком. Он понял, что сейчас, сию минуту, он находится в гостях у гениального изобретателя техники будущего, человека, опередившего свое время по крайней мере на полвека. Вася даже не представлял, что этот человек живет, работает и изобретает в его северном городке. Вот кого нужно было бы затащить в свою, 3-ю школу! Вот с кем следовало бы работать! Правда, Вася сейчас же вспомнил, что внуки этого гениального человека учатся в 1-й школе, но это его не смутило. Ведь и сейчас видно, что они не очень-то уважают своего дедушку.

Вася вышел из машины и почтительно подошел к бурчащему дедушке. Дождавшись перерыва в его длинной речи, он наконец вставил фразу, в которую вложил все, что мог вспомнить из прочитанного в журналах о технике. Фраза эта должна была показать странно знакомому старичку и Васины знания, и то, что из него может выйти незаменимый помощник, верный соратник и продолжатель дела создания техники будущего.

– Мне кажется, – сказал Вася, – что вашу прекрасную машину правильней было бы назвать не электромобилем, а солнечнобилем.

Дедушка прислушался к несколько подобострастному тону Васи, недоверчиво покосился на него, потом махнул рукой и коротко отрезал:

– Вообще-то старье!

– Что – старье? – опешил Вася.

– Вот эта наша электронка.

– Но почему же? – спросил Вася, внутренне преклоняясь перед таким удивительным человеком: чудо будущего он называет старьем! Что же он держит в запасе? Подумать страшно...

– Да так... – неопределенно сказал дедушка. – Привык я к ней... Полупроводниковую краску нужно менять... Да и вообще...

Вася даже задрожал от нетерпения. Подтверждалась еще одна его догадка.

Дедушкина электронка представилась ему так. Кузов и палатка-навес покрыты краской, в которую входят полупроводниковые элементы. Они преобразовывают всю световую энергию, падающую на них, в электрическую. Электрическая энергия поступает в аккумуляторы, а из них на электромотор, который и движет машину. Все гениально просто и вполне доступно.

Правда, в цепи этих железных рассуждений была одна неясность: почему такую электронку требовалось подзаряжать? Спросить об этом у дедушки неудобно: все-таки гениальный человек. Спрашивать у Женьки бесполезно. И Вася обратился к Лене. Она выслушала его и ответила:

– А потому, что дедушка упрямый. Когда мы выезжаем за город, он обязательно вызывает из гаража электронку. А от настоящих современных машин отказывается.

– Но почему?

– А потому, что он считает, что мы сначала должны понять принцип действия старых машин, научиться с ними обращаться, а потом уж приниматься за новые. Все, говорит, надо делать постепенно. На механиков, говорит, надейтесь, а сами не плошайте.

– Но ведь это, наверно, интересно – знать и новые и старые машины? – не очень уверенно спросил Вася.

– А что интересного? Едешь ночью, да особенно из леса, где было мало солнца и вдруг – аккумуляторы садятся. Пожалуйста – становись к столбу электропередачи, включайся в розетку и заряжайся. Как будто это не машина, а... электроплитка.

– А... а как же можно еще заряжаться? – растерялся Вася. Иного способа зарядки аккумуляторов он не представлял.

– В настоящих, современных машинах установлен прибор, вроде антенны, который принимает воздушную, беспроводную электроэнергию. Ну... такую, что передается без проводов. Вот как радио. Едешь и всегда все в порядке.

– Так почему же дедушке они не нравятся?

– Понимаешь, иногда, особенно в грозу и еще поблизости от климатической линии, на новых машинах горят предохранители. Слишком много энергии и она... не такая.

– Ну и что ж тогда?

– А ничего. Нужно становиться к столбу и заряжаться. Но ведь это бывает очень редко. А мы все равно мучаемся...

«Ничего себе мучения – переключить тумблерочек и заряжаться прямо от солнца», – подумал Вася, но промолчал, потому что в разговор вмешался еще и Женька.

– На тех машинах и радиовидеотелефон стереофонический, объемный, и управление как на атомках и с автошофером. Даже первокласснику можно самому кататься – ни за что не разобьешься!

– Я вот тебе покатаюсь! – услышав последние слова, прикрикнул дедушка. – Забыл, какие неприятности из-за твоего катания были?

– Но, дедушка, я говорю о новых машинах, об атомках.

– Все равно. На машины надеяться нечего. На себя больше надейся.

Пока они спорили, Вася думал. Оказывается, чудо будущего века действительно старье. Оказывается, гениальный изобретатель-дедушка – не изобретатель.

И чем дольше присматривался Вася к дедушке, тем больше ему казалось, что он его знает, видел где-то. И характер у него знакомый – любит обязательно с кем-нибудь поспорить, читать нотации, словно он умнее всех.

«На кого же он похож? И потом, что за атомки? – с тревогой думал Вася. – И что это за климатическая линия?»

– Да разве только атомки! – горячился меж тем Женька. – Я и сейчас, на этой самой машине, поеду куда хочешь – хоть по оборудованной фотоэлементами дороге, хоть по проселку! Куда хочешь!

– Маловат еще. Маловат, – отвечал дедушка.

– Ну так что ж, что маловат? Но зато я умею! – продолжал кипятиться Женька. Он схватил Васю за руку. – Вот пойдем посмотрим, как все это просто. Пойдем, пойдем!

Глава девятая

ЖИВОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Женька потащил Васю в кузов автомобиля. Мягкие сиденья, обитые прохладной, похожей на кожу тканью, едва заметно светились. В щиток электронки был вделан небольшой экранчик, а подле него блестящий диск – почти такой, как на телефонах автоматической станции. Тихо тикали часы, рядом с ними – электрические измерительные приборы и спидометр. Словом, если бы не телефонный диск, можно было бы подумать, что Вася сел в обыкновенное такси.

Хлопнули дверцы, Женька уселся за обыкновенный руль и сейчас же опустил шторы на стеклах. В кузове стало призрачно светло.

– Это я ночь сделал, – пояснил Женька, – чтобы были самые большие трудности.

Вася с недоумением осматривался. И ветровые и боковые стекла были закрыты, а все вокруг светилось, отражаясь на никеле телефонного диска. Светились сиденья, светились приборы, светились шторы. Голубовато-зеленые лучи сливались с синеватыми и розовыми, и все вокруг было залито чистым, мягким, будто предутренным светом.

– Как это... так получается? – крутил головой Вася, разыскивая хоть одну лампочку. Но ее не было.

– Что – получается? – удивился Женька.

– Да вот что светло? А лампочек нет...

– Ну, это же очень просто! – воскликнул Женька. – Стеклопанель сиденья пропитана светящейся краской. Как же... ее... лю... люми... Дедушка! – крикнул Женька и открыл дверцу. – Как эта краска... Ну, светящаяся... называется?

– Какая краска? – спросил дедушка.

– Ну, вот которой сиденья пропитаны. Что внутри все покрашено.

– А-а! Люминофорная. А что, Вася не знает, что это такое?

– Не-ет, – смутился Вася, – не знаю.

– А я тебе напомним. Когда ты приехал из Иванова от бабушки, ты рассказывал, что видел спектакль «Зайка-зазнайка». Помнишь?

Вася вспомнил. Действительно, когда он был еще в четвертом классе и ездил к бабушке на каникулы, он видел в Иванове, в Театре музыкальной комедии, удивительную декорацию. На сцене, в ярком свете огней рампы, стояли обычные грубоватые, размалеванные полотняные деревья. Над мочальной травой росли невероятные деревянные грибы, дымил покосившийся фанерный домишко хитрой лисы, завоеванный Зайкой-зазнайкой. Пьеса была смешная, музыка – веселая, и Вася заметил убогую декорацию только дважды: когда открывался занавес и когда он опускался.

Но вот занавес открылся снова, огни рампы погасли, в зале наступил такой мрак, что нельзя было увидеть даже вытянутого к сцене соседского носа. А на сцене начались настоящие чудеса. На каждой травинке сверкала свежая капелька росы, каждый гриб светился своей удивительной краской, каждый листик на деревьях, каждая ягода на кустах переливались искрящимися голубоватой и розовой, зеленоватой, как изумруд, и алой, синей и желтой красками. А дом хитрой лисы! Не только резные наличники на окнах, не только карнизы и петухи на крыше, а даже бревна, каждый сучок в них горел, сверкал, переливался и лучился.

И этот непостижимый, мягкий, удивительно красивый свет заливал всю полянку, на которую крадучись вышли лиса и волк. Их глаза горели, их шкуры переливались.

Васе казалось, что на лесной поляне жили настоящие зайцы, живые лисы и волк. И то, что они говорили человеческим языком, Васю не удивляло – они не могли не говорить, не могли не петь на такой чудесной лесной полянке, среди таких необыкновенных грибов и цветов.

Это была настоящая сказка, ставшая настоящей правдой. И все это сделала удивительная, светящаяся в темноте люминофорная краска.

Вася вспомнил, как он рассказывал об этом спектакле и об этой краске в кружке «Умелые руки». Ребята не верили ему, а он сердился и пытался доказать, что не сочиняет ни крошечки. Но Женька Маслов оборвал его:

– Короче говоря, ты все врешь, а попросту – брешь!

Все рассмеялись, а Вася покраснел и стал с еще большим жаром отстаивать правду. Но чем больше он уверял и доказывал, тем меньше ему верили и тем откровенней смеялись. А больше всех Женька Маслов.

Все это вспомнилось и промелькнуло в голове в одну секунду, а уже в следующую Вася подумал:

«Но откуда знает этот странный старичок, что я видел в Иванове?»

Ответ, который напросился сам по себе, ужаснул Васю. Женька Маслов был круглолицый, краснощекий, со вздернутым, задиристым носом и светлыми глазами... Всё, как у этого старичка. Внутренне холодея от страха, Вася уже не рассматривал машину, уже не думал об удивительных светящихся красках. Он спросил Женьку:

– Слушай, а... а как твоя фамилия?

– Моя? – беззаботно переспросил Женька. – Маслов.

Вася подскочил и чуть отодвинулся. Если бы он не был пионером и верил в привидения, он бы обязательно сказал: «Чур, меня! Растворись! Исчезни!»

Перед ним действительно сидел почти что Женька Маслов. Почти, но не совсем. Он был тоже курносый, тоже вихрастый, и глаза у него были светлые, и лицо круглое, и щеки аж пылали.

«Что же со мной делается? – беспомощно подумал Вася. – Куда и как я попал? Это Женька Маслов. Но не тот. Он похож, но это не тот. Но ведь этот тоже Женька Маслов из первой школы, но из третьего класса. А тот Женька Маслов сейчас в пятом. Ведь вчера... или когда-то, я уже теперь ничего не понимаю... я толкнул его двойным ударом, и он покатился по всему вестибюлю. Но если это тот, тогда где же я? В прошлом или в будущем? Будем рассуждать логически. Ведь тот Женька Маслов действительно учился в третьем классе, когда я жил в Чите. Но тогда он меня не мог знать. А когда он перешел в четвертый, я поступил в первую школу, в пятый класс, и он меня узнал. Тогда, рассуждая логически, я попал в прошлое, отстал на целых два года. Но если это так, то почему дедушка знает то, что я видел в Иванове? Ведь Женька тогда меня еще не знал, и он не мог поэтому рассказать дедушке...»

Логика окончательно отказала Васе. Видно, он был очень огорчен этим, потому что Женька Маслов вдруг посмотрел на него, испуганно поморгал глазами и стал задом выбираться из машины. Что он говорил дедушке, Вася, конечно, не знал, потому что решал страшно сложный вопрос. Кто же, в конце концов, Женька Маслов и что произошло с ним самим?

– Вечно ты все разболтаешь! – возмущался дедушка. – Ведь попросил как человека, ведь говорил же: помолчи! Нет, все по-своему! Я же тебе сказал: здесь тайна.

Дедушка заглянул в дверцы.

– Вася, брось ты возиться с машиной, – сказал он ласково и заискивающе, как говорят люди только с больными или когда хотят что-нибудь выпросить. – Электронка от нас не уйдет. Пойдем лучше рыбу ловить.

Вася с ужасом смотрел на дедушку, на его чуть вздернутый нос, на всё еще румяные щеки в старческих прожилках и не двигался с места. Он даже думать как следует не мог, а все только спрашивал самого себя:

«Который из них – внук или дед – Женька Маслов? Что же со мной случилось?»

Дедушка взял его за руку и осторожно, но настойчиво потянул на себя. Вася покорился и вышел из электронки. Его уже не интересовали ни похожий на телефонный диск на щите

машины, ни атомки, ни даже Тузик, который мирно ошипывал молодые древесные побеги и изредка довольно похрюкивал.

Как будто сонный, пошел Вася рядом с дедушкой, даже не удивляясь, что его ведут на реку, даже не замечая взглядов: сожалеющих – Ленки, испуганных – Женьки, укоризненных и заботливых – дедушки. Он все думал об одном: кто же из двух Женька Маслов? И эта мысль была такой въедливой и вредной, что, наверно, со стороны казалось, что Вася не совсем в своем уме...

Над ним, попискивая, заплясали комары, впереди тихонько позванивала струями быстрая, горная река.

Глава десятая РЫБИЙ КОНЦЕРТ

Река бежала по камням, тихонько и ласково булькая в прибрежных кустах краснотала. Солнце серебрило ее, а теплый ветерок с севера согревал. Было очень тихо и очень приятно. Но комары...

Вначале Вася даже не замечал их, но когда один, самый жадный, впился ему в шею и стал быстро наливать кровью, Вася машинально изо всех сил хлопнул себя рукой по шее. Стайка комаров вспорхнула повыше, но потом снова опустилась, мешая Васе сосредоточиться: он все еще думал, все еще старался разгадать тайну Женьки Маслова, но уже стал кое о чем догадываться и замечать, что делается вокруг.

Дедушка и Лена возились с каким-то ящиком. На нем было множество кнопок, ручек и даже вольтметр. От ящика тянулись провода: один – к машине, другой – к берегу реки. Тот провод, что тянулся к реке, оканчивался металлической катушкой. Женька внимательно осмотрел ее и, размахнувшись, забросил в воду. Подошел дедушка, покачал головой и сказал:

– Далеко кинул. Рыбу нужно ближе собирать. – И подтянул катушку за провод поближе к берегу.

Лена еще возилась возле ящика. Женька подбежал к ней и закричал:

– Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты не вмешивалась! Опять ты на гольянов поставила! Что мы с твоими гольянами будем делать? Кошке на питание?

– Ничего не на гольянов, – ответила Лена и выпрямилась. – Я поставила на тайменей.

– Какие же это таймени?! – возмутился Женька. – На этом контакте мы всегда собираем гольянов.

– Нет, не на этом, – упрячилась Лена.

– Много ты понимаешь! – крикнул Женька и переставил ползунок прибора на другой контакт.

– Да побольше, чем ты, – запоздало возразила Лена и не совсем уверенно сказала: – Это ты сейчас на гольянов ставишь.

Женька молча уничтожающе посмотрел на сестру.

– Вот видите, опять спорите, – вмешался дедушка. – Сколько раз говорил: напишите над контактами, какой какую рыбу ловит!

Вася все внимательней слушал ребят и дедушку и подумал:

«Что за ерунда – контакты ловят рыбу...»

Лена покосилась на Васю, капризно надула губы и сказала:

– Но, дедушка, не контакты же ловят рыбу, а ультразвук. И даже не он. Ультразвук только собирает рыбу.

Кое-что прояснилось. Ну конечно, кому неизвестно, что кильку, например, ловят с помощью электросвета? Это же знает всякий. Но не всякий знает, что такое ультразвук, и не представляет его роли в ловле рыбы. Вася старался быть равнодушным, хотя он и видел, что Лена молчаливо предлагает разъяснить ему трудную задачу. Но то, что можно сделать один раз, не стоит делать во второй, а тем более надоедать вопросами девчонке. Не мог он сделать этого еще и потому, что не хотел показывать, что на душе у него по-прежнему очень грустно и недомогание не прошло. Но он решил быть твердым и непоколебимым.

Все собрались на берегу. Река катила свои прозрачные, чистые волны, подхватывая со дна песчинки, кружа траву и щепочки. Почти по самому дну путешествовали небольшие юркие рыбки – гольяны, названные так потому, что их бурое, в крапинках тело совсем не имеет чешуи. Чуть выше гольянов, в прибрежных прогретых заводях, стайками юлила рыба молодь. Круп-

ной, промысловой рыбы видно не было. Но Вася по собственному опыту знал, что она всегда держится на глубине.

Как только начал работать ультразвуковой аппарат, гольяны вдруг остановились как вкопанные и, шевеля хвостами и плавниками, часто топорщили жабры, будто прислушиваясь. Вася невольно вспомнил свои рыбалки.

Стаи рыб разных пород недвижимо стоят на одном месте, вот так же, как сейчас гольяны, чуть пошевеливая хвостами. Вокруг – тишина. И вдруг, как по команде, одна из рыбьих стай, вильнув хвостами, исчезает в водорослях. Присмотришься – а внизу так же спокойно стоит вторая стайка рыб, уже другой породы. Она, кажется, вовсе не заметила, как исчезли соседи. Но вот опять следует неслышная и невидимая команда, и вторая рыбья стая тоже исчезает.

«А что же... Может быть, рыбы тоже переговариваются между собой на своем рыбьем языке с помощью этого самого ультразвука. Они подают сигналы, а мы их не слышим. Ведь вот у диких гусей, например, есть же сторожевые гусаки, которые предупреждают всю стаю, как только заметят опасность. Может быть, и у рыб есть свои сторожа или даже вожаки... Только мы ничего об этом не знаем».

Пока Вася думал, Лена толкнула Женьку и сказала:

– Говорила я тебе – это гольяновый контакт! Видишь, как они заслушались.

– Это еще неизвестно... – неуверенно ответил Женька.

Дедушка остановил их:

– Подождите. Пусть Вася посмотрит.

Прошло еще несколько минут. Со всех сторон поверху и понизу стали собираться гольяны – стаями и в одиночку. Речные струи тревожили их, они сбивались в кучки, но упрямо старались держаться на одном месте, прислушиваясь к удивительным звукам. Гольянов становилось все больше и больше. Дедушка подумал и сказал:

– Готовьте спиннинги, а я сменю контакт.

Дедушка пошел к ящику. Вася услышал, как щелкнул контакт, и среди гольянов пробежала дрожь. Они стали двигаться, вначале медленно, несмело, потом все быстрее и быстрее, рыская во все стороны, словно пытаясь разыскать пропавший звук. Вода так и вскипала – столько гольянычков сплылось на этот участок реки.

– Ты понимаешь, что произошло? – возбужденно спросила Лена у Васи.

Вася гордо промолчал.

– Дедушка сменил контакт, и в воде сейчас начнет распространяться новый ультразвук. Ведь ты, наверно, знаешь, что одни рыбы пищат, а сами ничего не слышат; другие, наоборот, сами слышат, а пищать не умеют. Ну вот. Но все они прекрасно слышат ультразвук – это такой звук, который мы, люди, не слышим. Знаешь, им еще металл сверлят, стекло режут, вообще он широко применяется. Вот мы и устраиваем рыбий концерт. Рыба одной породы слышит только звук одной частоты, а другой породы – другой частоты. Понимаешь?

Кое-что Вася уже понимал. Он вспомнил и летучую мышь, этот живой ультразвуковой локатор, и комаров, которые, кроме обычного слышимого писка, пищат еще и неслышно, точно переговариваясь друг с другом на своем комарином языке. Так что ничего удивительного в словах Лены он не увидел. Придумали – и хорошо.

Программа рыбьего концерта сменилась. Зеленоватую, искрящуюся толщу воды, как серебристые молнии, пронизали две огромные, почти в метр длиной, рыбы с красными плавниками.

– Таймени! – радостно завопил Женька.

Дедушка подбежал к берегу и закричал:

– Закидывайте спиннинги! Спиннинги!

Тут не утерпел и Вася. Он тоже схватил спиннинг и, чуть размотав катушку, закинул в реку блесну с крючком-тройчаткой.

Блесну подхватили речные струи и закружили. Она блистала на неярком, будто затянутом марлей, солнце, как настоящая рыбка.

Но таймени не обращали внимания ни на Васину блесну, ни на другие, которые закинули рыболовы. Они продолжали охотиться за беспомощно кружащими на месте буровато-пятнистыми гольянами.

Источник ультразвука все работал и работал, и в реке стали то и дело мелькать серебристо-зеленые туши тайменей. Они жадно набрасывались на собравшихся сюда и все еще ожидающих продолжения концерта гольянов. Охотничьи страсти разгорались не только у тайменей, но и у рыболовов. Они то и дело перекидывали блесну, стараясь попасть на боевой маршрут тайменей. Но подводные хищники не обращали на нее внимания. Впопыхах рыболовы не замечали, что их блесны никелированные, блестящие, а таймени охотились за не похожими на блесну, тусклыми рыбками.

Дедушка сердито махнул рукой и начал ругать Женьку:

– Все перепутал! Конечно, тайменю в обычное время гольяна ни за что не взять, а гольяничек рыбка жирная, вкусная. Вот таймени и бросились на них.

– Ну, дедушка, – взмолился Женька, – я же не знал, что контакт не тот!

– «Не зна-ал»! – передразнила Лена. – Я ж тебе говорила – не тот контакт. Накормил тайменей сытным обедом, а теперь хочешь их ловить. Не такие они дураки.

Да, ошибка Женьки была слишком явной. Не привлеки он сначала гольянов, голодные таймени обязательно бы бросились на блесну, принимая ее за рыбку. А когда они очутились посредине своего любимого блюда – гольянов, – их, конечно, не заинтересует блесна.

Пока рыболовы переругивались, доказывая друг другу, что виноват не он, а кто-то другой, Тузик вошел в воду, опустил в нее хобот и стал пить, шумно поводя боками. Внезапно огромный таймень с налету наскочил на толстые, как бревна, ноги мамонта, метнулся в сторону и угодил как раз на хобот. В то же мгновение Тузик согнул хобот крючком и подхватил рыбину под брюхо. Все произошло так быстро, что Вася едва заметил, как над водой взлетел огромный серебристый красноперый таймень. Он перелетел через мамонта и тяжело шлепнулся на траву, да так, оглушенный, и застыл.

Рыболовы бросились было к тайменю, но тот пришел в себя, оттолкнулся могучим хвостом и взвился в воздух. Все четверо навалились на метровую рыбину, и дедушка, суетясь не меньше, чем внуки, кричал:

– Осторожно! У него зубищи огромные.

С большим трудом таймень был укрощен. Шум утих, и все услышали требовательный звонок.

Глава одиннадцатая НА ПОРОГЕ РАЗГАДКИ

Дедушка прислушался и посмотрел на машину. Ребята возились с тайменем. Издалека опять донесся звон, и дедушка обратился к Васе:

– Кто-то нас вызывает. Пойдем, Вася, я тебе покажу еще одну вещь.

В машине звенел телефон. Дедушка нажал на кнопку под щитком, и сейчас же зеленоватым светом вспыхнул маленький экранчик. Дедушка подождал несколько секунд и, когда на экране вырисовался облик молодой и красивой женщины, сказал:

– Что там такое, Валя?

– Я просто волнуюсь, папа. На дворе сыро, а ребята так легко одеты... Как идет ваша рыбалка?

– Наша – плохо. Но вот рыбалка нашего нового знакомого – отлично. Поймали тайменя – наверно, больше пуда весом.

– А что это за новый знакомый? – удивилась женщина.

– А вот этот... – Дедушка притянул к себе Васю, так что его лицо оказалось как раз против экранчика, а потом задумался и сказал: – Он не очень новый, и, может быть, даже ты кое-что о нем знаешь... Его зовут Вася Голубев, Василий Николаевич Голубев. Помнишь?

Женщина на экранчике вначале удивленно вскинула брови и поджала губы, потом глаза у нее расширились, и она прижала розовую, чуть припудренную мукой руку к румяной щеке и спросила:

– Неужели... Неужели это Николая Васильевича Голубева...

– Да-да! – перебил ее дедушка и обратился к Васе: – Ты пойдй погуляй минутку.

Вася вышел, а дедушка, захлопнув дверь машины, торопливо сказал:

– Слушай, Валя, немедленно сообщи об этом в медицинское управление. Ты же сама видела Васю и можешь подтвердить, что он совершенно нормальный человек. Это редчайший случай, – и нажал на кнопку под щитком.

Экранчик потух.

Вася молча смотрел через блестящее стекло двери на дедушку. Сердце билось толчками. Он понял, что стоит на пороге разгадки своей тайны – ведь Николаем Васильевичем звали его отца. И еще он понял, что женщина на экранчике хотела спросить, не он ли, Вася Голубев, и есть сын Николая Васильевича. Вася ничего не спрашивал, потому что по глазам дедушки видел, что он собирается сообщить ему всю правду.

Но он ошибся. Дедушка опять вкрадчиво заговорил совсем о другом:

– Вот видишь, Вася, в каждой машине установлен такой радиовидеотелефон. Стоит только включить аппарат, и ты можешь набрать нужный номер и вызвать абонента. Но дело не только в этом. Мало того, что ты можешь разговаривать с кем хочешь, – ты еще можешь и видеть того, с кем ты говоришь, и он тебя видит. И все – в цвете. Это не ново, но, впрочем, интересно... – Дедушка посмотрел на Васю и стал смущенно покашливать: он видел, что мальчика интересует совсем не радиовидеотелефон. Однако он продолжал: – А для того, чтобы не перепутать номера радиовидеотелефонов, им присваивается номер машины, на которой он установлен. Если знаешь номер машины, можешь немедленно позвонить в нее – пусть та машина будет хоть за тысячу километров.

Вася упорно, не моргая, смотрел на дедушку так, словно хотел сказать: «Это все интересно, но меня волнует сейчас другое».

Дедушка опять смущенно покашливал и, чуть покраснев, продолжал:

– Ты не заметил, что впереди каждого номера машины стоит буква? Они приняты как обозначение длины волны. Набирая на обыкновенном телефонном диске нужные буквы, ты

автоматически настраиваешь приемо-передаточный аппарат на нужную волну. А потом уже, когда набираешь номер телефона или машины...

– Скажите, – перебил его Вася и на мгновение запнулся, не зная, как называть дедушку. – Скажите, как вас зовут?

– Меня? – Дедушка почему-то покраснел, словно его поймали на чем-то нехорошем. – Меня?

– Да, вас. Как вас зовут? И как ваша фамилия? – Вася смотрел на дедушку не мигая и говорил опять спокойно и тихо.

– Так, значит... – покашлял дедушка. – Зовут меня... меня зовут Евгений Алексеевич Маслов.

– Ясно! – закричал Вася. – Значит, ты не дедушка, а Женька Маслов из первой школы! Значит, это ты занимался в кружке «Умелые руки», значит, это ты дрался в вестибюле! Так вот почему ты все знаешь обо мне! Сейчас же рассказывай, что со мной случилось, изобретатель несчастный!

Дедушка страшно смутился, стал оправлять свой пиджак и вдруг неожиданно шмыгнул носом и рукавом вытер его.

– А почему я изобретатель? Да еще несчастный? – попробовал обидеться дедушка, чтобы по привычке детских лет перехватить инициативу.

– Конечно, несчастный! В кружке ничего не мог сделать толком – даже модели лунохода не закончил – и теперь занимаешься неизвестно чем.

– Почему – «неизвестно чем»? Я, брат, очень интересными делами занимаюсь, – опять почему-то покраснел дедушка. – А ты думаешь, что это я ультразвук выдумал, – так нет. Не я.

– Да разве ж ультразвук выдумывают! Эх ты, изобретатель...

Дедушка, конечно, не понимал, почему Вася с таким упорством называл его изобретателем, и ему почему-то это казалось обидным – ведь в свое время, в школе, именно так называли самого Васю. И дедушка никак не хотел меняться с ним ролями:

– Брось, Вася! И ультразвуковую катушку не я изобретал. Понял? И вообще хватит.

Вот теперь Вася совершенно не сомневался, что перед ним пятиклассник Женька Маслов, который, пока еще совершенно непонятным образом, прикинулся дедушкой. Вася злился уже не на шутку. Подумать только, как ему приходится мучиться, разгадывая собственную судьбу, а этот Женька замаскировался и ничего ему не говорит! А он, как дурак, еще мечтал стать помощником этого «гениального изобретателя». Вот уж действительно, поспешишь – людей насмешишь!

– Женька! Говори сейчас же, что со мной случилось! Где Сашка Мыльников? Где папа и мама? Все говори!

Вася даже сжал кулаки: он был уверен, что с Женькой Масловым иначе не договоришься – тот всегда был довольно вредным парнишкой. Но дедушка не протестовал. Он как будто даже согласился с Васиным превосходством – все-таки, что ни говори, а Вася Голубев был старше Женьки Маслова на целый класс. Милолюбиво и даже заискивающе он ответил:

– Я тебе все расскажу. Ты не волнуйся. История, правда, получается таинственная, но я тебе потом расскажу.

– Нет! Это ты брось! Ты сейчас рассказывай!

Пятиклассник 1-й школы Женька Маслов потер морщинистыми руками пылающие щеки в красных склеротических прожилках, погладил остатки седых волос на голове и неуверенно сказал:

– Я думаю, что лучше всего сначала поехать в город. Там ты все поймешь...

– А я хочу все знать сейчас же!

– Мало ли что ты хочешь.

– Женька!.. – угрожающе сказал Вася.

– Вот что, Вася Голубев: ты все-таки не забывайся! Был я Женькой, а теперь в честь того Женьки назван другой Женька Маслов – вон он с тайменем возится. А тебе я теперь Евгений Алексеевич. Понятно? Как-никак, а я старше тебя ровно на полсотни лет... Точнее, на сорок девять.

– На сколько? – широко раскрыл свои серые глаза Вася. – На сколько?

– На сорок девять, – невозмутимо ответил дедушка. – И ты теперь меня будешь слушаться во всем. Сказано: поедem в город – и поедem... Жень, Лена! – крикнул он. – Мама звонила – собирайтесь. Сейчас поедem.

– А мамонта с собой возьмем? – спросила Лена.

Дедушка поперхнулся. Мамонт – обстоятельство непредвиденное. Даже сообщая своей дочери о Васе, он как-то упустил это из виду.

– Вася, – спросил он, – ты поедешь на мамонте или мы его оставим здесь, а потом приедem за ним?

Но Вася не слышал дедушкиного вопроса. Он сидел в машине и плакал. Слезы лились сами по себе, и он даже не замечал их. Он только тихонько, почти беззвучно шептал:

– Мама, мамочка...

Дедушка посмотрел на Васю, смущенно потер лысину и, тряхнув головой, пробормотал:

– Гм... да, положение...

Глава двенадцатая ВО ВСЕМ ВИНОВАТ ЗУБ

Через некоторое время дедушка принял решение:

– Тузика оставим здесь, а потом приедем за ним.

– Но ведь он убежит, – сказала Лена.

– А что же делать? – развел руками дедушка. – Нас он не слушает, а Вася... Васе сейчас не до мамонта.

– А что с Васей? – тревожно спросила Лена.

– Видишь ли... я же говорил, что здесь тайна, – вот она постепенно и раскрывается. – И, заметив нетерпеливое движение девочки, остановил ее: – Не спеши – все узнаешь. Когда попадем домой, я все расскажу.

Дедушка ушел искать убежище для мамонта, а Лена бросилась к машине, открыла дверцу и растерянно остановилась: она еще никогда не видела, чтобы мальчики, да еще такие смелые, каким показался ей Вася, плакали так безутешно. Он даже не оглянулся, когда открылась дверца, а только всхлипнул.

Лена решительно убрала под тубетейку выбившиеся светлые пряди волос. Готовясь как следует пристыдить Васю, она взглянула на него укоризненно и поджала губы. Но Вася опять всхлипнул. Лена только вздохнула поглубже и промолчала. Чем дольше она молчала и смотрела на Васю, тем быстрее проходила ее решительность. Она почувствовала, что в уголках ее глаз почему-то щипало, дышать носом стало трудно, и она беспомощно открыла рот.

Вася, конечно, заметил Лену, но он не мог сразу же совладать с собой и поэтому некоторое время плакал уже нехотя, по инерции: разогнался и никак не мог остановиться. Но наконец усилием воли он заставил себя успокоиться и спросил у Лены:

– Слушай, какой сейчас год?

– Где – какой год? – не поняла разжалобившаяся Лена.

– Ну, вот здесь. Где мы сейчас, – уточнил Вася.

– А он везде одинаковый, – растерялась Лена.

– Тем более... – уже начинал злиться Вася: на себя за то, что он так плакал, на Лену за то, что она видела, как он плакал, и за то, что она такая непонятливая. – Тем более. Неужели ты не знаешь, какой сейчас год?

– Ну, двадцатый...

– Какой-какой?

– Двадцатый, – уже тверже сказала Лена.

Вася недоверчиво покосился на нее и разозлился еще сильнее. Ему показалось, что Лена шутит над ним.

– Слушай, а тебе сколько лет?

– Мне? Двенадцать.

– Так почему же сейчас двадцатый год? В каком же году ты родилась?

– Я? – Лена все больше удивлялась и даже чуть растерялась. Она никак не могла понять, что от нее хочет Вася. – Я родилась в 2008 году.

– В каком-каком? – опять переспросил Вася и побледнел. Он решал новую, совершенно невероятную и очень мучительную для него задачу.

– В 2008 году.

– Значит... значит, сейчас 2020 год?

– Ну да, – совсем растерялась Лена. – Я так и сказала – двадцатый.

Слезы опять сами по себе покатались по Васиным щекам, и, как он ни старался успокоиться и «рассуждать логически», из этого ничего не получилось.

Как только Лена увидела новый приступ Васиного горя, она поняла, что и ей самой очень хочется плакать. А когда ей что-нибудь хотелось, она обязательно это делала.

В машину заглянул наконец Женька. Он увидел, что Вася и Лена сидят рядом и плачут вперегонки. Женька открыл рот и испуганно спросил:

– Что случилось?

Ему никто не ответил. Вася только скрипнул зубами, но сейчас же новый поток слез покатился из глаз. Дело в том, что Вася слишком сжал зубы, и коренной зуб с дуплом невольно заныл. Лена громко всхлипнула и уткнулась в платок. Женька тоже растерялся и на всякий случай потер кулаком глаза.

– Дома что-нибудь? – спросил он, но Лена отрицательно покачала головой. – Потеряли что-нибудь?

Вася, у которого зуб болел все сильнее, пробурчал: «Нет» – и вытер слезы. Женька вспомнил странное поведение Васи в электронке и, перестав тереть глаза, подозрительно спросил:

– Вася заболел?

– Дурак! – Вася окончательно рассердился на себя, на Женьку и на свой зуб. – Неужели ты не понимаешь, что я пролежал замерзшим пятьдесят лет!

– Сколько-сколько? – опешил Женька, а Лена разом перестала плакать.

– Пятьдесят лет! Ты это понимаешь?

Женька не понимал, но на всякий случай присвистнул и с уважением, почти с завистью сказал:

– Вот это да! Здорово! Пятьдесят лет... – И попытался уточнить: – Ты вместе с мамонтом замерзал?

– Дурак! – уже спокойней повторил Вася, и слезы перестали капать, но зуб еще ныл. – Мамонт же доисторическое животное. А я... я – исторический...

– Слушай, я ничего не понимаю, – честно признался Женька.

– Я сам... – начал было Вася, но, почувствовав, что у него опять навернулись слезы, сжал зубы и вскрикнул: – Ой!

– Ты чего? – наклонилась к нему Лена.

– Зуб вот еще...

– А-а! – понимающе сказала Лена и окончательно успокоилась: от зубной боли плачут не только мальчишки, но даже взрослые – это такая боль, хуже которой не бывает. И странно, она, жалея Васю, уже снова верила, что он очень смелый и совершенно необыкновенный мальчик.

– В конце концов, это ведь не так важно, сколько ты там замерзал, – сказала она, – важно, что ты отмерз и даже приручил мамонта. Он вместе с тобой отмерзал?

Вася кивнул головой.

– По-моему, это тоже неважно, – с завистью сказал Женька. – Это даже интересно – пятьдесят лет пролежать замерзшим, а потом вдруг оттаять и сразу же приручить мамонта. Слушай, а как же ты замерзал?

Вася понял, что его положение не такое уж безнадежное, и мысли о родителях отошли на задний план – ведь еще ничего не известно: может быть, они и живы. Теперь они, конечно, старенькие, но все-таки... и Вася рассказал все, что с ним случилось пятьдесят лет назад. Кстати, он спросил:

– А почему вы говорите «двадцатый», а не две тысячи двадцатый год?

– Видишь ли, это просто удобней. Ведь каждый знает, что две тысячи лет уже прошло, – ответила Лена.

– А Сашка Мыльников все-таки плохой товарищ, – твердо сказал Женька.

– Почему? – нахмурился Вася.

– Ну, что же это за товарищ, если он бросил тебя в яме? Я бы обязательно разыскал.

– Метель была... пурга.

– Ну и что ж! Разве это помеха? Вот когда на Марсе космонавтов разметала пыльная красная буря, так их и то нашли. А тут, на Земле, он не мог разыскать...

Лена вздохнула и почему-то очень твердо сказала:

– Ты ничего не знаешь, Женька, и поэтому не болтай.

– Сама ты болтаешь! – очень своевременно и остроумно ответил Женька. – Разве это товарищ?! – добавил он с презрением.

Они помолчали. К машине приблизился Тузик и стал обнюхивать ее хоботом, шумно вздыхая и опасливо косясь своими маленькими глазками.

Вскоре пришел дедушка и сказал:

– Тузика мы оставим в старом лесничестве. Там есть загон – в нем когда-то приручали лосей. Вот там он и погуляет.

– А разве лосей приручили? – уже откровенно удивился Вася.

И дедушка, тоже уже не таясь, ответил:

– Да, уже лет тридцать, как они домашние животные. Их разводят, как коров, из-за мяса, молока и хорошей кожи. Ну, взбирайся на своего мамонта и веди в загон.

– Я тоже сяду! – закричал Женька.

Но Лена презрительно сжала губы:

– Так он тебя и возьмет!

– Вася ему прикажет.

Польщенный Вася взобрался на Тузика и, покрикивая на него, заставил посадить Лену и Женьку.

Дедушка шел впереди, показывая дорогу.

Вскоре они подошли к заброшенному деревянному зданию фермы.

Оно было ограждено высоким и крепким забором с хорошими воротами.

Не подозревая подвоха, Тузик спокойно прошел во двор и стал обнюхивать хоботом постройки. Они не понравились ему, поэтому он фыркал и сопел. Ребята наносили в корыто воды, нарвали травы и ветвей и простились с мамонтом. Он стоял посреди двора, слегка раскачивая свою большую лопухую голову.

– До свиданья, Тузик! – сказал Вася. – Мы скоро приедем.

Ворота закрылись, и все четверо пошли к машине. Сзади раздался трубный рев, ворота затрещали... Все остановились. Но рев затих, и слышно было, как Тузик, тяжело ступая, пошел обследовать свои владения.

– Ничего, – сказал дедушка. – Привыкнет...

Глава тринадцатая ВУЛКАН НА КОЛЕСАХ

Переваливаясь на кочках, электронка выбралась на шоссе, и дедушка чуть прибавил скорость. Сделать это было нетрудно – стоило только нажать педаль и, значит, передвинуть рычажок реостата. В электромотор поступило больше тока из аккумуляторов, и машина побежала быстрее. На повороте, где несколько часов назад Тузик испугался автопоезда, на щитке электронки зажегся красный сигнал.

Дедушка поправил зеркальце и увидел, что сзади его догоняет новый автопоезд. Красный сигнал включил специальный аппарат, который зорко наблюдал за всем, что делается позади, и заранее предупреждал водителя об опасности. Электронка прижалась к самой обочине шоссе. Мимо промчался автопоезд. Его вагоны были окрашены в светлую краску, в них было множество широких окон, возле которых сидели пассажиры; вагоны-прицепы мелькали со скоростью курьерского поезда.

– Атомка промчалась! – с завистью сказал Женька.

«Ах, вот что такое атомка! – подумал Вася. – Это, видно, автопоезд, работающий на атомной энергии. Да, такие атомки делать гораздо лучше, чем те, что делали когда-то».

Воспоминание о тех далеких днях, когда атомками называли атомные бомбы, заставило Васю опять вспомнить о своем странном положении, и он снова загрустил. Лена тоже задумчиво ответила Жене:

– Это пассажирский экспресс порт Уэлен – Ужгород.

– А не московский? – ревниво спросил Женья.

– Нет, московский проходит раньше.

– Вот вырасту, – мечтательно протянул Женька, – и стану водителем атомных поездов!

– Не очень-то интересно, – заметила Лена. – Все время в дороге. Они же могут вокруг света без остановки проехать.

– Мало ли что могут! – возразил Женька. – А водителей-то все время на станциях меняют. Сменился – и кати куда хочешь! Красота!

– Да! – почти с завистью сказал дедушка. – Атомки – хорошее дело. Недаром железные дороги перестали строить. Атомка ведь везде пройдет.

Пока выяснялись все преимущества безрельсовых атомных поездов, электронка вдруг замедлила ход и остановилась, хотя Вася ясно видел, что дедушка при этом даже пальцем не шевельнул.

– Перекресток, – сказал дедушка. – Что ж, подождем.

– Вот, «подождем»!.. – обиженно протянул Женька. – Меня так за руль не пускаете. А ведь вот сами заговорились, и автотелефототормоза за вас сработали – остановили машину. А то б наверняка нарушили правила уличного движения.

– Ладно тебе! А фотоэлементы у нас на что?!

Из дальнейшего разговора дедушки и Женьки Вася сделал вывод, что и дороги и машины устроены так, что даже при всем твоём желании совершить аварию сделать это не позволят фотоэлементы. Они установлены на всех машинах, и на всем протяжении шоссе: на перекрестках и поворотах полосами нанесена особая краска, посылающая невидимые простому глазу лучи. Их-то и ловят установленные на машинах приборы и автоматически помогают водителю, предостерегая его от опасности и предотвращая аварии.

И сейчас же вспомнился случай на шоссе: бешено мчащийся прямо на Тузика автопоезд, растерянный водитель. Да, крушение тогда было неизбежно. Его предотвратили умные приборы.

Как тогда вильнула атомка! Как понеслась! Вот теперь ясно: полосы вдоль обочины шоссе – это своеобразный фотоэлементный барьер, который не позволяет машине выезжать за его предел. Пожалуй, Женька-маленький прав: при такой технике машину может водить не то что третьеклассник, а даже первоклассник. И Вася посмотрел на него уже дружелюбней.

«А Женька Маслов-старший стал таким вредным! Просто смотреть на него не хочется», – подумал Вася.

Шоссе пересек автопоезд, и электронка свернула. Сквозь ветровое стекло перед Васей открылся вид на родной городок. Как он вырос, как повзрослел! То там, то здесь из-за высоких деревьев высились разноцветные, а чаще всего серебристые крыши многоэтажных домов. Вася догадался теперь, что они также покрыты фотоэлементом, перерабатывающим солнечную энергию в электрическую. Надо думать, летом солнечные лучи с помощью специальных аппаратов охлаждали воздух в домах, а зимой помогали обогревать их.

Теплица, что была на окраине города, стала чуть побольше; но обогатительная фабрика осталась такой же. Зато неподалеку от нее высились новые фабричные здания.

Но сколько ни искал Вася родную школу, он так и не мог ее увидеть. Не нашел он и своего маленького, одноэтажного, деревянного дома. Улицы были застроены многоэтажными зданиями самых различных цветов и оттенков. Среди них преобладал тот же странный зеленовато-блестящий материал, которым было покрыто шоссе.

Однако Вася не обращал внимания на эти странности, потому что больше всего думал о родителях. Живы ли они? Ведь прошло пятьдесят лет! Целых полвека... Взмолнованно посматривал он по сторонам, заглядывая в лица встречным людям, надеясь увидеть родных или знакомых. Лена видела Васиного волнение и ласково шепнула ему:

– Ты не беспокойся... По-моему, они живы, и ты их найдешь...

– Ты думаешь? – обернулся Вася.

– Ну конечно, – убежденно сказала Лена, и глаза у нее смотрели так твердо, что Вася невольно поверил девочке.

Электронка опять остановилась, и дедушка пробурчал:

– Придется объезжать.

Прямо перед электронной стояли люди и смотрели в переулок, вливающийся справа в улицу, по которой двигалась электронка. Блестящий штакетник красиво очерчивал ярко-зеленые газоны, на которых росли деревья и аккуратно подстриженные кустарники. Между штакетником, занимая всю проезжую часть дороги, стояла огромная машина. По бокам ее плоского тела с прозрачной кабиной впереди выдавались чуть вздрагивающие выступы. Под кабиной беспрерывно и стремительно вращался архимедов винт, по которому скользила слегка дымящаяся серовато-зеленая масса. Над ней струился раскаленный воздух. Человек в блестящей кабине все время посматривал на архимедов винт и иногда касался блестящих рычажков, во множестве разбросанных на щите перед ним. И тут только Вася заметил, что машина не стоит на месте: она движется медленно, ровно, как корабль на тихой воде. Позади машины остается блестящее, как зеркальное стекло, зеленоватое, искрящееся на ярком солнце шоссе.

– Вот это и есть дорожная машина, – сказал дедушка. – Она тоже атомная. Сзади в специальном котле беспрерывно выделяется тепло в несколько тысяч градусов. В этот огонь попадает грунт, который машина сама выбирает по краям дороги – видишь, выступы по бокам. Они роют кюветы, канавы по краям будущего шоссе, а землю подают в атомный котел. Понятно, что земля не выдерживает такой невероятной температуры и плавится, превращаясь в лаву. Она подается вперед и по архимедову винту равномерно разносится по всей площади будущего шоссе. Вся машина катится на огромных, тяжелых валках, которые уплотняют лаву. Позади остается только готовое шоссе – каменное, почти базальтовое. Самое главное тут в том, что не требуется специально готовить полотно дороги, как когда-то его готовили перед заливкой асфальтом. Теперь машина идет по самой неровной почве – сама все выравнивает и уплотняет.

А позади машины ровная гладь шоссе. Прямо-таки настоящий вулкан на колесах! – улыбнулся дедушка.

Вася с уважением обошел пышущую жаром, могучую машину. Она неумолимо ползла все вперед и вперед. Пока дедушка рассказывал, а Вася осматривал машину, она успела выложить несколько метров нового, еще тепленького шоссе.

– А где же она берет атомное топливо? – спросил Вася, чтобы показать себя солидным, думающим человеком.

– В этом-то и вся штука! – оживился дедушка. – Помнишь, как на уроках физики нам доказывали, что построить «перпетуум-мобиле» – вечный двигатель – невозможно. А вот эта машина, в сущности, вечный двигатель. Ты не удивляйся! Конечно, и она не вечна, но... дело в том, что для нее не требуется горючего. Вначале, когда ее построят на заводе и запустят в ход атомный котел, ей, конечно, горючее требуется. А потом, в дальнейшем, она сама добывает горючее из той земли, что она же и расплавляет. Ты, конечно, знаешь, что многие редкие элементы рассеяны в земной коре – в песке, земле, камне – в таких ничтожных количествах, что добывать их раньше было просто невыгодно. А вот при такой машине стало выгодно. У нее есть специальный атомный сепаратор, который сортирует всевозможные элементы, когда они расплавятся в ее недрах. Ненужные атомы сепаратор выбрасывает, и они, соединяясь в лаву, идут на строительство шоссе. А редкие, нужные элементы сепаратор сортирует по своим кладовочкам-полочкам. Так что эта машина, строя шоссе, добывает еще и химически чистое железо, медь, серебро, золото, кобальт и многие-многие другие элементы. Некоторые из них поддаются разложению в атомных котлах и служат атомным горючим. Понимаешь? Машина сама добывает себе энергию, сама перерабатывает ее и сама дает столько и такой продукции, как в прошлом целая группа заводов. Вот, брат, какая это умная и дешевая машина!

Лена, скромно слушавшая дедушку, вставила:

– И знаешь, Вася, на таких машинах водителями работают наши ученики-старшеклассники.

– Почему? – удивился Вася. – Неужели им доверяют?

– Управлять-то ею не очень сложно, – сказала Лена, – а вот регулировать, готовить к работе – ужас до чего сложно! Но зато, знаешь, несколько дней поработаешь и сразу поймешь, как в лаборатории, какие элементы существуют, чем они отличаются друг от друга и в каком соотношении они встречаются в земной коре. Потом мы ходили на экскурсию в парк таких машин, когда опоражнивали их бункера, – каких там слитков только не было! Всякие-всякие!

– И золотые? – недоверчиво спросил Вася.

– Подумаешь, золотые! – презрительно сказала Лена. – Они большие, да толку в них мало. Они ведь сейчас почти не применяются в технике. А вот германий – вот это да!..

Женьке было скучно слушать эти научные разговоры, и он потащил Васю:

– Брось ты! Тоже мне интерес – шоссе заливать! Это и первоклассник сумеет. А вот дома строить – это действительно... Дедушка, поедem покажем! Вот это работа! Как только вырасту, обязательно стану строителем!

– Инженером? – ехидно сказала Лена и покровительственно улыбнулась. – Если ты хочешь знать, на той машине, что строит, нельзя работать даже инженеру. Профессор – он справится. Вот это машина так машина! И кем ты все-таки будешь? – насмешливо продолжала Лена. – Водителем атомки, строителем или просто инженером?

Женька смутился только на минуту и сейчас же ответил:

– Вот чудачка! Важно стать инженером. А кем я работать буду, это уж мое дело. Может, водителем, может, строителем, а может, и пекарем.

Электронка тем временем медленно подъехала к одному из новых искрящихся домов, и дедушка предложил:

– Слезай, приехали.

Кажется, ничего страшного в этих словах не было. Но сердце у Васи сжалось. Приехали – а куда? Как будто и в свой город, но в чужой и незнакомый дом. Ведь вот как иногда складывается жизнь: лег спать, проснулся, и ты сирота – ни родных, ни знакомых, ни даже дома. Один на всем белом свете. Вася опять еле удержался, чтобы не всхлипнуть.

– Снова зуб разболелся? – участливо спросил Женька.

Васе так захотелось стукнуть его, но ведь нельзя...

Глава четырнадцатая «ПРОФЕССОРСКАЯ МАШИНА»

Вася Голубев остался в квартире Масловых один (если не считать Женьки-маленького). Лена отправилась по поручению матери за подходящим для времени года костюмом, потому что Васина одежда – шуба, шапка, валенки – все это было явно не по сезону.

Дедушка и Женькина мама тоже отправились по каким-то делам.

Один только Женька-маленький решил быть настоящим другом и потащил было Васю показывать свой «конструктор», из деталей которого можно было, по его словам, соорудить все – начиная от высотного здания и комбайна до подводной лодки и межпланетного корабля.

Они устроились в коридоре. Женькины сокровища заслуживали самого пристального внимания. Кроме шурупов, болтов с гайками, медяшек, алюминиевых и пластмассовых обрезков, среди сокровищ были парные и даже тройчатые зубчатые колеса, шарикоподшипники, конденсаторы, лампы и лампочки и еще масса всякой всячины. И хотя многоопытный глаз заядлого моделиста и старосты кружка «Умелые руки» без особого труда определил, что не то что межпланетного корабля, но даже комбайна здесь не соорудишь, он все-таки заинтересовался сокровищами.

Однако Васю все время не покидали мысли о своем доме, о матери, похожей, понятно, и на Женькину мать, как похожи, наверно, все матери друг на друга.

Впервые за свою жизнь Вася решил сознательно соблазнить и обмануть младшего товарища, да еще пионера. Конечно, он понимал, что поступает нехорошо, нечестно, но ничего не мог поделать с собой. Ему очень хотелось увидеть родителей. Поэтому, пряча виноватые серые глаза, стараясь скрыть выступивший румянец, Вася как можно спокойнее предложил:

– Вот если бы посмотреть твою «профессорскую машину», мы бы с тобой из этих деталей сделали такую модель! Сама бы дома строила!

– А можно сделать? – восхищенно понижая голос и заглядывая в глаза Васе, спросил Женька.

– Не знаю... – коварно остановился на полпути Вася. – Нужно посмотреть.

– А ты знаешь что... знаешь... Давай пойдем и посмотрим.

– Так тебя ж мать не пустит! – почти презрительно сказал Вася.

– Ну и что? Ну и что?.. А мы пойдем и посмотрим. Она, знаешь, куда-то по хозяйству ушла. Пока она вернется, мы уже дома будем.

– Неудобно, понимаешь... Скажут, что я тебя сманил.

– Вот еще! Я что – маленький? Пойдем. Честное слово, это недалеко.

Вася дал Женьке уговорить себя, и они тихонько выскользнули за дверь. Женька потянул Васю к ближайшей стройке, но Вася сразу стал неумолимым:

– Мне нужно найти Ленскую улицу.

– Да зачем тебе Ленская? Она ж далеко.

– Нужно. Я жил на Ленской, понял? В доме двадцать один. Такой деревянненький домик.

– Да на что тебе деревянненький?

– Нужно – и все. Веди!

Женька покорился. Они быстро миновали несколько улиц. Вася так волновался, что даже не замечал, что встречные посматривают на его необычный костюм с некоторым интересом. Но ни один из них не остановился, не стал удивляться вслух, а тем более смеяться. Ну, идет человек в зимнем, да еще старомодном костюме, – значит, ему так нравится. Пусть себе идет.

На Ленской, такой знакомой в прошлом, такой родной, Вася не увидел ни одного старого дома. Улица неузнаваемо изменилась. Все было новое, и везде строились новые дома. Он даже растерялся. Старой улицы не было, не было и его дома. Вася подумал вначале, что Женька,

по своей легкомысленности, привел его на другую улицу. Но вдруг он увидел старую знакомую: почти черную внизу и все еще нежно-белую вверху раскидистую березу. На всей улице была только одна такая красивая, такая раскидистая и старая береза. И она стояла как раз против Васиного дома. Ошибиться Вася не мог. Правда, береза немного постарела, но почти не изменилась, стала только еще толще и раскидистей. Ее крохотные нежно-зеленые листочки беспрерывно вздрагивали – рядом проносились машины. В разноголосицу их моторов смело вплеталась звонкая птичья песня.

Пел скворец. Пел самозабвенно, запрокинув черную, будто отлакированную голову назад и прикрыв глаза. Пел весело, словно зараженный общим весельем труда.

И только один человек не радовался и не веселился. Он думал о том, что скворечню, на крыше которой пел скворец, мастерил он вместе с отцом. Он вспомнил, как он лазил на дерево, чтобы привязать птичий домик, и как мама кричала снизу:

«Слазь! Сейчас же слазь! Упадешь!»

И как отец, задрав голову, добродушно посмеивался:

«Здоровый парень – не сорвется. Я в его годы на мачты лазил».

Это было в «День птиц», и скворечню ставили не для скворцов, а для синичек, потому что скворцов в Васино время в этих местах не бывало.

И вот прошли годы, появились скворцы, по-прежнему стоит на своем месте раскидистая береза и верно служит свою службу маленький деревянный скворечник. А человек, который делал его, не имеет ни дома, ни родных. Да... Если бы рядом не стоял Женька, который наверняка бы осведомился насчет больного зуба, впору было зареветь. Но делать нечего. Приходилось быть стойким и мужественным. В конце концов, люди переносили и не такие трудности. А тут просто вместо старого дома строят новый. Это ведь даже хорошо.

Пока Вася смотрел на скворечник, пока он думал о своей судьбе, Женька уже успел бежать стройку, вернулся и тербил Васю за рукав:

– Идем! Понимаешь ты, там такой дядька отличный есть – все объяснит. Идем!

Вася нехотя пошел за Женькой. Едва они свернули за огораживающий строительную площадку заборчик, Вася увидел огромную, очень высокую машину со множеством гибких хоботов-шлангов разных цветов и диаметров. Над ней возвышался подъемный кран.

К мальчикам подошел высокий загорелый человек в комбинезоне со множеством кармашков и застежек и спросил:

– Учиться пришли? Хорошее дело! А где же ваш учитель?

– Мы одни, – замирая, ответил Женька.

– Это хуже. Как бы не попали под кран...

– Да нет, дяденька! Мы тихонько. Мальчик вот приехал... издалека, никогда не видел такой машины.

Загорелый человек с интересом осмотрел Васю, его необыкновенную одежду и переспросил:

– Издалека, говоришь, приехал? Из-за климатической линии? То-то, я смотрю, одет ты больно... не по сезону.

Вася чувствовал, что нужно ответить, но ничего подходящего на ум не приходило. Он только ежился и смущенно улыбался. Никогда он не представлял, что попадет в положение какого-то полудикаря.

– Ну ладно... Помогу чем могу. Ты видал, как машина делает дорогу?

– Да. Видел.

– И принцип ее работы знаешь?

– Да... Более или менее...

– Ну так вот, эта машина тоже примерно такая же, только похитрее. Она также расплавляет вынутый грунт, так же выбирает из него нужные элементы, но у нее есть и еще одна сложная задача.

В это время над машиной дрогнул подъемный кран и поплыл к стеллажу, на котором лежали отполированные, с зеркальными, большими стеклами оконные рамы. Кран подхватил их сразу несколько штук, понес к уже готовой стене и осторожно установил на приготовленное для них место.

Машина в это время что-то скребла под собой и медленно приближалась к стене. Кран отодвинулся и прихватил с другого стеллажа опять-таки уже готовые двери и поставил их в нужное место. Смотреть на это было странно – голая стена, на ней и в глубине еще не зажатого перегородками пустого здания – готовые двери и окна.

А неутомимый кран свесил свои крюки над другими стеллажами и стал перетаскивать огромные и тоже поблескивающие плиты. Плиты кран укладывал на пол.

– А это что же такое? – спросил Вася.

– Самые обыкновенные полы.

– А из чего они?

– Конечно, деревянные. В старинных домах ты можешь увидеть полы, покрытые пластиком или выстланные даже мрамором или плитками. Но это и неэкономично и негигиенично. Химия она же и есть химия, а камень он и есть камень. Химия – разлагается и может повредить здоровью, а каменные плитки всегда холодны. А дерево – наше замечательное, вечное дерево обрабатывается теперь под давлением с применением некоторых растворов и, оставаясь таким же теплым и «дышащим» – через его поры проходит воздух, – становится как бы вечным. Это, пожалуй, единственное, что привозят на стройку со старых и поныне действующих домостроительных комбинатов. Все остальное делает сама машина.

Кран прекратил свою работу и, сиротливо нахохлившись, повис над огромной машиной. В ней что-то неуловимо дрогнуло, заструились какие-то проволоки, зазмеились хоботы-шланги – большие, средние, маленькие и совсем тоненькие. Они перепутались, переплелись и образовали странный и причудливый разноцветный чертеж-каркас будущих квартир.

Потом машина выдвинула вперед щиты – разноцветные и слегка вздрагивающие – и стала окружать ими чертеж-каркас. На какое-то мгновение, а может, на секунду все это размеренное, неторопливое движение приостановилось и машина замерла, словно любуясь сделанным.

– Сколько ж там людей сидит? – восхищенно спросил Вася. – Это же так все точно, так слаженно! Вот это квалификация!

– В машине сидит только один человек, – сказал загорелый мужчина. – А все остальное делает сама машина.

– Но как же он успевает... за всем смотреть?

– Так в этой машине есть еще одна машина – вычислительная. Электронно-вычислительная машина – ЭВМ. Оператор вставил в нее чертеж-задание, машина рассчитала, какие шланги куда нужно подать, какие окна, двери и полы нужно достать и где установить. Когда оператор убедился, что все должно произойти так, как и спроектировано, он дал команду машине работать. Вернее, еще не дал... Он, вероятно, сейчас сравнивает по чертежу, как машина выполнила задание. Ну, точно. Вот сейчас начнется.

И в самом деле – все началось. Домостроительная машина пискнула почти по-синичьи, над ней взвилась струйка не то пара, не то сжатого воздуха, что-то забурчало и заклокотало. Что происходило в ее недрах, что случалось между разноцветными щитами, не видел никто. Но время от времени какой-то цветной шланг выскакивал из щитов и исчезал в недрах машины. Другой в это же время начинал странно раздуваться и даже извиваться. Над срезами щитов струились потоки раскаленного воздуха, иногда взлетали искорки и гасли в странно-теплом, все время как бы струящемся, воздухе.

Над всем этим кружились скворцы и покрикивали не то испуганно, не то, наоборот, требовательно.

– Вот сейчас происходит заключительная операция производственного цикла, – сказал загорелый человек, – машина подала в щиты раскаленную массу. Но для дома она должна быть более легкой, чем для дороги. Поэтому в массу вдувается перегретый воздух. Он перемешивает массу, а масса, застывая, схватывает его. Получаются пористые стены. Они легкие и очень теплые. В стенах шланги проделали необходимые каналы и отверстия. По одним потом пойдут потоки горячего воздуха для отопления, по другим – протянутся всякие провода и энергопровода, по третьим – канализация, по четвертым – свежий воздух и так далее. Никаких батарей и труб, никаких проводок! Все – в стенах и потолках. Ну и, само собой, шланги сформируют из застывающей массы и шкафчики, и ванны, и раковины для умывальников и посудомоек и все, что нужно.

– Это что ж выходит – в квартире сразу можно будет и жить?

– Вообще-то можно... Это раньше после того, как сделают стены и потолки, словом, коробку, над ними работали еще и отделочники, паркетчики, маляры и многие другие рабочие. Сейчас можно и обойтись, но... Но ведь у каждого человека свои вкусы. А наша домостроительная машина готовит только стандартные квартиры. Впрочем, я тут не прав... Начну издалека. Вот, например, ты приехал в наш городок с семьей. Кто у тебя? Отец? Мать? Сестры с братьями?

Вася растерянно поморгал, невольно отвернулся – разве он мог ответить на этот простейший вопрос? И загорелый человек не стал настаивать на ответе.

– Ну, допустим, вас четверо. Вот папа с мамой посоветовались и хоть и с трудом – это всегда бывает не так легко, как кажется нам, строителям, и вам, детям, – решили, какую квартиру им нужно. Тогда они идут к нам, в строительное управление и говорят – вот что нам нужно. Если такие квартиры есть уже свободные – вам просто предоставляют такую квартиру. А если нет? Тогда квартира заказывается. Наши архитекторы из этих заказов компануют дом. А так как заказы бывают разные, мы строим, как правило, по блокам – вот такой блок и построен на твоих глазах. Ну вот, пришли твои родители и говорят: все так, как мы и просили, но только вы нам сделайте еще вот что... И – начинается... Одним нужны обои. Другие считают, что обои – это старье, им подавай деревянную отделку стен. Третьи мечтают сделать росписи на стандартных стенах, а четвертые хотят, чтобы стены и потолки у них мерцали разными красками и так далее и тому подобное. Потом начинается: холодильник нужен вот такой, а телевизоры следует расставить так, а там еще какую-нибудь домашнюю машину вот этак. Вот тогда-то приходят отделочники – художники, монтеры, столяры – кто нужен для выполнения заказа. Они это делают, а машина выполняет свою работу – строит по заказанным чертежам квартиры. Бывает, что делать ей нечего – на квартиры нет заказов. Тогда она строит что-нибудь иное – фермы, например, склады, заводы или фабрики. Но бывает, что ее переводят на дорожный режим, и она строит дороги.

– Дяденька, вот вы все так хорошо знаете, вы, наверное, тоже оператор? – спросил Женька.

– Я? Нет. Я прораб-архитектор. Сам собираю заказы, сам компаную дом, правда, с помощью вычислительно-чертежных машин, и я же сдаю чертежи оператору и слежу, как то, что придумано, получается в натуре. Если что-либо не так – переделываем.

– Так это же трудно – ломать?

– Почему трудно? Кран подхватит часть стены или даже весь этаж и сунет машине в котел, она переплавит и пустит в дело. Вот и все. Я же слежу за отделочниками.

– Так что же выходит: дом строят два человека – вы и оператор? – удивился Вася.

– В общем, да... не считая отделочников и операторов на бывших домостроительных предприятиях и шоферов, которые доставляют полуфабрикаты. А в среднем... человек пять.

– А долго вам строить дом? – осведомился Женька.

– Смотря какой. Вот такой, пятиэтажный, с подвалами-гаражами... неделю. Да отделывать неделю. Вот и все.

Женька хотел задать еще один вопрос, но вдруг съезжился, схватил Васю за рукав и торопливо стал благодарить прораба. Тот несколько удивился такой поспешности, но задерживать ребят не стал.

А Женька прошептал:

– Ленка нас ищет. Бежим!

Но убежать им не удалось. Лена подошла к ним и сейчас же напала на Женьку, но тот стал оправдываться давно известным способом:

– А я что? Я – ничего...

– Сбежали из дому без спросу, ребятки? – улыбаясь, спросил прораб. – А мне говорили, что вот он, дескать, приехал издалека и никогда не видел атомной домостроительной машины.

– Ой, нет, нет! Это правда, правда! – торопливо вмешалась Лена. – Он действительно никогда не видел. Просто у нас обед остывает...

– А-а, ну тогда все в порядке. Спешите скорей домой.

Он усмехнулся и пожал ребятам руки. Вася тоже невесело усмехнулся. Женьке это не понравилось, и он ехидно спросил:

– Опять зуб болит?

– Женька! – крикнула Лена и топнула ногой. – Перестань сейчас же!

– А чего он киснет? Нашел мамонта, и ему все мало!

– Ты понимаешь, что он беспокоится о родителях! – яростно зашептала Лена брату на ухо. – Какой ты бесчувственный...

– А чего о них беспокоиться? – искренне удивился Женька. – Не маленькие – не пропадут. Лена грозно сверкнула глазами, но промолчала.

Глава пятнадцатая

МЕХАНИЗИРОВАННАЯ УЧЕБА

Возвращение с «экскурсии по знакомым местам» было не очень веселым. Вася угрюмо шагал по улицам, стараясь не замечать взглядов прохожих и не смотреть на дома. Он уже знал судьбу своего дома, и ему было очень грустно. Правда, старых домов в городе осталось еще немало. Они честно несли свою службу, только стали более опрятными – выбеленными, с покрашенными крышами. Дом, в котором жили Масловы, был не то чтобы стар, но уж, во всяком случае, не нов. Вместо литых стен – кирпичные, но крыша была покрашена полупроводниковой краской. Значит, она тоже вырабатывала электроэнергию.

Пока мать и бабушка ругали Женьку за его легкомысленное поведение, Вася вынужден был молчать: он прекрасно понимал, что виноват не Женька и что все упреки касаются прежде всего его самого. Но, очевидно, Васю как гостя пока еще щадили.

Когда кончилась первая часть второго Васиного вступления на территорию масловской семьи и выяснилось, что Женька ни в чем не виноват, что он только помог Васе найти свою улицу и что, если бы он знал, что уходить нельзя, он ни за что бы не ушел без спросу, потому что это же всякий понимает – вначале нужно было пообедать, – после всех этих сложных переговоров Женькина мать тревожно покачала головой и сказала:

– Я понимаю, Вася, что тебе не терпелось повидать родных, но ты должен был спросить о них у меня.

Конечно, Женькина мать думала, что она права, как думают об этом все матери. Но она не учитывала, что Вася уже требовал ответа от бывшего соученика, а ныне бабушки и не получил его. Откуда Вася знал, что о его родных может знать кто-то другой? Но опыт прошлого подсказывал, что в споры с незнакомыми старшими лучше не вступать – в конечном счете окажется, что они всегда обязательно правы. Поэтому Вася тактично промолчал, а Женькина мать сказала:

– Если бы ты спросил у меня о них, я бы тебе ответила, что они...

Вася даже чуть подался вперед, не сводя глаз с Женькиной матери. Вся его тоненькая фигурка вытянулась, и на белом, чистом лбу обозначились морщинки, а на носу мелкими бисеринками выступил пот. Он ждал продолжения, он ждал слов и в то же время боялся их – ведь от них зависело очень многое. Почти всё...

– Я бы сказала тебе, мой мальчик, что они живы и здоровы, – мягко улыбаясь, проговорила Женькина мама.

– А где же они? – хрипло спросил Вася и вдруг почувствовал, что он очень устал.

– Они сейчас в Средней Азии, на Памире. Видишь ли, Вася, когда с тобой случилось несчастье, твоей маме было очень тяжело здесь жить, и тогда она попросила отца переехать. Вот почему они живут теперь все время там. Но ты не беспокойся: мы с Евгением Алексеевичем уже дали знать в Москву нашим общим знакомым, а они свяжутся с твоими родителями. И тогда они приедут за тобой. Так что ты не волнуйся. Хорошо?

Нет, конечно, он не волновался. Он был в том блаженном, расслабленном состоянии, когда все вокруг кажется необычайно милым и приятным. В этом состоянии можно, улыбаясь, пить касторку, решать незадаанные задачи или зубрить ненужное правило, можно быть абсолютно послушным и совершенно приятным человеком. Вася улыбался и почему-то твердил:

– Спасибо... Вот спасибо!

Большей радости он не испытывал еще ни разу в жизни.

Но, странно, чем глубже и понятней становилась эта радость, тем быстрее она уходила куда-то вглубь, в самое сердце, и уже спокойно думалось о том, что раз родители живы и здоровы, значит, все в порядке, значит, можно заняться теперь другими делами.

С этих минут все окружающее стало по-настоящему интересоваться Васю. Жизнь не остановилась. Жизнь идет, и он должен занять в ней свое место. А это место прежде всего в школе. Он теперь ясно представлял себе все трудности, которые придется ему преодолевать. Учиться, наверно, он будет в старой школе, но уж, во всяком случае, с новыми учениками. Атак как он и раньше переезжал не раз, то представил, как важно сразу же, с первых дней, завоевать настоящий авторитет среди новых товарищей. Ну, на первых порах пригодится мамонт. Он, конечно, сыграет свою роль. Но этого мало. Надо еще и учиться! А вот чему теперь учат? Ведь как-никак, а пятьдесят лет прошло, целых полвека. Не мудрено порастерять кое-какие знания.

Вот почему, когда Вася пришел в себя и утихомирил свою радость, он заговорил с Леной о школьных делах.

Выяснилось, что в пятых классах проходят сейчас почти то же самое, что в Васино время – в шестых. Это заставило его насторожиться. Лена поняла это по-своему, хитро улыбнулась и очень серьезно предложила:

– Тебе обязательно нужно проверить свои знания. Ведь если ты забыл все на свете, тебя же могут перевести в четвертый класс, а то еще возьмут и посадят в третий.

Лена говорила без тени улыбки, и Вася так поверил ей, что даже покосился на несерьезного Женьку: неужели и в самом деле могут посадить рядом с такой мелюзгой? Вот будет позорище!

– Мне кажется, что тебе нужно сделать это немедленно, – продолжала Лена, и глаза у нее хитро поблескивали. – Знаешь, чтобы не волноваться. Верно? Пойдем ко мне в комнату.

Комнатка Лены оказалась маленькой и очень уютной. Кровать, столик для занятий, над ним – полочка для книг со стеклянными дверцами, стенные шкафчики для одежды, стулья, несколько картин...

На столе, слева от чернильницы, поблескивая никелем и пластмассой, стоял какой-то странный прибор, а рядом с ним – крошечная портативная пишущая машинка. Под полочкой для книг – матовый экран телевизора.

Лена усадила Васю за стол, достала новую тетрадь в клеточку:

– Давай проверим твои знания по арифметике, а потом уж по математике. – Она тоже села за стол и придвинула к себе странный прибор. – Ну-с, вначале – умножение. Помножь 3475 на 9821.

Вася склонился над тетрадью. Лена щелкнула выключателем, и на приборе загорелся розоватый экранчик. Потом она нажала на кнопки, на которых были написаны числа 3, 4, 7, 5 и затем 9, 8, 2, 1; через секунду на экранчике вспыхнуло слегка пульсирующее розовато-зеленое число: 34127975. Вася ничего этого не видел. Он честно писал, считал и наконец сказал с некоторым торжеством:

– 34127975!

– Правильно, – спокойно сказала Лена. – Теперь проверим деление.

Вася решил все примеры, но, прежде чем он произносил результат, на розоватом экранчике прибора перед Леной уже светилась нужная цифра. Потом они перешли к относительным числам, потом попробовали алгебру, и Лена бесстрастно произносила:

– Правильно. Неправильно.

Вася наконец не выдержал:

– А откуда ты знаешь, что правильно, а что неправильно?

– А у меня есть проверяльщик, – ответила Лена и показала глазами на прибор.

На его кнопках были написаны цифры и десяток латинских букв; в стороне рядом стояли знаки, обозначающие арифметические, алгебраические и тригонометрические действия и значения.

– На этом приборе можно решить любую задачу в несколько секунд – успевай только на кнопки нажимать. Понятно?

– Ну-у, – разочарованно и обиженно протянул Вася, – так вам, конечно, в школе и делать нечего – только на кнопки нажимай! За вас же машины думают.

– Да... как бы не так! Они только ответ дают. А решать-то все равно самим приходится, чтобы в тетрадах был виден весь ход решения. Видишь ли, в наших задачниках есть только примеры и задачи. А ответов на них нет. Как же мы делаем? Решаем задачу обычным путем, а потом проверяем ответ. А учителю сдаем письменную работу.

Теперь Вася разочаровался снова, но уже совсем по другому поводу.

– Ну, это неинтересно... – протянул он. – Зачем тогда нужны такие машины? Лучше ответы в задачниках печатать.

– Ой, Вася, какой ты странный! Но нам-то ведь нужно учиться работать на вычислительных машинах? Сейчас без них везде как без рук. И в школе у нас такие же машины, только больше размером. А в институтах – так там уж совсем сложные.

– Что ж выходит? Попадете вы в поле или в тайгу и без машины не сможете решить ни одной задачки, ни одного примера? Обязательно подавай вам машину? – почему-то начиная сердиться, спросил Вася.

Лена покосилась на него, вздохнула и постаралась ответить как можно мягче:

– Вот как раз поэтому мы и учимся всякую задачу и пример решать обычным путем. Как будто в поле, в тайге, – добавила Лена и слегка улыбнулась. – И только ответы проверяем на машине. Зато, когда мы будем работать на заводах или в совхозах, мы уже будем уметь пользоваться этими умными машинами. Они ведь очень экономят время. И потом, на них можно решать такие задачи, которые самому и за год не решить.

– Знаю, – недовольно ответил Вася. – Читал.

Конечно, Лена была права. Но Васе очень не хотелось попадать в четвертый, а тем более в третий класс только потому, что в школу наконец пришла техника. Разве он виноват в том, что в его время техники побаивались? И, сердясь на свою неудачную судьбу, он спросил:

– Ну, а какие еще машины вы изучаете?

– Мы учимся работать на пишущей машинке. Видишь, и у меня и у Женьки есть свои портативки. Но все равно тетради мы ведем от руки, уроки записываем тоже от руки. А когда нужно, учитель диктует, и мы печатаем на машинке.

– Так... – протянул Вася и иронически присвистнул. – Ну, а телевизоры у вас зачем? Чтобы не скучно заниматься было?

– Что ты! Это учебный телевизор. А для развлечения у нас в столовой стоит.

Нет, это уж слишком! Телевизор и тот приспособлен к школьным занятиям! Такой веселый и интересный аппарат – и вдруг уроки?

Но Лене уже надоело Васино недоверие. Она сказала:

– Послушай, но это, честное слово, нехорошо – ничему ты не веришь!.. А ты знаешь, что у нас, кроме школьных, есть еще и телеуроки.

– Это еще что такое? – удивился Вася.

Лена щелкнула ручкой в стене, и экранчик под полочкой засветился. Вскоре вырисовались цветные картины далекой Антарктики – зеленовато-белые величественные айсберги, фонтаны китов, колонии пингвинов в белых манишках. Потом открылась необозримая горная страна, покрытая слоем льда и снега.

– Это повторный дополнительный урок для шестых классов, – сказала Лена. – Вот на таких учебных телевизорах дают нам уроки. Ты не понимаешь? Ну, видишь ли... программа во всех школах одна и та же. И вот определенные станции передают пособия для уроков. На одной волне – для одних классов, на другой – для других. Я вот смотрю программу для пятого класса. Вот мы, например, изучаем по истории техники доменный процесс. Передача покажет и старые домницы, и более поздние, еще сохранившиеся сейчас домны, и заводы, на которых добывается

металл без помощи домен. Так зубришь, зубришь – ничего все равно толком не поймешь. А посмотришь передачу, книжку прочтешь – и все в порядке: сразу на пятерку отвечаешь.

Лена увлеклась. Она достала с полочки катушку с тонкой ленточкой, открыла ящик в столе, вставила катушку в какой-то приборчик и переключила ручку на стене. Экранчик засветился сильнее. На нем вырисовался класс, доска, учитель возле нее. Вот он обернулся, и начался самый настоящий урок по русскому языку.

– Это повторные уроки. Понимаешь? Если ты отстаешь по какому-нибудь предмету, берешь в школьной картотеке повторный урок и вкладываешь пленку, на которой он записан, в проигрыватель. Он соединен с телевизором, и тогда слушаешь и смотришь урок, пишешь диктант, решаешь задачи и все что хочешь.

– Да, – восхищенно протянул Вася, – с такой техникой можно учиться не то что на пятерки, а даже на десятки!

Лена не поняла шутки, и Вася это заметил. Но как ни великолепна была техника, пришедшая на помощь школьнику, он все-таки считал, что теряться ему перед ней не приходится. И поэтому он заговорил с Леной несколько снисходительно: все-таки что бы там ни говорили, а она девчонка и слишком уж расхвасталась. Нужно поумерить ее пыл.

– Вот вам теперь все машины помогают, – сказал он и покровительственно усмехнулся, – а ты бы поучилась в наше время, тогда бы знала, как пятерки достаются!

– Подумаешь – «в наше время». Конечно, теоретически теперь стало легче учиться. Так ведь теперь теория – это еще не все. Если ты не умеешь все делать на практике, все равно пятерки не получишь.

– Так-таки и всё? – также покровительственно улыбаясь, спросил Вася. – Всё-всё?

– Ты не веришь? – рассердилась вдруг Лена. – А знаешь, что в седьмом классе у нас будет экзамен по вождению трактора и комбайна? Ты знаешь, что всю пахоту проводят школьники и студенты? А об уборке и говорить нечего!

– Не знаю, но думаю, что ты уж слишком загибаешь – никто ведь этого не разрешит.

– «Не разрешит»! Почему не разрешить? Ты знаешь, что пшеницу теперь сеют сразу на три-четыре года. Один раз вспашут, посеют, а потом три или четыре года подряд урожаи снимают.

– Ну, этого я не видел, но такую пшеницу выводили.

– «Выводили»!.. – насмешливо протянула Лена. – Если ты хочешь знать, она теперь по всему земному шару растет. И тракторы теперь тоже – будь уверен! – всё автоматически делают: поставишь плуг на нужную глубину, визир установишь и включаешь ток... А там сиди и следи только, чтобы все в порядке было. Даже скучно... Учитель и инструктора все время на мотоциклах разъезжают и проверяют.

Вася смотрел на Лену и начинал ей верить – так горячо она говорила, так ярко горели ее темные глаза, что не верить ей было невозможно...

– А убирают урожай как?

– А так же... Приезжаем в совхоз на производственную практику, нам дают комбайны. Опять установишь визир, включишь мотор – и пошел. Вот тут дело сложное: нужно следить за бункером, за высотой среза. А на полегших хлебах обязательно инструктор рядом.

– Видишь! А говоришь – всё ребята: и пашут и убирают.

– Ну, конечно, не всё, – немного поостыла Лена, – но все-таки большинство работ мы делаем. В программе так и записано: две недели производственной практики в поле. Вот и работаем. Ох, как хорошо в поле!.. Я, наверно, агрономом стану.

– Две недели, – задумчиво сказал Вася. – За год этого мало...

– Ты, честное слово, странный! Конечно, и взрослые работают, ну и мы помогаем.

– Видишь! То всё делаем, то – помогаем.

– Конечно, всё!.. Что нам скажут, то всё и делаем. И потом, визир контролирует! Тут и младенец все сделает.

– Что это еще за визир?

– А такой прибор... Ну, вот дедушка тебе рассказывал, что на автомашинах установлены такие приборы, что не позволяют ей съехать с шоссе. А на тракторе, на комбайне, сеялке и других машинах установлены такие приборы, которые не позволяют им свернуть с прямой линии. Как наведешь визирный прибор на какой-нибудь предмет, так хоть бейся не бейся, а трактор ровнехонько пойдет на этот предмет.

– Скажешь, вы и на заводе работаете? – недоверчиво спросил Вася.

– Ясно! У нас три недели производственной практики на заводе. У станков стоим. Управляем ими. Потом на животноводческих фермах бываем, тоже работаем! Если ты в теории силен, а на практике ничего сделать не можешь, все равно пятерку не получишь, в институт не примут.

– А... а в школе мастерские есть? – срывающимся голосом спросил Вася, мгновенно вспомнив свою школу, товарищей и все, что с ним произошло.

– Конечно, есть! Там и учатся вначале, а потом на фабриках, рудниках, заводах... В восьмом классе сдают вождение автомашины, а в девятом уж выбирают основную профессию...

– Лена! – крикнул дедушка. – Мама беспокоится: куда ты нашего гостя дела?

– Сейчас, сейчас! – откликнулась Лена и потащила за собой Васю. – Пойдем обедать. А вообще, когда я читаю старые книги про школу, так мне кажется, что у нас лучше.

Вася уже не слушал Лену. Он опять задумался над своей судьбой. Теперь она вырисовывалась не такой уж мрачной. Техники он не боится. И еще он подумал про Лену, что она толковая девочка, толковее многих мальчишек. Ничего не боится. Технику любит. Все понимает. Это здорово...

Но в следующую секунду Вася спохватился, что думать о ней слишком долго было бы не совсем серьезно. Ведь он все-таки мужчина. С какой стати думать о девчонке! И чтобы заставить себя не думать о ней, хоть ему все время думалось, он тихонько вздохнул и сурово нахмурил свои выгоревшие, редкие брови: ему казалось, что, когда хмуришься, сила воли прибавляется. А сейчас ему прежде всего нужна сила воли. Без нее не справишься с трудностями в каком угодно году и в какой угодно обстановке.

Глава шестнадцатая БИОМЕХАНИКА

Сила воли помогла Васе Голубеву в первые же минуты обеда.

В столовой собралось все семейство Масловых: дедушка, жена его сына Валентина Петровна, Лена и Женька. Их отца – техника автобазы Александра Евгеньевича – дома не было: он уехал в командировку. Взрослые спокойно, даже равнодушно показали Васе свободный стул. Вася вспомнил, что мама учила его никогда не садиться до тех пор, пока не сядут взрослые. Вася так и сделал. Он скромно стоял, слегка нахмутив брови, у своего стула и старался ни на кого не смотреть. Лена и Женька, конечно, немедленно уселись на свои места и потянулись к тарелкам с салатом и селедкой. Валентина Петровна немедленно отметила это.

– Лена! Женька! – сказала она укоризненно. – Ну когда вы научитесь вежливости? Дедушка еще не сел за стол, а вы уже за салат. Нужно быть более сдержанными. Вот поучитесь у Васи.

Да, как это ни удивительно, хоть и через пятьдесят лет, но Васино поведение все-таки было поставлено в пример. Вот что значит сила воли!

Взрослые сели, и тогда уселся и Вася, сжав ладони коленками. Валентина Петровна спросила:

– Ты салат любишь? А селедки тебе положить?

Честно говоря, Вася, конечно, хотел и селедку, и салат. Да что там салат! Хоть бы до хлеба добраться... Но он понимал, что находится в гостях. А мама не раз учила его, что в гостях не следует набрасываться на еду, и поэтому он промышлял что-то такое, что можно было понять и как «Да, пожалуйста», и в то же время как «Нет, благодарю вас».

Валентина Петровна сразу же поняла Васю и взяла его тарелку. Женька ехидно и в то же время как будто бы невинно сказал:

– Мама, он же не будет есть морского салата.

– Почему? – удивилась Валентина Петровна. – У него же очень своеобразный вкус.

– У салата, конечно? – спросил Женька.

– Да, разумеется. Ведь я еще не знаю Васиных вкусов.

– Ну вот видишь! А предлагаешь морской салат... Ты знаешь, что это такое? – наклонился Женька к Васе. – Это всякая морская трава: водоросли, морская капуста, морские огурцы, морские помидоры – их недавно вывели. И всякое такое... С непривычки никак не лезет.

– Не говори глупостей! Это очень вкусное и полезное блюдо.

– Ну, смотри сама, мама, – скромно потупил глаза Женька. – Морской салат нравится не всем...

Валентина Петровна пожала плечами и, постучав ложкой по тарелке, спросила у Васи:

– Ну как? Положить или не нужно?

Вася растерялся. Салат, конечно, всегда был вещью вкусной. Но морской? Из водорослей? Он никогда не слышал, чтобы водоросли ели, да еще какие-то там морские огурцы и помидоры. Но раз едят все...

Впрочем, дедушка не положил себе салата. Он привык к старой пище и морские салаты, видно, недолюбливает. Значит, и Васе стоило бы вначале присмотреться, а то съешь какой-нибудь ерунды, а потом хорошего, знакомого не захочется.

– Так положить или нет? – опять спросила Валентина Петровна.

Дедушка хитро шурился. Лена молчала. Женька беззаботно ковырялся в тарелке. Надо было решать самому. Сила воли еще не оставила Васю. Он взял себя в руки и решил сманеврировать:

– Скажите, а это действительно морской салат?

– Ну конечно! Различные съедобные морские водоросли очень полезны.

Это был опасный ответ. Многолетний опыт подсказывал Васе, что, как только взрослые начинают говорить о полезности какого-нибудь блюда – оно наверняка невкусное, а порой даже противное.

– Да, – твердо, но все-таки ощущая, как ёкнуло сердце, сказал Вася. – Положите мне немного... – Он подумал и добавил: – Пожалуйста.

Дедушка удивленно посмотрел на Васю, слегка крякнул и покачал головой. Лена едва заметно улыбнулась – поощрительно и ласково. Женька сделал вид, что Васино решение его не касается.

Морской салат на первых порах показался Васе странным – от него чуть-чуть пахло йодистым простором южных морей. Он был слегка кисловат, чуть-чуть сладковат, немножечко отдавал перцем и еще чем-то таким необычным, что Вася даже жевать перестал.

Это немедленно заметили сидящие за столом. Дедушка хитро улыбнулся. Женька довольно ухмыльнулся. Лена тревожно нахмурилась.

Но прежде чем окончательно разобраться, чем все-таки пахнет салат из морских водорослей и овощей, Вася решил: салат просто вкусный. Он молча доел свою порцию и, уже понимая, что старания Женьки его подкузывать не удалось, решил отомстить ему. Он поднял свою тарелку и обратился к Валентине Петровне:

– Будьте добры, положите мне еще немного морского салата. Он, оказывается, не только полезный, но и вкусный.

– Ну что! – торжествуя воскликнула Лена и толкнула Женьку. – Съел? Вечно всем настроение портишь!

Если не считать этого происшествия, то обед в семействе Масловых проходил спокойно. На первое были отличные щи из свежей капусты, а на второе – оленье мясо по-турецки: с перцем, с черносливом и прочими вкусными приправами. Но когда наконец на столе появилось третье – фрукты, – Вася удивился. Какие тут были плоды! И желтоватые изогнутые бананы, о которых Женька сейчас же сказал, что они мыльные, и огромные, как хорошая слива, вишни нового сорта «Полярная», и великолепные сливы, груши и яблоки, окружавшие огромный, покрытый коричневыми чешуйками ананас, и еще какие-то необыкновенные, не виданные Васей фрукты. Как ни странно, но больше всех обрадовался вкусным плодам дедушка. Он довольно потирал руки, шутился и наконец сказал:

– Это ты все ел, наверно, а вот мангуса ты еще не пробовал. – Он протянул Васе круглый, чуть побольше яблока, зеленовато-розовый плод. – Только кожуру очисти.

Вася с некоторой опаской взял невиданный фрукт.

Кто его знает, этого дедушку: морской салат ему не нравится, но ведь он вкусный. А может быть, этот самый мангус какая-нибудь кислятина...

Но мангус оказался очень вкусным – нежным, сладким и в то же время с приятной кислоткой. Он так и таял во рту, освежая его, словно там вырос целый цветник, – таким он был душистым.

– Во-от, брат! Нравится? Это у нас в оранжерее не сплосшали и вывели новый сорт – мангус «Арктический». А ведь раньше он рос только в тропических странах и был настолько нежным, что его даже перевозить было трудно: портился. А мы вот сумели вывести свой сорт.

Дедушка говорил с такой гордостью, что Вася не мог не спросить у него:

– В какой это вашей оранжерее?

– Ну, в нашей, где я работаю.

– Так ты... – изумился Вася и поэтому слегка ошибся. – Так вы работаете садовником?

– Да нет... Видишь ли... ну, когда тебя перевели в новую школу, кружок «Умелые руки» почти совсем заглох. Но зато у нас появилась такая учительница биологии, что мы все сразу

записались в юннаты. Вот, брат, понимаешь, биология так захватила, что в результате я и работаю теперь механиком по искусственному климату в нашей оранжерее.

– Что же вы там делаете?

– Как – что? Создаю искусственный климат. Теплый или холодный, тропический или умеренный. Полярный день или экваториальную ночь – все, что хочешь. Потом, конечно, магнитное воспитание растений – это тоже на моей ответственности. Вообще очень интересно. Тут тебе и физика, и химия, и механика, а все вместе – биология. Меня так и называют: биомеханик. Вот для мангусов я климат разрабатывал. И теперь видишь – весь район снабжаем. А бананы или ананасы – так это для нас просто чепуха. Высадили их из оранжереи в грунт, создали вокруг посадок микроклимат, поливаем их особыми растворами – ростоувеличителями, облучаем всякими лучами, и растут они лучше, чем в Мексике. Понимаешь, недавно мы новый сорт вывели – так за саженцами из Канады прилетали! Вот, брат, что такое биомеханика!

– Папа, – сказала Валентина Петровна, – но ведь дело не только в механике.

– Знаешь, Валя, я не люблю возражений. Никакая современная биология без механики быть не может.

– Ну хорошо, хорошо. С тобой спорить нельзя... Но тебе, Вася, я скажу, что дело, конечно, не только в механике.

– Нет, в ней! – упрямылся дедушка. – Вот пойдем в оранжерею – сам увидишь.

Вася не стал спорить.

Впервые ему показалось, что бывший Женька Маслов, а ныне биомеханик, прав.

Все-таки выращивать ананасы или вот эти мангусы на вечной мерзлоте – дело не легкое. Главное в этом деле, наверно, не биология, а механика. Впрочем, об этом стоит подумать...

Начиная думать, Вася взял огромную вишню и, забыв, что в ней, в отличие от мангуса, есть косточка, стал ее жевать и сейчас же вскрикнул: вишневая косточка попала на больной зуб. Он невероятно заныл. Из глаз сами выскочили две слезинки. Женька немедленно вмешался:

– Что, опять зуб?

Вася вынужден был смолчать. Он сморщился и схватился рукой за щеку. Валентина Петровна и дедушка переглянулись.

– Знаешь что, Вася, все равно тебе нужно обязательно показаться врачам. Они, по-моему, уже поджидают тебя. Так что поедem в поликлинику и сразу же решим, что делать с твоим больным зубом.

Что ни говорите, а хождение к врачам во все времена и у всех народов не считалось самым долгожданным удовольствием. А тем более – к зубным врачам. В другое время и в другой обстановке Вася, конечно, отказался бы от этой прогулки. Пусть лучше болит этот чертов зуб – поболит, поболит и перестанет. Но зато его не будет лечить врач, который, когда боль станет такой, что хоть на потолок прыгай, не преминет сказать: «Ну вот, молодец! Настоящий мужчина. Еще немного – и конец».

Но вся беда в том, что Вася был не в той привычной далекой обстановке, а в этой новой и еще не совсем разгаданной. Кроме того, рядом сидела сочувствующая Лена и ехидно-торжествующий Женька. В этих условиях нужно было сразу же показать всем, что ты настоящий мужчина, что ты не боишься ничего на свете. Даже зубного врача.

Обо всем этом Вася, конечно, ничего не сказал, но при мысли о зубном враче его светлые и безгрешные глаза несколько затуманились. И дедушка, кажется, понял его грусть:

– Ничего не поделаешь, брат. Нужно – значит, нужно. Тут Вася окончательно понял, что зубного врача ему не избежать, но выхода у него не было...

Глава семнадцатая

НОВАЯ РОЛЬ СТАРОГО ЗНАКОМОГО

Поликлиника как поликлиника – стены белые, блестящие. Чистота, сложные запахи лекарств, озабоченные и неприступные на вид врачи, сестры и прочие медицинские работники. И кабинет зубных болезней, куда вначале попал Вася Голубев, наивно полагая, что на этом и окончится его посещение поликлиники, был тоже обычным и несколько скучным: блестящие шкафы из никеля и стекла, тяжелые кресла, сложные машины с опасно длинными, гибкими шлангами. Зубной врач сейчас же воспользовался одним шлангом, и Вася, уже по опыту зная, к чему приводит знакомство с ним, вцепился в поручни кресла и мысленно решил:

«Будь что будет, а я не крикну».

Но решительности хватило ненадолго. Чернявый толстенький врач поковырялся в зубе и, обращаясь к дедушке, сказал:

– Зуб у него, конечно, неважный, но, думается, удалять его не следует. Эмаль в основном цела, так что лучше запломбировать. Как вы думаете?

Дедушка кашлянул и не совсем решительно ответил:

– Да, конечно... Хотя, знаете, на эмаль надейся...

– Ничего, – успокоил врач, – мы ее укрепим... Ну-с, молодой человек, – обратился врач к Васе, – сейчас мы приступим к операции. Постарайтесь думать о чем-нибудь приятном. Например, о пломбировке.

С этой минуты Васина решительность исчезла. Если уж врач рекомендует думать о приятном, значит, впереди только неприятное. Вася хотел было сказать, что лучше вырвать зуб, чем пломбировать его, потому что во все времена не было неприятней минут, чем те, когда вам сверлят зубы. Но Вася не успел сделать этого: врач уже засунул ему в рот новый шланг. Внутри зуба что-то мелко-мелко затрепетало. Этот странный трепет распространялся все глубже, но он не вызывал ни боли, ни даже неприятного ощущения, а, наоборот, как будто успокаивал. Но Вася стойко не поддавался успокоению и ждал момента, когда сверло поглубже врежется в зуб и с противным скрежетом доберется до нерва. Тогда придется подскочить, замахать руками и ногами и, конечно, замычать.

Но время шло, врач то и дело менял шланги, потом стал что-то делать с зубом с помощью иглолок, лопаток и еще каких-то инструментов. Уже давно ныли скулы, уже много раз приходила и уходила решительность, а боли все не было. Даже мелкий трепет исчез давным-давно. Вася все ждал неприятности, но врач неожиданно сказал:

– Ну-с, вот и все, молодой человек. Ввиду того, что вы так долго думали о пломбировке, запрещаю вам употреблять его целых два часа. Выдержите?

Еще не вполне веря своей удаче, Вася кивнул головой, но все-таки спросил:

– И это все? Уже запломбировали?

– Да, разумеется. Вы, конечно, ждали худшего?

Вася чистосердечно признался, что он ждал много худшего. Врач рассмеялся:

– Ах, молодой человек, молодой человек! Вы же почти взрослый, а живете все еще старыми представлениями... Вот к чему приводит несовершенство школьной программы! – обратился он к дедушке. – Ребята боятся зубных врачей, не ходят к ним вовремя и портят из-за этого зубы. А почему? Потому, что в школе уважаемые преподаватели физики не растолковывают им практического применения ультразвука... Вы понимаете, молодой человек, что мы теперь действуем с помощью ультразвука. Он не только сверлит пульпу зуба лучше, чем любое сверло, но он одновременно и совершенно безболезненно убивает больной нерв. Происходит, так сказать, автоматическое обезбоживание. Я теперь представляю, как вы, ничего не зная о наших методах лечения, волновались! И, как видите, напрасно.

Прощаясь с зубным врачом, Вася не знал, чему удивляться: уже старому знакомому – ультразвуку, который ловит рыбу, лечит зубы и, вероятно, делает еще немало иных дел, или неожиданно хорошему настроению дедушки. Он улыбался, часто потирал руки, похлопывал Васю по плечу. Можно было подумать, что это ему вылечили больной зуб.

– Ну вот, теперь тебя осматривают другие врачи – и все будет в порядке.

– Какие еще врачи? – опешил Вася.

– Так, видишь ли... ты все-таки вроде бы как воскрес, и им, знаешь ли, очень интересно посмотреть на тебя. – Заметив нетерпеливый жест Васи, дедушка вдруг рассердился: – Ты не задавайся очень! Нужно уважать старших – им это для науки требуется. И вообще, если удалось тебе воскреснуть, так это не значит, что ты уже от врачей застрахован.

Спорить не приходилось – не потому, что Вася не мог не подчиниться дедушке: в конце концов он все-таки только Женька Маслов и с ним еще можно поспорить, – но дело касалось науки...

Вася вздохнул, искоса посмотрел на дедушку и согласился.

Глава восемнадцатая

УЧЕНЫЙ СОВЕТ

Они прошли по чистым коридорам и наконец попали в небольшой вал. От невысокой не то сцены, не то просто настила вверх полукругом уходили ряды полированных столиков. За ними уже сидели какие-то люди. Когда Вася и дедушка вошли в зал, люди эти примолкли и уставились на мальчика. Он слегка смутился, но, призвав на помощь всю свою выдержку, стал внимательно присматриваться к окружающему.

Над сценой-настилом висел экран. Возле него стояли какие-то странные машины, свешивались шланги и лампы. Окон в зале не было, а мягкий, приятный для зрения свет струился неизвестно откуда.

Васю медленно, но настойчиво окружал целый взвод седовласых, русых, лысых, черно-волосых, худых и полных людей в белых, голубых и синих халатах с шелковистым отливом и разноцветных шапочках. Эти странные шапочки придавали людям очень ученый, пожалуй, даже несколько устрашающий, но в то же время и легкомысленный вид. Тем более что все эти люди улыбались – смущенно, доверительно, уверенно и даже извиняюще.

Ближе всех к Васе оказался веселый человек в голубом халате и розовой шапочке. Полный, лысый, с пронзительными черными глазами, он первым протянул мальчику руку и представился:

– Меня зовут Андрей Петрович. А тебя – Вася? Очень хорошо!

И тут по очереди стали подходить другие люди и, судя по тому, что почти каждый из них к своему имени еще прибавлял и титул – «профессор», «академик», – Вася понял, что он попал в очень серьезную компанию очень серьезных ученых. Он вежливо, стараясь не побеспокоить, пожимал мягкие руки ученых и говорил: «Очень приятно». Но запомнить всех имен, конечно, не мог. Тем более, что некоторые из них имели какие-то заграничные имена и по-русски говорили с трудом.

Но задуматься над этой странностью он не успел, потому что в зал вошли высокие смуглые люди в легких развевающихся одеждах. Вася без труда отгадал, что это пришли индусы. Их сейчас же окружили другие врачи, и они стали оправдываться:

– Пришлось делать крюк. Над Тибетом сильные магнитные бури. Кроме того, мы залетали за бирманскими товарищами.

– Да, что-то в этом году слишком много всяких бурь! – покачал головой Андрей Петрович. – Наши австралийские и американские коллеги задержались... Ну, я думаю, что мы не будем откладывать конференции? Я думаю, что можно организовать для них телепередачу.

Самый молодой из всех присутствующих на конференции – высокий, белокурый, подчеркнуто аккуратный и чистенький врач, – как бы в знак одобрения наклонил голову. В то же время в его глазах мелькнула искорка превосходства, точно он знал нечто такое, чего не знал никто. И эта чистоплотность, и это сознание собственного превосходства показались Васе странно знакомыми. Уже наученный горьким опытом, он подумал было, что перед ним еще один из его выросших соучеников, но потом отбросил такие мысли, аккуратный врач был слишком молод для того, чтобы учиться с Васей.

Молодой врач едва заметно улыбнулся и ответил Андрею Петровичу:

– Хорошо. Я организую специальную связь. Я думаю, что следует организовать обоюдную?

– Да-да, конечно! – поспешно и как будто виновато сказал Андрей Петрович.

– Хорошо. Я организую обоюдную, – сказал молодой врач.

Он собрался было уйти, потом озабоченно посмотрел на Васю, подумал и улыбнулся.

– А вам, наш юный гость, придется заняться делом: заполнять анкеты.

– Зачем анкеты? – поморщился Андрей Петрович. – Все записывается на ленту и передается в запоминающее устройство ЭВМ.

– ЭВМ – само собой, анкеты само собой, – непреклонно произнес молодой врач. – Анкеты нужны для архива. Для истории. Все пройдет, а анкета останется. – Молодой врач обратился к Васе: – Вы... Вы умеете писать?

Ну, всего ожидал Вася, только не такого по меньшей мере странного вопроса. Неужели этот белокурый красавчик думает, что полвека назад жили только дикари, которые даже писать не умели? Вася хотел было возмутиться, но потом подумал: заполнять анкеты – дело не очень интересное. Может быть, это лучше сделают другие?.. Но врать он не стал, а только скромно потупился. Врач кивнул головой, и на его красивом, тщательно выбритом лице опять мелькнула улыбка превосходства.

– Ну ничего, – сказал он, – это дело поправимое. Я сейчас организую заполнение анкет.

Он ушел, и вскоре в зал вошла регистраторша в белом халате. Поджав тонкие губы, она так сердито посмотрела на ученых-докторов, точно они уже мешали ей работать. Она села за стол, подозвала Васю и громко, как учительница, которая спрашивает правило у неуспевающего ученика, окликнула Васю:

– Мальчик, как твоя фамилия? Имя? Отчество? Национальность? Место рождения?..

Вася Голубев терпеливо и довольно вежливо отвечал на эти привычные вопросы, и регистраторша, не глядя на него, строчила «вечной» ручкой по бумаге. Все шло как по маслу. Но вот регистраторша задала новый вопрос:

– Год твоего рождения?

Вася несколько помедлил, и она подсказала:

– Ну, возраст? Сколько тебе лет?

– Год моего рождения тысяча девятьсот пятьдесят седьмой. Мне... тринадцать лет... – голос у Васи чуть дрогнул.

Регистраторша сначала написала ответ, потом задумалась, недоверчиво покосилась на анкету, потом на Васю, потом снова на анкету. Наконец она убрала одну из многих прядок седеющих волос под белый колпачок и сердито сказала:

– Нужно отвечать точно: не 1957 год, а 2007. Не маленький.

– Видите ли... я действительно родился в 1957 году, – как можно спокойней и вежливей ответил Вася.

– Послушай, Василий Голубев, я работаю, а не разгадываю вопросы из школьной математической викторины. Если тебе тринадцать лет, то ты мог родиться только в 2007 году.

– Но, видите ли...

– Не морочь мне голову, я все вижу отлично!

– Да я вовсе не морочу! – обиделся Вася. – Если в вашей анкете нужно писать правду, тогда вы запишите, что я родился в 1957 году. А если в анкету все равно, что записывать, – тогда пишите какой сами хотите. Мне все равно. Я от этого не помолодею.

– Ты просто невоспитанный мальчишка, который не уважает старших! А еще, наверно, пионер! – сердито сказала регистраторша.

«Ну что ж... – подумал Вася, услышав знакомую присказку. – Ведь многие взрослые, когда они не хотят понять ребят, обязательно обвиняют их во всех смертных грехах и прежде всего в невоспитанности, причем обязательно прибавляют: „А еще пионер!“»

И возмущенный Вася ответил:

– Вот потому, что я пионер, я и говорю правду!

Регистраторша стала багроветь, и, вероятно, Васе пришлось бы туго, но ему на помощь пришел дедушка.

– Он действительно родился в 1957 году, – сказал он регистраторше.

– Послушайте, гражданин, не морочьте мне голову! Если вы знаете арифметику, так вы сами поймете, что если он действительно родился в 1957 году, то, значит, сейчас ему шестьдесят три года. А вы посмотрите на него: разве ему можно дать шестьдесят три года?! Ведь каждый скажет, что Вася Голубев – ребенок! Да он и сам не отрицает этого. Он же сам говорит, что ему тринадцать лет.

Дедушка потер лысину, покачал головой и на всякий случай осмотрел Васю. Нет, никто бы не сказал, что мальчику уже идет седьмой десяток.

– Все это верно, конечно, – протянул Маслов. – Но вы понимаете, что случилось...

Дедушка вкратце попытался рассказать Васину историю. Но она не взволновала регистраторшу. Она думала не о Васиной судьбе, а о правильном ответе на анкетный вопрос. Поэтому она сказала:

– Ну и что же? Все правильно. Даже если он и не жил пятьдесят лет, так ему все равно тринадцать лет. Так мы и запишем, тринадцать! Но... но, позвольте... тогда, как же быть все-таки с годом его рождения?

Регистраторша первый раз растерялась и почти с ужасом посмотрела на Васю. Смотрели на него и многие ученые, которых невольно привлёк громкий и строгий голос регистраторши. Она сказала:

– Я действительно ничего не понимаю... Ведь если он родился в 1957 году, значит, по всем правилам ему шестьдесят три года. Но ему тринадцать. Значит, он родился в 2007, но в этом году он даже не жил. Ничего не понимаю!..

– Позвольте, – вмешался один из ученых-врачей. – Здесь, видимо, нужно применить не арифметику, а алгебру... Я, правда, не занимался ею уже лет сорок, но все-таки попробуем. Запишем условия задачи. Вася Голубев прожил тринадцать лет. Так. Это, значит, его актив. Плюс тринадцать. Положительное, так сказать, число. Потом он не жил целых пятьдесят лет. Поскольку он не жил эти годы, то логически это будет отрицательное число: минус пятьдесят. Понимаете? Теперь мы складываем, сколько он жил и сколько он не жил... Та-ак... Плюс тринадцать плюс минус пятьдесят... Итого получается... – Ученый-врач вдруг покраснел, побледнел и почти закричал: – Так ведь получается нечто необыкновенное – человек с отрицательным возрастом! Оказывается, Васе Голубеву в данный момент минус тридцать семь лет! Но ведь этого не может быть!

Ученые-доктора, конечно, поняли, что человека с минусовым возрастом быть не может. Таким образом, не только арифметика, но и алгебра спасовала перед задачей, которую невольно задал Вася ученым.

Доктора некоторое время глубокомысленно молчали, потом вдруг зашумели. Случай этот непосредственно не касался их специальностей, но он все-таки заинтересовал их. Одни рассуждали так:

– Голубев родился в 1957 году. Значит, арифметически ему шестьдесят три года. Но мы все видим, что ему тринадцать лет. Арифметика зачеркивается. Алгебра результата не дает. Значит, на помощь нам может прийти только логика...

Другие возражали:

– Какая же здесь может быть логика? Раз он жил на земле, значит, ему шестьдесят три года. Это же очень просто.

– Нет, не так просто. Жить – это значит расти, стариться – словом, жизнь – это движение. А Вася Голубев не рос, не старился, не двигался. Значит, он не жил. Ведь так, если рассуждать логически? А если это так, то нужно признать, что алгебра права. Но та же логика не позволит нам признать возможным появление человека с минусовым возрастом. Так что и логика отказывает.

Ученые-доктора думали. Вася молчал. Дедушка краснел так, словно он был виноват в том, что Вася невольно задал всем такую невероятную задачу. Не растерялась только регистраторша.

– В конце концов, меня это не касается, – решительно сказала она. – Раз он действительно родился в 1957 году, так мы и запишем. А потом кому нужно – разберутся.

Мудрое решение пришлось всем по нраву. Ученые-врачи облегченно вздохнули:

– Ив самом деле. Нам ведь важно выяснить не его возраст, а установить те изменения в его организме, которые могли возникнуть в результате длительного пребывания в условиях минусовых температур в течение длительного периода времени, а также установить, по возможности точно, причины его... ну... так сказать, оживления, или, точнее, возвращения в нормальное состояние...

Вася упрямо молчал. Он еще не мог понять: с каких пор относительные числа перенесены в алгебру? Может быть, так требует новая программа? А может быть, настоящая алгебра поможет ему установить собственный возраст? И он, кажется, в первый – но, как потом выяснилось, не в последний – раз пожалел о том, что так мало и так поверхностно знает математику.

О логике он почему-то не вспомнил...

Вопрос как-то сам по себе несколько отодвинулся, и Вася подумал:

«Поскольку я отстал от этих людей на полвека не по моей вине, я обязан учиться, чтобы догнать их. А для того, чтобы учиться, нужно спрашивать...»

Однако ему показалось не совсем удобным задавать вопросы таким серьезным и таким ученым людям. Трудно сказать, как они посмотрят на это. Ведь врачи никогда не отвечают на вопросы. Они всегда только сами вас спрашивают:

«Не болит ли горло? Покажите язык. Вдохните, выдохните. Здесь болит?... А здесь?... А вот так больно?»

И на все нужно отвечать. Но когда врачу задаешь совершенно ясные вопросы: «А когда я выздоровею?» или «Когда мне можно будет выйти на улицу?» – следует покровительственный ответ: «Все в свое время. Полечитесь, молодой человек, полежите, а там будет видно. И зачем вам спешить? Разве дома плохо? Книги есть, чего вам еще нужно?»

Попробуй растолкуй, чего еще нужно! И сразу станет понятным, что только глупый человек может задавать такие дурацкие вопросы.

А перед Васей сидели не какие-нибудь, а ученые-врачи. В такой обстановке, прежде чем задать вопрос, подумаешь и подумаешь...

В зал вошли новые люди. Они вкатили сложные на вид приборы с широкими раструбами и блестящими юпитерами, от которых тянулись провода. Закончив подключение, они зажгли юпитеры, покрутили какие-то ручки на приборах и бодро доложили:

– Двусторонняя спецсвязь установлена!

Молодой врач, который тоже пришел с радиотехниками, предложил:

– Давайте начнем конференцию!

Начались скучные разговоры. Васю крутили во все стороны, выслушивали, выстукивали, и он, ошеломленный новыми и, пожалуй, самыми сложными передрыгами за все последнее время, покорно вздыхал, ложился, вставал, показывал язык и говорил «а», попутно отвечая на десятки самых невероятных и, с его точки зрения, пустых, порой даже и неприличных вопросов. Дедушка – Женька Маслов мужественно отражал натиск ученых, добросовестно рассказывал всю прошлую жизнь Васи, хвалил его за то, что он был самым лучшим конструктором в школьном кружке «Умелые руки» и даже отлично учился.

Надо сказать, что здесь Маслов покривил душой: как известно, Вася Голубев имел и тройки и даже двойки, которые, правда, не определяли оценок в четвертях, но тем не менее в тетради попадали. Но дедушку можно было извинить: ведь каждому пятикласснику кажется,

что в шестом классе все учатся замечательно и стоит ему самому перейти в шестой класс, как и он, конечно, станет отличником.

И еще нужно сказать: Васе Голубеву показалось, что дедушка употребил не вполне приличное слово – «фантазер». Ведь в переводе на язык нормального школьника оно звучит как «враль», или «врун», или (когда этого не слышит учительница русского языка) «трепач». Но ведь это могло и показаться...

Кажется, дело подходило к концу. Но молодой врач безжалостно предложил:

– Приступим к внутреннему осмотру!

«Как же это они начнут осматривать меня изнутри? – не без робости подумал Вася. – Ведь не вздумают же они меня резать?»

Но резать его никто не собирался. В комнате погас свет, и экран на стене вспыхнул мерцающим розовато-синим светом. Молодой врач навел на Васю один из шлангов. Из репродуктора вдруг раздался голос:

– Свейтить бронхи!

Вася вопросительно посмотрел на дедушку, и тот шепнул ему:

– Это, видно, американец просит. Он же по телеку все видит и слышит.

Васю попросили повернуться спиной. Перед его глазами оказался экран. Он посмотрел на него и обмер. На экране светились, дышали, бились, двигались все его внутренности. Он видел, как сжимается и разжимается его сердце, видел, как вздыхают сероватые легкие, как бежит в жилах ярко-красная кровь. Он видел все в красках, в цветах и не просто в натуральную величину, а в значительно увеличенном виде.

Так вот почему ученые даже не поднялись с мест! Они пользовались цветным, объемным рентгеновским аппаратом. Кто-то по радио попросил:

– Включите сердечные шумы.

О, это было что-то совершенно невероятное! Вася услышал, как стучит его сердце, стучит так, что его можно было услышать даже за сто метров.

Ученые в зале и ученые в далекой Индонезии изучали состояние Васиного организма с такой точностью, что ошибок в их оценке быть не могло. И все-таки, когда длительный внутренний и внешний осмотр окончился, ученые вдруг стали спорить. В спор вмешивались и те, что были за океаном, и, как потом оказалось, африканские ученые, которые просто не успели прилететь, но были извещены о конференции. Все забыли о Васе, и он примостился на диванчике. К нему подошел дедушка, крикнул и присел рядом. Прислушиваясь к спору ученых, он с уважением сказал:

– Вот, брат, как разговорились! И, понимаешь, всё по-латыни! Так и режут, так и режут! Да, на латынь надейся, а сам не плошай.

Вася следил за молодым врачом, который почти не участвовал в споре. Он стоял на сцене, заложив руки за спину, выпрямившись, и на его лице играла легкая улыбка собственного превосходства. Она почему-то показалась Васе такой неприятной, что он спросил:

– А кто этот задавака?

– Этот? А ты не знаешь? – хитро улыбнулся дедушка.

– Не-ет...

– Это, брат ты мой, сын Сашки Мыльников. Да... Вот стал врачом.

– Сын... Сашки Мыльников?.. Значит, он жив?!

– Ну как же! Известный поэт.

– Он и сейчас пишет?

– А как же?... Товарищ Мыльников! – окликнул дедушка молодого врача. – А что пишет сейчас ваш отец?

Мыльников-младший выпрямился и с гордостью, отчеканивая слова, ответил:

– Мой отец пишет сейчас новую поэму! Называется она «Космос». В ней будет двести тысяч строк.

И Вася подумал, что этот Мыльников-младший не столько сам «воображает», сколько кичится своим папашей. Однако Вася невольно ощутил прилив уважения к поэту Александру Мыльникову. Подумать только – двести тысяч строк! Это ж надо высидеть!

Между тем ученые-врачи как будто окончили свой спор, и Мыльников-младший обратился к Васе очень официально:

– Мы вам очень благодарны, товарищ Голубев, но вам придется еще потрудиться. Нам нужно съездить с вами на то место, где вы замерзали и отмерзали.

Прежде чем Вася успел что-нибудь сказать, дедушка решительно запротестовал:

– Нет! Я не разрешу этого. Человеку нужно отдохнуть. У него и так слишком много впечатлений.

Андрей Петрович первый согласился с дедушкой, и все порешили, что экскурсию на место Васиного «воскрешения» нужно отложить до следующего дня.

Глава девятнадцатая ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

В машине Васю ждали Лена и Женька.

Солнце скрылось за ближними домами, и над сопками в зеленоватом небе показалась бледная, пятнистая луна. Она была едва заметна и казалась заплутавшимся обрывком облака. В домах зажглись разноцветные огни. Слышались звуки музыки. Бесшумно проносились лучащиеся мягким светом электронки.

В небе, освещенные последними отблесками розовой зари, проплывали почти бесшумно вертолеты – маленькие, похожие на жучков, индивидуальные, и побольше – семейные или общественные. Много было и пешеходов в легких красивых одеждах. У иных модников одежда была оторочена цветной светящейся тканью, которая мягко и загадочно мерцала в сумерках.

И почему-то Васе стало грустно...

Он устал во время врачебного осмотра и сейчас, вспоминая его, не мог не думать и о Сашке Мыльникове.

Значит, он жив! Значит, он не сумел сделать все для того, чтобы спасти его из занесенного снегом шурфа! Разве он, Вася, смог бы успокоиться, если бы знал, что его товарищ погибает или даже уже погиб! Да он бы сам лучше замерз! А Сашка, оказывается, смог и даже не расстроился.

Он, наверно, окончил школу отличником. Ведь не мог же человек, окончивший школу кое-как, стать известным поэтом, который пишет космические поэмы в двести тысяч строк! Потом он, наверно, окончил какой-нибудь литературный институт и вот теперь пишет себе свои поэмы по всем правилам, и все его уважают.

А то, что этот уважаемый человек оставил в беде товарища, никто и не знает.

Но тут впервые Васе показалось, что он ошибается. Ведь не может быть, чтобы Сашка – пусть парень и положительный, хотя порой и вредный, самолюбивый и все такое прочее, но все-таки пионер, советский школьник, Васин товарищ, – поступил так подло! Не мог он так поступить! И стоило Васе начать оправдывать Сашу, как он немедленно вспоминал, что ведь и родители тоже не нашли его. Так чего же ждать от Сашки Мыльникова? Значит, были какие-то особенно веские причины. И узнать о них он может только тогда, когда повидается с Мыльниковым.

Словом, почти все выяснилось, но ощущение грусти все-таки не пропадало. Может быть, еще потому, что Вася как будто даже завидовал и Женьке Маслову, и Сашке Мыльникову. Подумать только! Один – биомеханик, второй – известный поэт. А что он, Вася? Что из него еще выйдет! Ох, неизвестно... Вокруг столько интересного...

– Нужно спешить, – сказал дедушка, – сейчас самая лучшая видимость межпланетных телевизоров.

– Да, – подтвердила Лена, – а то начнутся служебные переговоры – не настроишься на волну.

И несмотря на то, что Вася чувствовал себя немного несчастным, он все-таки заинтересовался этим разговором и спросил:

– Это что ж, можно будет посмотреть, как живут люди на других планетах?

– Да, конечно, – безразлично ответила Лена и едва заметно зевнула.

Вася был неприятно удивлен таким равнодушием.

– И что же, служебные переговоры очень мешают настраиваться на волну?

– Да как тебе сказать... Не так чтобы очень... Лунные еще ничего, а вот те, что работают на наводке межпланетных кораблей, и особенно те, что связаны с автоматическими станциями на Марсе и Юпитере, – вот эти очень мешают. Они же очень сильные! Шутка сказать – послать

радиоволну сначала на Луну, отразить ее на тамошней станции, передать на промежуточный искусственный астероид, а потом уж оттуда на Марс или на Юпитер! Вот эти-то служебные станции и мешают... Да и вообще-то мы уже не смотрим на Марс или Юпитер, а уж Луну тем более! Ничего интересного! – капризно закончила Лена.

Вася очень удивился: не интересоваться тем, что делается на Луне или Марсе? Да если бы в его время появился бы кинофильм «На Луне», так к кинотеатру нужно было бы пробиваться сквозь сплошную толпу. А тут – неинтересно! Подумаешь, какая умная...

Лена заметила, как у Васи сначала удивленно расширились глаза, потом они стали узенькими и между бровями прорезались тоненькие, упрямые морщинки. Она поняла, что сказала что-то не так. Чтобы исправить впечатление, она разъяснила:

– Видишь ли, вначале это, может быть, и интересно, а потом все одно и то же: машины, красивые картинки лунной природы, потом опять машины и машины... А людей почти не видишь. Ну разве может быть что-нибудь интересное без людей?

Это объяснение только рассердило Васю. Вот они – девчонки! Во все времена одинаковы. А ведь что может быть интересней машин?

Женька как будто понял Васины мысли. Он неожиданно хмыкнул и сказал:

– Конечно, стихов там никто не читает, песенок не поет и даже никто ни за кем не ухаживает... Конечно, ей неинтересно. Вот если бы там про записочки что-нибудь рассказывали, тогда да! Тогда бы она от экрана не отходила.

Лена неожиданно покраснела, быстро покосилась на Васю и вдруг накинулась на Женьку:

– Что ты говоришь? Болтун! Как тебе не стыдно!

Но чем больше она кричала и возмущалась, чем настойчивей старалась ударить Женьку, который привалился в самый угол сиденья и, отчаянно хохоча, прикрывался от Лены не только руками, но и коленями, – тем больше Васе казалось, что Лена краснеет неспроста. Записочки, вероятно, были...

«Ну, а мне что за дело? – спрашивал себя Вася. – Мало ли кто пишет записки или переписывает для девчонок стихи... А я-то тут при чем?»

Но чем больше он убеждал себя, тем грустнее становилось у него на сердце. Лена все-таки... смелая девочка. Вон как она решительно познакомилась с Тузиком. Наконец, она просто сильная и ловкая девочка. Как она лихо справлялась с тайменем! Потом она, конечно, еще и... добрая девочка – даже заплакала, когда плакал Вася.

И чем больше думал Вася, стараясь не сказать самого главного – что Лена просто красивая девочка, которая ему понравилась с первого взгляда (теперь-то он понимал это очень хорошо), – тем больше самых великолепных качеств он отыскивал в ней и тем грустней ему становилось. Он надулся и отодвинулся от Лены как можно дальше. А она, стараясь достать до Женьки, все ближе придвигалась к нему.

Женька, отбиваясь, все время подзуживал сестру:

– Сказать, от кого записка? Сказать?

Лена яростно визжала и все сильней наваливалась на совсем загрустившего Васю.

Женька не унимался:

– А про стишки рассказать? А как песенками переговаривались, рассказать?... Слушай, Вася... – начал было он.

Но Вася только безнадежно отодвинулся подальше от Лены. Он с горечью думал:

«Ну и пусть записочки... Пусть песенки... Пусть даже стихи... Сашку бы Мыльникову сюда – он на любую тему любой стишок состряпает».

Ему казалось, что он должен быть совершенно безразличным и строгим, как настоящий мужчина. Но в то же время Вася понимал, что он вдруг стал очень несчастным, даже несчастней, чем в масловской машине, когда он понял, что пролежал замерзшим целых полвека. Он

даже подумал, что не стоило и отмерзать только для того, чтобы узнать, какая замечательная и, без всякого сомнения, самая лучшая из всех девочек, которых он встречал, за... за...

Это окончательно сбило его с толку. За сколько же лет он впервые встретил такую замечательную девочку, как Лена? За тринадцать, за тридцать семь или за шестьдесят три?

Вот дурацкое положение! Даже не знаешь, какой у тебя возраст.

Вася немного успокоился и почувствовал себя менее несчастным, чем секунду назад. Тем более Лена так натурально кричала на Женьку, что он все врет, что он все выдумывает, что стоило только захотеть, и можно было поверить, что Женька действительно говорит неправду. Когда она искоса, почти умоляюще посматривала на Васю, в ее красивых – больших и темных – глазах сверкали самые настоящие светлые и чистые слезы. Ее ресницы сами по себе стали склеиваться стрелками, а лицо покраснелось, и от этого светлые выбившиеся из-под тубетейки кудряшки были еще красивей. Вася не выдержал. Он поверил ей и почувствовал, что он скорее счастливый, чем несчастный.

«Все-таки как-никак, а еще никто не может похвалиться, что он приручил мамонта, – думал он. – Еще ни один мальчик из нашего города не может похвастаться, что ради него съехались ученые со всех концов света. И вообще, проживу месяц в двадцать первом веке – еще поглядим, кому записочки будут писать!»

Он уже так уверился в невинности Лены, в собственной неотразимости, что даже сам не заметил, как у него появилась сила воли, решимость и даже, кажется, способность мыслить логически. Он уже решил, что нужно одернуть Женьку, довольно вредного третьеклассника, который явно не умеет вести себя в приличном и солидном обществе. Но Женька наконец добился своего. Он закричал:

– Валька Башмаков тебе записочки писал! И ты ему писала! Я сам видел. Он тебе и стишки переписывал. И провожать ходил...

Вася обмер. Ну ладно – записочки, стишки там, песенки... Ну, бывает. Ну, кто не поскользнется... Но – провожать! Да, тут все понятно.

Все исчезло – и сила воли, и убеждение в невинности Лены. Осталось одно презрение к этой девчонке, которая так натурально умеет врать. Вася был горд и неприступен, и Лена, взглянув на него, поняла это. Она вдруг бросилась в дальний угол машины, закрыла лицо руками и заплакала. Еще минуту назад Вася попытался бы ее успокоить, но сейчас он отвернулся. В его глазах еще светилось презрение. Женька понял это по-своему. Он опустил свои исцарапанные, в коричневых, подживающих рубцах колени и не очень уверенно сказал:

– Разревелась... Пусть не задается... Машины ей не нравятся!

Вася молчал. Он сложил руки на груди и независимо смотрел в окно. И тут только он заметил, что электронка стоит на месте, дедушка обернулся и, улыбаясь, посматривает на них. Он улыбался так хитро, так понимающе, что Васе опять показалось, что перед ним когда-то знакомый круглолицый Женька Маслов. И он невольно испугался, что тот Женька обязательно отмочит какую-нибудь шутку, после которой придется краснеть. Поэтому Вася покраснел заранее и предупреждающе сказал:

– Ладно, Женька, брось...

Он обращался к дедушке, но откликнулся маленький Женька:

– А чего бросать? Я правду сказал...

– Врешь! Врешь! – Лена сорвалась с места и мокрой от слез рукой залепила Женьке звонкую оплеуху. – Все врешь, противный мальчишка!

Прежде чем Женька смог опомниться, щека у него побагровела, нос стал розовым. А Лена, выпрыгнув из машины, убежала в дом.

Вася посмотрел ей вслед. Конечно, Валька Башмаков – неприятность, но нужно признать, что затрещину Лена залепила звонкую и умелую.

«Можно сказать, со знанием дела», – с уважением подумал Вася и вдруг опять понял, что он очень несчастный человек.

Глава двадцатая ЛУННЫЙ РУДНИК

Вечернее освещение масловской квартиры поразило Васю. Ему показалось, что в комнатах каким-то невероятным образом застряли разные кусочки дня.

В прихожей был яркий, но не резкий летний полдень, когда тонкие облака покрывают небо и оно едва голубеет. И глаза можно не щурить.

В другой комнате остался вечерний час – свет был золотистый, богатый и какой-то весомый. Кажется, что его можно набрать в руки и поддержать. Обстановка словно выступила вперед, стала красивее. Даже в углах комнаты, как при закате, переплетались багровые, синие и оранжевые тона, незаметно для глаза дополняя друг друга.

В третьей комнате стоял рассвет. Но не южный – быстрый и буйный, больше похожий на закат, а северный, летний. В нем преобладали нежно-зеленые и едва розовые тени. Свет был такой спокойный, такой радостный и добрый.

Вася заглянул в темный кабинет Женькиного отца и удивился еще сильнее. В кабинете стояла настоящая, живая ночь. Было очень темно. И все-таки в кабинете был свет – тихий и успокаивающий, как летней ночью у моря или реки, когда яркие звезды мерцают над головой и их лучики перекрещиваются и едва заметно вздрагивают и в воздухе и на воде. И кажется, словно света нет, неоткуда ему взяться, и все-таки все светится, все живет своей особой, таинственной жизнью.

Пораженный этой тихой, лучистой темнотой, Вася постепенно стал понимать, что в комнатах нет ни одной лампочки, ни одного источника света. Лучилось все: стены, потолок, вещи, карнизы, двери, рамы окон. И каждый из этих предметов светился по-своему, едва-едва отличаясь от окружающих, а все вместе образовывали этот общий необычный свет.

«Но ведь этого мало для освещения», – подумал Вася и снова пошел по комнатам.

Оказалось, что лампы были, но они прятались в углах, за вещами, в карнизах и незаметно бросали свой необыкновенный свет.

Снова и снова переходя из вечера в полдень, а из полудня в раннее утро, Вася думал, что как было бы красиво жить в его время, если бы люди по-настоящему занялись освещением. Как красиво, сказочно красиво стало бы в комнатах и домах, на улицах и в парках...

Пока он думал об этом, возившийся возле стены Женька удовлетворенно сказал:

– Ну вот! Луна поймана!

Вася даже вздрогнул – так неожиданно было восклицание. Он подошел к Женьке и увидел, что матовый экран в стене, слегка пульсируя, светился. В его глубине стояли какие-то странные машины. Поразило не то, что они двигались, а то, что они были в ясно осязаемой глубине экрана.

– Странно... Даже не как в кино, – сказал Вася.

– Ну, в кино и не такое увидишь! – беспечно ответил Женька. А Вася подумал, что отстал он здорово: полвека назад в кино можно было увидеть только то, что было давным-давно. Но то, что будет когда-нибудь, – этого он не мог бы увидеть ни за какие деньги...

Сзади неслышно подошел дедушка, повертел круглые ручки под экраном, и пульсация исчезла. Удивительные машины словно приблизились.

– Почему кажется, что они в глубине? – спросил Вася. – Просто как живые...

– Так, видишь ли, теперь телевизоры не только цветные – они еще стереоскопические. В твои годы даже стереокино создать как следует не могли, а сейчас даже телевизоры стереоскопические.

Дедушка придвинул поближе кресло. Женька и Вася уселись рядом и уставились в экран.

– Перед тобой, – откашлялся дедушка, – лунный пейзаж сегодняшнего дня. Ты, конечно, помнишь, как люди и машины попали на Луну – сам же модель лунохода делал.

– А ты – недоделал, – шепнул Вася, и Маслов так же шепотом ответил:

– Так я же объяснил почему... Биомеханика заела.

Вслух он продолжил:

– Таким же порядком люди, а главным образом, автоматические приборы обследовали и другие планеты и с помощью проб и специальных спектрографических и других анализов открыли на планетах залежи всяческих нужных нам полезных ископаемых. Чего ж им пропадать даром? Организовали на этих планетах полуавтоматические рудники и металлургические комбинаты и добывают то, что нужно. Ракетопланами вывозят добытое, а на планеты посылают обслуживающий персонал, чтобы они там следили за работой автоматов, регулировали и все такое прочее, потому что как говорится: на автомат надейся, а сам не плошай.

Дедушка не успел закончить. Там, на Луне, возле домика, что стоял у машин, показался человек в прозрачной оболочке, как будто его упаковали в целлофан. Сквозь эту поблескивающую на солнце оболочку была видна даже его одежда. В руках он держал чемоданчик и самый обыкновенный раздвижной гаечный ключ. Лунный человек шел осторожно, выбирая место для своих сапог с необыкновенно толстой подошвой.

– Что это он так? Словно он слепой идет? – спросил Вася.

– Чудак, у него ж сапоги на свинцовой подошве! – ответил Женька. – Как у водолазов.

– А зачем? – удивился Вася.

– Ты что? Забыл, что на Луне человек весит в шесть раз легче, чем на Земле. А сила у него остается прежняя. Значит, если он шагнет, как на Земле, так он знаешь как подпрыгнет? А потом шлепнется: радости мало. А когда на сапогах подошвы свинцовые, он ходит как на Земле.

Человек обошел домик и стал осматривать самую большую машину. Он по очереди снимал огромные кожухи, легко перекладывал их с места на место, как будто они были сделаны из бумаги. Вася сразу догадался, что лунному человеку делать это было нетрудно: ведь на Луне все весит в шесть раз меньше, чем на Земле. Значит, алюминий наверняка весит столько же, сколько бумага.

– Понятно... Работать ему не так уж трудно.

И Женька и дедушка посмотрели на Васю с некоторым сожалением.

– «Не так уж трудно»! – передразнил Женька. – А ты попробуй поработай возле металла в воздухонепроницаемом скафандре! Там же температуры какие? Климат, в общем... То жара, как в печи, то холод, какого на Северном полюсе нет. Скафандр то размягчается, то, наоборот, становится хрупким. Чуть заденешь за что-нибудь, порвешь или повредишь скафандр – и пожалуйста, в безвоздушном пространстве. На Луне же воздуха нет...

Лунный человек все так же осторожно продвигался вдоль машины, снимая кожухи и проверяя детали машин. Из домика вышел второй человек в прозрачном розовом скафандре с голубыми разводами и, приплясывая, пошел вдоль машины. Этого кокетливого, пляшущего человека так и мотало из стороны в сторону, но он не падал, как не падает ванька-встанька: ведь у него на ногах были свинцовые подошвы.

– Вот, – презрительно сказал Женька, – сразу видно, что девчонка. Растанцевалась...

Но в это время первый человек наклонился, и на его затылке сквозь скафандр все ясно увидели две темные косички, уложенные самыми домашними и скучными крендельками. А у второго в коротко подстриженных волосах был пробор. Вася покосился на Женьку. Тот промолчал.

Из домика вышел третий человек, большой и грузный, посмотрел на человека в розовом скафандре и, легко подпрыгивая сразу на пяток метров, подошел к нему. Даже на экране лун-

ного телевизора было видно, что третий ругает второго и руками показывает, что танцевать во время работы не следует. Даже на Луне.

– Да, – усмехнулся дедушка, – не дотанцевал Лунный вальс. Попало? И правильно! Подумаешь, разукрасился! Скафандр – розовый, канты – зеленые, отвороты – голубые... Как попу-гай.

Оказывается, любители пооригинальничать и позадаваться пробираются даже на Луну.

Три земных человека посмеялись над одним лунным, и Вася спросил:

– А что они все-таки делают там?

– Как – что? Это же лунный рудник. Добывают некоторые элементы, которых нет на Земле, – те, что открыли с помощью спектрографов. Сделали лунные машины, приспособили их к тамошней обстановке и работают. Причем интересно: на Земле ты эти машины с места не сдвинешь, а на Луне они действуют отлично. Что значит разница в условиях! А сейчас вот обслуживающий персонал проверяет, как они готовы к производственному циклу, чтобы поломок не было.

Лунные люди заканчивали осмотр машины, ставили кожухи на места и наконец скрылись в своем домике. Он, как и домик на Земле, был покрыт уже известной Васе фотоэлементной краской.

И здесь, на Луне, она занималась обычным своим делом: перерабатывала световую энергию в электрическую, которая то отапливала домик, когда это требовалось, то, наоборот, охлаждала его.

Глава двадцать первая ВЗРЫВНОЙ КОМБАЙН

Стоящий на колесиках домик вдруг дрогнул и двинулся вперед, вслед за огромной машиной. Она подвигалась к глубокой траншее в отроге пологого холма с неожиданно острой, как пика, вершиной.

Лунный пейзаж, в сущности, был очень скучным. Вокруг – ни деревца, ни травинки. Даже паршивенькой, грязной лужи и той на Луне не найдешь ни за какие деньги. Ведь на Луне нет ни воздуха, ни воды...

На том месте, по которому двигались машина и домик, почва была грязновато-желтого цвета, с красными и зеленоватыми прожилками. Особенно много этих прожилок было как раз там, куда была нацелена головная часть машины.

– Смотри внимательней! – строго сказал дедушка. – Начинается производственный цикл взрывного комбайна.

Из головной части комбайна, как иглы у дикобраза, выдвинулись длинные блестящие спиральные сверла.

– Сейчас панорама сменится, – предупредил дедушка. – Земные контролеры должны следить за рабочей частью машины.

И действительно, экран задрожал, изображение взрывного комбайна на нем расплылось, но через секунду все стало на свои места.

На экране было прекрасно видно, как медленно выдвигаются вперед полые внутри длинные сверла. Вот они уперлись в стену и стали все так же медленно исчезать в ней. Через несколько минут сверла остановились.

– Случилось вот что, – сказал дедушка, – полые сверла сделали в породе отверстия – шпурь, причем все осколки, каменная пыль, полученные при бурении шпуров, ушли по внутренним спиральям внутрь бурового аппарата. Теперь по этим же спиральям аппарат подаст взрывчатое вещество. Смотрите, смотрите! Видите?

Мальчики ясно увидели, что сверла стали вращаться в обратном направлении, а комбайн начал постепенно отъезжать от стены. Когда сверла вышли из шпуров, от них протянулась тоненькая проволочка.

– Это проводники взрывателей. Вот смотрите: сейчас машина даст взрывной электроток.

Но дедушка немного ошибся. Сначала машина выдвинула перед собой не то совок, не то фартук, а уж потом сверкнул огонь, поднялась пыль, и мелко раздробленная порода осыпалась в подставленный совок и стала исчезать в машинном брюхе.

– Это ее убирают транспортеры, – пояснил дедушка.

Взрывной комбайн все отъезжал назад, а за ним опускалась быстро вращающаяся огромная щетка. Оказалось, что при взрыве не вся порода попала в совок. Траншея была усеяна рудой. Вот ее-то и собрал аккуратный лунный дворник. Щетка подмела пол траншеи, собрала всю просыпавшуюся руду и ссыпала ее в совок.

Некоторое время комбайн стоял без дела – транспортеры перегоняли руду куда-то за пределы экрана.

– А в это время, – сказал дедушка, – заполняются камеры взрывчатых веществ. Большой их запас держать в буровом агрегате нельзя: возможна детонация – произвольный взрыв.

– Дедушка, а зачем породу так уж мелко взрывают? – спросил Женька. – В рудниках у нас, на Земле, так прямо глыбы летят.

– Так видишь ли, внучек... на Земле сила тяжести в несколько раз больше, чем на Луне. Крупные глыбы и породы подадут на обоганительную фабрику и там раздробят. А на Луне сделать это гораздо трудней – сила-то тяжести меньше, значит, и удар по глыбе будет во много

раз слабее, чем на Земле. Вот, чтобы экономить энергию машин, делать их удобными и надежными, стараются дробить породу взрывами как можно мельче.

Взрывной комбайн между тем полностью закончил цикл и опять пополз по траншее на штурм стены, испещренной рудными прожилками.

– Ну вот, а теперь мы посмотрим, что делается с добытой рудой. Эх! – с горечью сказал дедушка. – Ведь сколько раз говорил, что нужно поставить широкоэкранный телевизор! Да вот времени все нет, и из-за этого вечно приходится настраиваться на разные волны.

С помощью рукояток дедушка хоть и с некоторым трудом, но нашел нужную волну. Перед ребятами открылась новая картина.

Далеко, до самого горизонта, тянулись рваные, скалистые хребты. Их острые вершины вздымались вверх так отвесно, что казалось, это огромные великаны установили каменный частокол вокруг огромного и совершенно ровного каменного поля, на котором никогда ничего не росло. На выходе из этого поля, там, где частокол вершин расступался, поблескивали новые машины. К ним и тянулась линия транспортера от взрывного комбайна.

– Вот это и есть плавильная фабрика, – сказал дедушка. – В нее попадает только что добытая руда. Видишь, она исчезает в одной из машин. Это – атомный реактор. Он развивает огромные температуры... Впрочем, ты уже видел подобные машины. Вот они-то и плавят руду, добывают очень важные элементы, готовят их к отправке на Землю. Вон, посмотри.

Неподалеку от машин стояли аккуратно сложенные на тележках, поблескивающие на солнце бруски металла. Только когда Вася присмотрелся, он увидел, что они разного цвета.

– Вот это и есть продукция лунного рудника и лунного металлургического комбината. Что это такое? Я тебе скажу: адрианий, галиний, лунарий и другие элементы. Раньше они создавались у нас на Земле в специальных атомных реакторах, на это тратилась масса энергии. А элементы эти крайне необходимы для современной техники. Соединяясь с другими металлами, они делают их либо жароустойчивыми, либо совершенно нержавеющими.

– Дедушка, а как же они попали на Луну, если на Земле такие элементы добывались только искусственно? – удивился Вася.

– А вот посмотри как следует на Луну, – сказал дедушка. – Видишь – перед нами огромный кратер вулкана. Ровное поле – это застывшая лава, а рваные хребты говорят, что здесь были какие-то невероятные взрывы. А ведь Луна вся испещрена такими огромными кратерами. Ты спросишь, почему? Даже сейчас ученые еще не могут объяснить это совершенно точно. Но почти всем уже ясно, что когда-то, очень давно, когда Луна была совсем молода, в ее недрах произошли могучие атомные взрывы. Они не только образовали множество кратеров на поверхности Луны, но и изгнали всякие признаки атмосферы. Атомные процессы были так могучи, что создали в недрах Луны неведомые элементы и выплеснули их на поверхность. Вот их мы и добываем.

– А нам в школе объясняли не совсем так... – робко сказал Вася.

– Правильно. Но ведь наука все время идет вперед и постепенно разгадывает одну тайну природы за другой. И чем дальше мы проникаем в глубину Вселенной, тем больше раскрываем непознанных тайн и ставим их себе на службу.

Тихонько шумел телевизор. На далекой Луне плыл нагруженный рудой транспортер – значит, взрывной комбайн закончил еще один производственный цикл, из атомной машины вышла еще одна тележка с металлом. Но Вася уже не замечал всего этого, а думал о том, что, когда он вырастет, он полетит на ракетоплане в межзвездном пространстве с быстротой свободной мысли, ловко лавируя между астероидами, кометами и разной планетной мелочью, к огромным мирам, в другие галактики. Рядом с ним, в блестящей, совершенно прозрачной кабине, пристально вглядываясь в звездное небо, будет стоять...

Дальше Вася не успел придумать, потому что рядом раздался недовольный голос:

– Ну, что вы на Луне застряли!.. Пойдемте – я, кажется, Марс поймала.

Вася оглянулся. Рядом стояла Лена. Глаза у нее были слегка заплаканы, и не все стрелки на ресницах разлепились. Вася готов был немедленно идти не только смотреть на пойманный в телевизор в соседней комнате Марс, а даже немедленно лететь на него. Но, оказывается, кроме Лены, неподалеку была и ее мама. И она сразу же категорически запротестовала:

– Нет, нет, ребята, хорошего понемножку! Луну посмотрели – и хватит. Завтра посмотрим Марс. Потом и до Юпитера доберемся. А сейчас ужинать и спать. Не забывайте, что Васе завтра рано вставать: у него много дел.

Будь это своя мама, с ней можно было бы вступить в дипломатические переговоры, поспорить и все-таки отвоевать еще несколько минут. Но это была чужая мама... Приходилось подчиняться. Вася успел переглянуться с Леной и украдкой вздохнуть.

Она заметила этот вздох и вдруг расхохоталась.

«Что тут смешного? – краснея, подумал Вася. – Вечно у этих девчонок непонятные выходы...»

Глава двадцать вторая ПОЧЕМУ РАЗМОРОЗИЛСЯ ВАСЯ

Утром, во время завтрака, непрерывно раздавались радиотелевизорные звонки, приезжали и уезжали какие-то люди. Они все время норовили хоть мельком взглянуть на Васю, и это окончательно испортило ему настроение.

«Как в музее! – сердился он. – Смотрят на меня, словно на чудо».

Слава начинала надоедать. Он невольно вспомнил свою поездку к бабушке, в Иваново. Однажды на улице он увидел необыкновенного человека: он был на три головы выше самых высоких мужчин. А ведь он еще горбился! И все, кто проходил мимо этого человека, обязательно открывали рот, ухмылялись самым глупым образом и, оборачиваясь, смотрели на живого великана. Тогда, в тот день, и Вася смотрел на сошедшего с книжных страниц дядю Степу и тоже приоткрыл рот и глупо ухмылялся. Великан печально вздохнул. Вася заметил, что глаза у великана были немного грустные. Вот только теперь Вася понял, как неприятно видеть обращенные к тебе глупо-восхищенные лица. Ну, увидел – удивись про себя и проходи мимо. Нет, обязательно нужно остановиться, потом еще повернуться и ухмыльнуться. Ну точно-точно, как вот этот толстый дяденька, который, заглянув в дверь, посмотрел на Васю и исчез. Понятно, почему у того, ивановского, великана был грустный взгляд.

А тут еще ночь оказалась такая противная, что лучше и не вспоминать о ней.

Валентина Петровна заметила Васино сердитое настроение и спросила:

– Что, нездоровится, Вася?

– Нет, благодарю вас. Я здоров, – как можно вежливее ответил Вася.

– Может быть, ты плохо спал? У тебя несколько утомленный вид.

– Нет, что вы...

Это Вася сказал вслух, а про себя подумал:

«Очень неприятно, когда не владеешь техникой...»

Для такой мысли у него были все основания. Ему отвели Женькину комнату, а Женьке постелили у дедушки. Прежде чем уйти, Женька рассказал Васе, как нужно пользоваться учебным телевизором, и по секрету сообщил, что благодаря некоторым проведенным Женькой конструктивным изменениям телевизор принимает не только учебные программы... Кроме того, Женька показал, как регулируется комнатная температура. Передвижение двух рычажков по желанию жильца делало климат комнаты то арктическим, то экваториальным. Смесь этих климатов давала нормальную комнатную температуру.

Когда все улеглись, Вася решил проверить действие техники на практике. Не меньше часа он пытался поймать на учебном телевизоре какую-нибудь передачу, но зеленоватый экран показывал нечто совершенно невероятное и расплывчатое. Разочарованный Вася лег было спать, но ему показалось, что в комнате прохладно. Он решил сделать нужный ему климат. Передвинул рычажок и задремал. Но через некоторое время ему пришлось проснуться в поту и передвинуть другой рычажок. Обстановка и стены слабо лучились светящейся краской, было то холодно, то жарко, в голову лезли самые различные мысли, и Вася так и не мог сказать, спал он или только дремал.

Понятно, что после такой ночи настроение вряд ли будет хорошее.

В дверях показался дедушка в таком шикарном, так тщательно отутюженном костюме и с таким ярким галстуком, что даже грустная Лена улыбнулась и сказала:

– Ты просто как на именины собрался. Правда, правда!

Дедушка слегка покраснел и тоже улыбнулся несколько самодовольно и в то же время смущенно, как всякий мужчина, когда окружающие, особенно девушки, похвалят его новый костюм.

– Ладно, ладно! Нам нужно спешить. Нас ведь ждут.

Поднялась кутерьма. Женька заявил, что он тоже обязательно поедет. Лена добавила, что если можно Женьке, то и ей, конечно, придется ехать. Дедушка колебался. Мама была категорически против. Но ведь вы знаете мам? Уже через минуту она «была бы согласна, если бы...». Потом всякие «бы» оказались ненужными, и в виде уступки ребята только переоделись.

Вася тоже не прочь был переодеться в новый, принесенный Леной костюм, но дедушка переглянулся с Валентиной Петровной и сказал:

– Нет, брат! Сегодня ты поедешь еще в старом костюме. Ученые должны увидеть тебя таким, каким ты вышел из мерзлоты.

Вскоре электронка Масловых катила по городу. Внезапно машина остановилась. Женька недовольно спросил:

– Мы разве будем заезжать в школу?

Совсем неподалеку от шоссе, окруженная огромными стройными красавцами кедрками, стояла серая четырехэтажная школа. Теперь, когда Вася увидел свою бывшую школу, когда он увидел кедрки, которые они сажали когда-то совсем крошечными, последние сомнения в своих невероятных приключениях у него исчезли. Школа была на месте, и кедрки выросли. А он по-прежнему Вася Голубев, ученик неизвестного класса. Но дедушка, оказывается, останавливал машину не ради Васи.

Возле школы толпились люди и стояли машины. Каких там только не было машин! Больших и маленьких, обтекаемых и тупоносых, и все – самых различных цветов. Дедушка открыл дверцу электронки и помахал рукой. Люди ответили ему тем же, и едва электронка двинулась дальше, как за ней помчались другие машины.

– Ну вот, теперь они поедут за нами, – сказал дедушка.

– А зачем они у нашей школы собрались? – осторожно спросила Лена.

– Видишь ли, в городе и так заняты все гостиницы. Решили отвести для ученых вашу школу: все равно она пустует во время весенних каникул.

– Неужели их столько собралось? – с опаской спросил Вася.

Вчера несколько десятков ученых-докторов осматривали его битых три, а то и четыре часа. Сегодня, когда ученых стало несколько сотен, его могут осматривать несколько дней подряд.

– Да, – беспечно ответил дедушка, – всю ночь прилетали!

Вася поник головой. Вот когда начинаются настоящие испытания, по сравнению с которыми все предыдущие – пустяки!

Вскоре электронка остановилась еще раз – дедушка велел Васе сесть рядом с ним и показывать дорогу к той самой яме, в которой он замерзал.

Конечно, дедушка подогнал машину к самому краю ямы, и, конечно, он широким жестом хозяина пригласил многочисленных гостей остановиться рядом. Видимо, ему очень нравилось играть роль хозяина. Но Вася всем этим был очень недоволен.

Гостей собралось, наверно, с тысячу. И все – самых различных национальностей. Они окружили яму густой и шумной толпой, заглядывали вниз, фотографировали и яму и друг друга.

Вскоре гостей несколько оттеснили репортеры телевизионных центров, установившие свою аппаратуру, и кинооператоры. А тут, как назло, стали слетаться опоздавшие гости, и над головой то и дело шумели вертолеты. У любого человека от этого шума и пестроты разболится голова, а если он еще спал кое-как, то даже разговаривать и то не захочется.

А Васю все-таки заставили говорить. Он покорно сошел в шурф и стал рассказывать, как он провалился, как жевал промерзшие бутерброды. Он даже показал банку от консервов и клочок газеты, в которую были завернуты бутерброды.

Тут ему немедленно предложили показать, где и как он лег в то злополучное утро воскресного дня 28 марта 1970 года. Вася лег и даже свернулся калачиком. Над ним сверкали вспышки электросвета, стрекотали кинокамеры, склонялись лапы телевизионных установок. Потом его снова заставили говорить. Он устал, в горле у него пересохло, и поэтому голос звучал все тише и тише. Но странно, чем тише говорил он, тем сильнее кричали люди, собравшиеся вокруг ямы. Оказалось, что это старались переводчики – они переводили его слова на все языки мира.

Все это начинало порядком надоедать, и Вася замолк. Слушатели поняли это как конец его рассказа. Кто-то спросил:

– А как же вы разморозились?

Окончательно разозлившийся Вася подумал:

«Разморозился!.. Подумаешь, судака какого нашли!»

Вслух он не очень вежливо ответил:

– А так и разморозился. Проснулся, смотрю – солнце. Я и встал.

Все вокруг него опять закричали и зашумели. И чем больше они шумели, тем реже смотрели на Васю и наконец совсем перестали обращать на него внимание. Сотни людей сбились кучками и отчаянно спорили между собой. То и дело слышалось:

– Я вам говорю...

– Как доказал великий...

– Но это просто невозможно!

– А я вам говорю...

– Наука не верит в непознаваемое. Она верит только в непознанное.

И все смотрели не в яму, а куда-то вдаль. Это так заинтересовало Васю, что он выбрался из ямы и тоже посмотрел вдаль.

Там, на вершинах сопок, по-прежнему мягко поблескивали какие-то странные, огромные приборы. И все смотрели и показывали на них. И все шумели. Только очень немногие глубокомысленно молчали и переходили от группы к группе.

Вася разыскал в толпе дедушку. Его великолепный костюм был слегка помят, и сам он выглядел совсем не именинником. Рядом с ним стояли несколько растерянные Лена и Женька.

Женька смотрел на взрослых и совсем старых людей с явным недоверием и даже осуждающе. Его взгляд не изменил своего выражения и тогда, когда к ним подошел Вася. Женька только шепнул:

– Вечно так: как свяжешься со взрослыми, так никакого толку нет. Ну, чего шумят, спрашивается? Лучше бы мы на рыбалку съездили. Я вчера все контакты переметил – теперь бы тайменей таскали. Да и Тузик некормленный стоит.

– Да, – поддержала Лена. – Они шумят, а животное стоит голодное. Просто удивительно, до чего взрослые люди бывают бесчувственными!

– А чего они шумят? – спросил Вася. – Я же им рассказал, как я... размораживался.

– Я сама не пойму, – сказала Лена. – Не верят тебе, наверно...

Глава двадцать третья

НАКАЗАНИЕ МАЛОВЕРОВ

Так или иначе, а настроение было испорчено. О дедушке все забыли, и он понял, что роль хозяина у него явно не получилась. Он часто вздыхал и едва заметно разводил руками, словно говорил про себя: «Ну что ж поделаешь? Так получилось...»

Растерянность дедушки была слишком очевидна, и Вася, рассердившись, решил набраться силы воли. Он нахмурил свои выцветшие брови, слегка наклонил вперед стриженую голову и сжал кулаки. После этого он прошелся среди споривших ученых и наконец наткнулся на Андрея Петровича, который очень обрадовался и заговорил с ним, как с хорошим и давним приятелем:

– Вот, не верят тебе! Говорят, что ты не мог разморозиться. А я говорю – мог. Вася Голубев не такой мальчик, чтобы обманывать. Ты же пионер?

– Конечно! А почему они не верят? – удивился Вася. – Ведь я действительно разморозился. Стоит только посмотреть на меня, и каждый поймет, что это правда.

– Видишь ли, Вася, всегда были и, к сожалению, есть и сейчас такие люди, которые считают, что, если что-нибудь происходит не так, как они думают, значит, это ложь. Полвека все ученые были твердо убеждены – и это подтверждалось фактами, – что человек да вообще всякое живое существо, попавшее под длительное воздействие атомных излучений, должно или заболеть, или умереть. Поэтому все атомные установки окружаются специальными защитными устройствами. Но вот твой случай заставляет думать, что не все атомные излучения влияют на живое существо губительно. И ведь, собственно, это не ново. Радиоактивными веществами люди лечились уже давно. За последние десятилетия в этом были достигнуты особенно большие успехи. Но еще не было случая, чтобы человек, пролежавший замёрзшим полвека, оживал. Вот тут-то и начинается главный спор. Одни говорят, что если ты и в самом деле разморозился, то не потому, что попал под длительное воздействие атомных излучений. Другие уверены, что ты вообще не «воскресал», потому что и не замёрзал. Просто ты жил в очень отдаленных местах и слишком отстал от существующей цивилизации. А третьи – в частности, я и многие мои коллеги в самых различных частях света – уверены, что ты действительно замёрзал, а потом действительно отмерз и не как-нибудь, а именно благодаря атомным излучениям.

– Скажите... скажите, Андрей Петрович, неужели я разморозился с помощью атомных излучений? – очень осторожно и почтительно спросил Вася.

– Я в этом уверен.

– Но ведь атомных-то станций поблизости нет, – возразил Вася.

– Как – нет? А вот это? Разве это не атомные станции?

Андрей Петрович показал на строения с блестящими крышами, что высились на дальней гряде сопок. Как раз оттуда все так же, как и несколько дней назад, неслись ровный, теплый, напоенный удивительным ароматом ветерок.

– А... а что же это? – спросил Вася.

– Вот как! Ты просто не знаешь, что это такое. Ну, тогда садись, и, пока там спорят ученые мужи, я тебе все объясню.

Они присели на траву под кустом багульника. Над ними плыли перистые облачка, а вдали клубились кучевые. Шелковистой зеленью отливало широкое пшеничное поле. Поблескивая, тихонько струилась речушка.

– Видишь ли, лет десять назад советское правительство, а также правительства других стран решили победить вечную мерзлоту. Ты знаешь, что это такое? (Вася кивнул головой.) На Крайнем Севере огромной линией установили атомные реакторы. Так называемый климатический пояс. Тепло, которое они выделяли, подогревало холодный полярный воздух. Весна

пошла на север, и вечная мерзлота медленно, но верно отступала. Тепла было маловато, и оно несло в себе вредные излучения. Но вот люди добыли на других планетах элементы, которых нет на Земле. Они обладали гораздо большим запасом атомной энергии, чем все известные земные элементы, особенно один из них – макроний. По старой памяти, люди считали, что и этот звездный элемент также излучает вредные для живого существа лучи. Но тут появились странности. Не только русские ученые, но и канадские заметили, что после применения макрониевых реакторов для растапливания вечной мерзлоты резко снизились всевозможные заболевания, сократилась смертность. Это же заметили американские, монгольские, норвежские ученые – ведь до северных границ этих государств дыхание макрония все-таки долетало. А вот ученые более южных стран не верили в чудодейственные качества макрония... Твое же отмерзание, Вася, заставляет подумать о многом. Мы теперь можем предположить, что излучения макрония помогут нам если и не совсем победить самую смерть, то уж, во всяком случае, отвоевать у нее многие позиции. Конечно, маловеры будут еще долго спорить, не верить фактам. Но мы-то верим твоему размораживанию и, конечно, теперь начнем заниматься вопросами излучения макрония гораздо больше, чем прежде.

Вася слушал ученого очень внимательно. Он понял, какие изменения произошли в его городке и во всей округе, понял, какому случаю был обязан: ведь макрониевые реакторы стояли как раз против того места, где была яма, в которой он замерз. Понятно, что их излучения и разморозили Васю. И он только удивился, почему умные люди не хотят этому верить. Не верят они ни ему, ни дедушке, ни этому симпатичному Андрею Петровичу. Он задумался. Задумался и ученый. Вокруг ямы по-прежнему бушевали научные страсти.

– Видишь ли, Вася, – сказал он, – если бы ты был не один, вот тогда бы тебе поверили даже маловеры! А то один в поле не воин, как говорит русская пословица.

– А я отморозился не один, – сказал Вася и посмотрел на Андрея Петровича.

Тот недоверчиво покосился на мальчика и спросил:

– А кто же отморозился вместе с тобой?

– Мамонт. Тузик. – И, замечая, что ученый не верит ему, Вася повторил: —Да, мамонт Тузик.

– Так... – протянул Андрей Петрович. – Где же теперь твой мамонт Тузик?

– Мы его оставили на лосевой ферме... Вы не верите? Да? А мы, честное пионерское, оставили его на лосевой ферме! Он, понимаете, еще только начинал приручаться... И потом, он очень боится атомов... Вот мы и не решились вести его в город. Мало ли что может натворить недрессированное доисторическое животное!

– Очень хорошо, – сказал старый ученый, но Вася по его глазам видел, что он ни капельки не верит. – Очень хорошо. А позволительно спросить: кто это «мы»? В яме с тобой был еще кто-нибудь, кроме мамонта?

– Да нет же! – закричал Вася. – Нет! В яме я был один. И мамонт, конечно, – добавил он поспешно. – А «мы» – это дедушка Маслов, его внук Женька и его внучка Лена.

Андрей Петрович даже отодвинулся. Его глаза широко открылись, смуглые щеки покрылись румянцем.

– Значит, и дедушка, и внучка, и этот... ну, Женька видели твоего мамонта?

– Ну конечно, видели! Они даже катались на нем! – Вася чуть помедлил и добавил: – Это я их катал!

– Где твой дедушка? – закричал ученый и вскочил на ноги так ловко, словно он был не ученым, а всего лишь школьником шестого класса. – Подайте сюда немедленно дедушку!

– Он не мой дедушка, – сказал Вася. – Но все равно он стоит там, возле ямы.

Расталкивая ученых всех стран, Андрей Петрович подбежал к яме. Дедушкин парадный костюм был еще более помят, на нем появились грязные пятна – видно, он ходил между тесно составленными машинами и задевал за их крылья. Лена стояла возле электронки, и глаза ее

светились тревожно и грустно. Но когда подбежал Вася, то в них блеснула радость, и Лена облегченно вздохнула. На месте не было только Женьки. Но и он отыскался: Женька уже успел пристроиться к операторам телевизионной студии. Он помогал перетаскивать провода и приборы и уже так вошел в свою роль помощника, что начал даже покрикивать на ученых, чтобы они «не мешали кадру».

Андрей Петрович даже не поздоровался с грустным дедушкой и сразу же закричал на него:

– Почему вы сразу не сказали, что вместе с Васей Голубевым был еще и мамонт? Или, может быть, его не было?

Дедушка стал краснеть – быстро, стремительно. Даже склеротические жилки на его пухлых щеках исчезли в сплошной алой краске.

– Видите ли... – начал он, – мне казалось, что, если все произойдет сразу, будет не так интересно.

– Что – все? – опять закричал Андрей Петрович. – Почему сразу?

– Ну, и мамонт, и Вася... Я думал, что будет лучше, если уважаемые ученые сначала изучат Васю, а потом уж мамонта. Тем более что мне даже самому не верится, что это был мамонт. Я очень хорошо знал когда-то Васю Голубева. Он был такой отчаянный выдумщик, что я вовсе не ручаюсь, что он привел настоящего мамонта. Знаете, не всему верь, что видишь. Я даже иногда думаю, что он просто обманул нас, выдав обыкновенного слона за мамонта.

Вася задыхался от возмущения. Вот он, Женька Маслов! Он ни капельки не изменился, даже прожив целых полвека. Он такой же маловер и такой же завистник, каким был в школе.

– Дедушка, – возмутилась Лена, – но я же точно знаю, что это мамонт!

– Откуда ты можешь это знать? – искоса поглядывая на Лену, спросил дедушка. – Может быть, он просто наклеил шерсть на слона и теперь выдает его за мамонта.

– Я не понимаю тебя, дедушка! – с некоторой сдержанностью в голосе сказала Лена, и глаза ее заблестели твердо, как сталь. – Если бы Вася действительно наклеил волосы на слона, они бы обязательно отодрались, когда я и Женька карабкались на него. А волосы были крепкими.

– Ну, знаешь, – возмутился дедушка, – это не доказательство! Неужели можно поверить, что не успевший отмерзнуть мальчишка сразу же приручил доисторическое животное? Понятно, что это дрессированный, но замаскированный слон.

– Дедушка, – с недобрым спокойствием сказала Лена, – но ведь и я тоже приручила его с помощью сахара. Не могла же я знать Тузика раньше!

Дедушка так смешно засопел, так беспомощно замахал руками, что даже очень серьезный и возбужденный Андрей Петрович не мог не улыбнуться. Он спросил:

– Значит, все-таки слон это был или мамонт?

– Почему – «был»? – вдруг обиделся дедушка. – Он и сейчас есть. Мы его оставили на лосевой ферме. Что ж вы думаете, я не понимаю, как это важно? Я прекрасно понимаю. Но я думаю, что, прежде чем говорить об этом мамонте, его нужно проверить. Так я думаю.

Дедушка с таким упоением говорил «я», так смешно выпячивал при этом грудь, что Вася понял: ему очень хочется быть главным в этой истории. Он, пожалуй, даже жалеет, что не он замерз в свое время.

«Эх, Женька Маслов, Женька Маслов, – горько усмехнулся Вася, – если бы ты знал, до чего же трудная вещь не то что чужая, а даже своя слава! Потаскали бы тебя, как меня, – тогда бы узнал!»

Андрей Петрович не стал больше слушать дедушку. Он подбежал к телеоператорам, поговорил с ними, и через несколько минут над усеянным возбужденными, спорящими учеными пригорком прозвучал его усиленный радиорепродуктором голос:

– Уважаемые коллеги! Мне кажется, что нам нужно на время отложить наши споры. Вначале следует изучить все факты. Я это говорю потому, что мы знаем только один факт: отмерзание мальчика Васи Голубева. Между тем это не все. Голубев размораживался вместе с доисторическим животным – мамонтом. Я полагаю, что, если мы убедимся в том, что мамонт действительно существует, наши споры перейдут в иную плоскость. Тогда мы будем говорить не о достоверности размораживания, а о том, благодаря чему оно произошло и какие выводы нам нужно сделать из этого, как поставить обнаруженные явления на службу человечеству.

Ученые стали медленно собираться к яме.

– Я предлагаю, – продолжал ученый, – ознакомиться с рассказами людей, которые не только видели ожившего, размороженного мамонта, но и кормили его, катались на нем. Предоставим им слово.

Первому пришлось говорить Васе, хотя дедушка и попытался было сразу же завладеть вниманием присутствующих. Но Андрей Петрович сказал, что, поскольку он только видел мамонта, а не катался на нем, он выступит предпоследним.

Когда Вася закончил свой рассказ, вокруг ямы столпились все: каждому хотелось посмотреть на яму, в которой размораживался мамонт. Передние успели рассмотреть ее как следует и заметили, что одна стена еще хранит очертания мамонтовой туши. Эти ученые уже начинали верить Васе. Но задние не видели этого. А они хотели увидеть. Постепенно возникла давка: задние нажимали, а передние упирались каблуками, чтобы удержаться, и земля стала скатываться в яму. Послышались возмущенные крики, кто-то сорвался и, увлекая за собой глыбы земли, покатился вниз. Вскоре очертания мамонтовой туши оказались засыпанными.

Вполне понятно, что те, которые подошли к яме последними, уже не смогли увидеть эти важные доказательства и не совсем верили тем, кто их видел раньше. А те, кто их видел, были очень обижены тем, что их толкнули в яму, и громко возмущались. Таким образом, вместо успокоения ученых страстей случилось обратное: страсти разгорелись еще сильнее. Андрею Петровичу с большим трудом удалось установить порядок, да и то только потому, что смотреть на яму было уже незачем.

Выступления Лены и дедушки ничего нового не дали, но рассказ Женьки вызвал необыкновенный интерес, особенно в том месте, где говорилось о рыболовной удаче Тузика. Отовсюду раздались крики.

– Этого не может быть! Мамонты никогда не питались рыбой!

– Это выдумка! Мамонт – травоядное животное!

Женька слушал, пытался возражать, объяснить, как все получилось, но на него не обращали внимания. Тогда он, рассердившись, буркнул: «Смотри-ка, еще не верят!» – и побежал к электронке. Он вскоре вернулся с объемистым свертком и поднял его над собой так, чтобы все видели кусок жареного тайменя.

– Вот видите?! – закричал он. – Вот этого тайменя поймал Тузик, а мама его зажарила. Если кто-нибудь не верит мне, пусть попробует.

И надо сказать, что ученые стали пробовать. Тут дело не в том, что они вдруг, сразу поверили Женьке, а просто каждому хотелось попробовать рыбу, пойманную доисторическим животным. Ведь такую рыбу, конечно, никто никогда не пробовал. Ученые-врачи обнюхивали и рассматривали рыбу, причмокивали и делились своими впечатлениями с коллегами. Но факт был налицо: таймень был отлично прожарен и по-настоящему вкусен. Маловеры были посрамлены, и Женька мог торжествовать полную победу.

Глава двадцать четвертая

БЕГСТВО ТУЗИКА

Так часто бывает в жизни: люди сомневаются в серьезных, очевидных фактах и вдруг верят мелочам, которые сами по себе не могут даже подтвердить уже известные факты. Так случилось и с тайменем. Скажи о нем дедушка или даже Вася, ученые-доктора не поверили бы им – ведь тайменя можно поймать и удочкой, и сетью, и другой рыболовной снастью. Но когда его историю рассказал Женька, да еще подтвердил свои слова делом, поверили все, даже самые упорные маловеры: слишком уж убежденно говорил Женька, слишком верил он в то, что говорил. И эта убежденность покорила взрослых ученых.

На взгорке, вокруг исторической теперь ямы, зашумели моторы многочисленных электронок и вертолетов – ученые устремились на лосевую ферму, чтобы познакомиться с Тузиком. Они были так возбуждены, так спешили, что Вася Голубев невольно стал беспокоиться: он прекрасно понимал, что за поведение Тузика отвечать будет он. На помощь пришла Лена. Она сказала:

– Нельзя подпускать к Тузику такую массу машин. Он испугается и может растоптать и людей и машины.

– А что же делать? – спросил Вася. – Они же обязательно хотят увидеть мамонта. Ведь это нужно для науки.

– Пусть смотрят, но... издалека.

– Да, «издалека»! Даже дедушка и тот не верит, что это мамонт. А они тем более не поверят.

– Поверят. Пусть подходят по одному, по двое и осматривают его.

– Слушай, Лена, но ведь если они будут осматривать его даже по двое, и то нам с тобой придется сидеть на лосевой ферме почти неделю: ты посмотри, сколько их.

– Пусть хоть месяц, – решительно ответила Лена. – Раз это нужно для науки, будем сидеть целый месяц и показывать всем Тузика.

«В конце концов, Лена права, – подумал Вася. – Для науки нельзя жалеть ничего».

Кроме того, этот месяц они будут вместе с Леной, и, значит, какой-то там Валька Башмаков наверняка не появится даже на горизонте. Вася смутился от этих неожиданных мыслей, но промолчал: мысли все-таки были верные.

Через некоторое время, когда страсти несколько улеглись, дедушкина электронка помчалась к шоссе. За ней, покачиваясь на кочках, подминая кусты багульника, катились другие машины, а над ними летели многочисленные вертолеты.

Все шло спокойно и примерно так, как и предполагал Вася, до той поры, пока машины не достигли шоссе. Когда пришлось пересекать его, случилось нечто невообразимое. Машины точно заплутались. Одни стали поворачивать вправо, хотя их водители изо всех сил поворачивали баранки влево, другие, наоборот, стремились вправо, хотя надлежало им ехать прямо. Третьи просто остановились на месте, а четвертые стали двигаться по кругу, будто танцуя вальс. Дедушка первый заметил это необычайное зрелище и первый раз за весь этот неудачный для него день весело рассмеялся. Он остановил машину около шоссе и сказал ребятам:

– Вот смотрите, что получается, когда очень умные люди надеются только на приборы и автоматику. Они даже не могут переехать шоссе!

– Но почему? – воскликнул Женька.

– А потому, что они забыли отключить автоводители, автостопы и прочие авто. Приборы честно выполняют свою задачу: они поворачивают машины для езды по шоссе – ведь они для этого и созданы. Приборы не разрешают нарушать правила движения. Ты теперь понимаешь, Женя, что вашему брату, малышам, еще нельзя водить машины?

– Но, дедушка, ведь несчастье-то случилось со взрослыми людьми! – невинно сказала Лена, и Женька благодарно посмотрел на сестру.

Наконец незадачливые водители справились с трудностями, и поток машин пересек шоссе. До лосевой фермы осталось совсем недалеко, и дедушкина электронка остановилась. Стали и другие машины. Из них выглянули ученые.

– Я думаю, что всем сразу нельзя появляться перед мамонтом, – сказал дедушка. – Животное еще не освоилось с людьми.

«Ну вот, начинается!» – подумал Вася и заговорщически взглянул на Лену.

Ребята первыми вышли из машины и пошли к воротам лосевой фермы. Ученые и сопровождающие их работники расположились поодаль, торопливо пряча машины в кустарниках. Ворота фермы были заперты.

– Ишь ты, какой умник! – пробормотал необычайно серьезно дедушка. – Не сбежал.

Они открыли ворота, вошли за забор, и Вася закричал:

– Тузик, Тузик!

Но на зов никто не откликнулся.

Ребята обежали весь двор, заглянули в помещения и загоны, но Тузика нигде не было. Вся трава была съедена, вся вода выпита.

– Понятно! – возмутилась Лена. – Пока ученые спорили, бедное животное голодало, и голод заставил его вырваться из плена.

– Это нелегко, – сказал Женька и с уважением посмотрел на толстый и высокий забор. – Тут не сразу выберешься.

– Очень ему страшны такие заборы! – ответила Лена. – Он чуть нажмет плечом – и забора как не бывало.

Они осмотрели забор и вскоре нашли пролом. У ворот стали появляться наиболее нетерпеливые ученые. Они покрикивали:

– Ну, скоро там?

– Где же ваш мамонт?

– Получается скандал, – сурово сказал дедушка. – Нужно немедленно разыскать Тузика.

Ребята отправились по его следам. Тяжелые, круглые ступени мамонта оставили на сырой лесной земле глубокие впадины. Они вели к реке. Но еще не доходя до нее, Женька крикнул:

– Здесь он! Вот он! Спит!

Тузик и в самом деле прикорнул на краю небольшой, густо заросшей травой полянки. Услышав Женькин крик, он пошевелил хоботом и приветливо засопел. Обрадованный Вася бросился к своему доисторическому другу и погладил его. Тузик легонько обнял Васю хоботом, приподнял и посадил к себе на шею. Так поступил он и с Леной, а вот для Женьки такой ласки у мамонта не нашлось.

– Это потому, – сказала Лена, – что ты даже не подумал накормить животное.

– Да, не кормил!.. – чуть не заплакал Женька. – А я ему травы не рвал? Да? А воду не таскал? Да?

– Ну ладно, не хнычь. Мы его попросим посадить и тебя.

Вася ласково потрепал Тузика по щекам, приговаривая:

– Взять! Взять, Тузик!

Мамонт шумно вздохнул, бесцеремонно обхватил Женьку хоботом и шлепнул рядом с Васей и Леной. Женька некоторое время молчал, отчаянно ворочая глазами, и только после того, как мамонт поднялся на ноги и, подгоняемый Васей, покорно пошел за дедушкой, наконец сказал:

– Ведь он убить может...

– А ты думаешь! – довольно равнодушно сказала Лена. – Я же тебе сколько раз говорила, что с животными нужно обращаться вежливо, тогда и они тебя будут любить.

Покачивая волосатым хоботом и мохнатой шерстяной юбочкой, важный Тузик вышел к воротам лосевой фермы и остановился.

Вдалеке толпились сотни людей. Рядом с фермой стояла небольшая толпа.

Тузик поднял хобот и принялся. Ветер донес до него запахи металла и машинного масла. Они встревожили мамонта, и он яростно затрубил.

Все, кто был неподалеку, остановились как вкопанные и с ужасом смотрели на огромное волосатое животное с единственным желтоватым бивнем. Мамонт ревел все сильнее и, разгорячившись, стал раскачиваться и переступать с ноги на ногу.

Женька, у которого не прошел еще первый испуг, а рев мамонта испугал его снова, осторожно поднялся на четвереньки и пополз по мамонтовой спине, как по ковру, добрался до крупа животного и, уцепившись за хвост, прыгнул на землю. И только на земле он опять стал храбрым мальчишкой и смело закричал Васе и Лене:

– Слезайте сейчас же! Он драться будет! Слезайте!

Мамонт ревел все сильнее, все выше поднимал ноги, и ребята чувствовали себя так, словно на утлой лодочке они попали в океанский шторм, – их швыряло в разные стороны. Вася пытался успокоить Тузика и кричал:

– Тише! Спокойно! Тебя никто не тронет!

Но мамонт не обращал внимания на своего поводыря.

Трудно сказать, что могло бы произойти. Ученые зрители осторожно, чтобы не раздражить мамонта, стали прятаться – кто в кусты, кто под машины, кто за забор фермы. Зато теле- и кинооператоры почувствовали себя в привычной обстановке. Как охотники, они окружали мамонта со всех сторон, направляя на него многочисленные объективы и лампы своих установок. Но вся беда заключалась в том, что мамонт стоял у фермы, в лесу, и освещение показалось операторам недостаточным. Они стали включать свои могучие осветительные лампы. Потoki резкого, слепящего света залили Тузика. Отчаянно затрещали аппараты.

Бедный мамонт, еще минуту назад готовившийся разметать все это полчище неожиданных врагов, трусил, как комнатная собачонка. Он вдруг осел на задние лапы, поджал хвост, поднял хобот и... заскулил. Операторы наконец нашли нужные им точки для наиболее удачных съемок и включили свои осветительные лампы на полную мощность. Тузик беспомощно заморгал глазами, отчаянно взревел и, круто повернувшись на задних лапах, со всех ног побежал в лес. Ни Лена, ни Вася уже не могли ни соскочить с него, ни остановить. Обезумевший мамонт мчался, как танк, подминая деревца, перепрыгивая болотца и ручейки. Ребята прижались к его шее, вцепились в его густую шерсть и молчали.

Во время этой бешеной скачки ветви встречных деревьев наверняка сшибли бы ребят с мамонтовой шеи, но Тузик держал свой хобот вверх и непрерывно трубил. О хобот, как о форштевень корабля, разбивался прибой зеленых ветвей, и это спасло ребят.

Тузик все мчался и мчался со скоростью атомного поезда и с шумом реактивного самолета.

Глава двадцать пятая

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Подъемы сменялись склонами, густая, буреломная тайга – полянками, реки и ручейки – болотами. Тузик бежал на юг, и ребята, понемногу осваиваясь с безостановочным движением, все чаще посматривали по сторонам.

Преодолевая очередной подъем, Тузик шумно вздохнул, коротко протрубил и перешел с рыси на быстрый шаг. На перевале он остановился и затрубил опять. Горы ответили ему раскатистым эхом, и мамонт, оттопырив свои огромные мягкие уши, долго прислушивался и, разом успокоившись, стал медленно спускаться вниз. Поросль хвойного леса сменилась перекрученной ветрами лесной молодью, и наконец мамонт вступил в кедровник.

Могучие темно-бронзовые стволы стояли тесно, как колонны. В невообразимой вышине между их кронами просвечивало голубое небо. Пахло смолой, хвоей и тем особым, необыкновенно приятным ароматом, который всегда наполняет кедровники. Дышалось легко и как-то празднично. Под ногами Тузика тихонько шуршала прошлогодняя хвоя, словно нарочно усыпавшая чистенький, сухой лес. Ни подлеска, ни травинки – только могучие, неохватные стволы да шуршащая хвоя.

Но и кедровник остался позади.

Тузик вышел к речке и стал жадно пить. Ребята осторожно слезли с мамонта и тоже напились студеной, кристально чистой воды. Сразу же захотелось есть.

Вася еще раз выругал про себя тех зевак, которые не дали ему утром как следует позавтракать. А Лена ругнула Женьку:

– Подумать надо, всего тайменя роздал! Вот бы теперь кусочек...

Вася помрачнел. Однако торжественная тишина тайги и поблескивающая река успокоили его. В эту минуту он прекрасно понимал, что отвечает не только за себя, но и за Лену, и за Тузика. И это чувство ответственности заставило его по-новому взглянуть на окружающее.

Ну и что ж, что нелегкая судьба занесла его в глухую тайгу? Понятно, что их будут искать; понятно, что их найдут. Но пока это произойдет, нужно и самим бороться с трудностями. Вася усмехнулся и сказал:

– Ты понимаешь, прямо из двадцать первого века мы попали в доисторическую жизнь.

– Как так? – не поняла Лена.

– А так. Кругом тайга. У нас ни оружия, ни огня, ни металла. С нами только мамонт. Живи как хочешь.

– Верно... – протянула Лена, и глаза у нее сверкнули восторженно и таинственно. – Верно. Мы теперь совсем-совсем одни. Как тысячи лет назад. Что же мы будем делать? Ведь есть-то хочется!..

Вася уже не старался думать логически. Он просто чувствовал: нужно что-то делать, и снова жизнь подсказала, что именно.

– Как – что? Перед нами река. Значит, может быть рыба. Неподалеку кедровник – значит, нужно достать кедровых шишек. Кедровые орешки очень вкусные и питательные.

– Верно!.. – все так же восторженно и таинственно прошептала Лена. – Но ведь удочек-то нет?

– Сделаем, – уверенно сказал Вася.

– Но из чего?

Вася думал только одну секунду. Потом он сказал:

– Видишь, у меня на лыжной куртке есть крючки? Мы их разогнем и сделаем рыболовный крючок. Нужна леска. Мы ее сплетем из мамонтового волоса. Ты умеешь заплетать косы?

– Конечно, умею, – ответила Лена.

Глаза у нее расширились и смотрели на Васю так, что ему даже стало немного не по себе: можно было подумать, что Лена восхищается его находчивостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.